

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ «ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

На правах рукописи

ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКЕ САУДОВСКОЙ АРАВИИ (1979–2019 гг.)**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Специальность 5.6.7. – История международных отношений
и внешней политики

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
Аватков Владимир Алексеевич

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ	35
1.1. Теоретические подходы к изучению взаимосвязи религии и политики.....	35
1.2. Эволюция религиозного фактора в международных отношениях второй половины XX – начала XXI вв.	54
1.3. Ислам как элемент международных отношений.....	73
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ	99
2.1 Формирование основ внешней политики Саудовской Аравии.....	99
2.2 Развитие ключевых направлений внешней политики Саудовской Аравии	126
2.3 Влияние глобальных и региональных трансформаций на внешнюю политику Саудовской Аравии	147
ГЛАВА 3. РЕЛИГИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ	174
3.1. Особенности социально-политической системы Саудовской Аравии как конфессионального государства	174
3.2. Трансформация роли ислама в политической системе Саудовской Аравии.....	186
3.3. Религиозные институты в политической системе Саудовской Аравии.....	205
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	226
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	233

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного анализа эволюции религиозного фактора во внешней политике Саудовской Аравии в период 1979–2019 гг. Данное исследование позволяет глубже осмыслить ключевые тенденции развития ближневосточной подсистемы международных отношений в конце XX – начале XXI вв. Особую значимость приобретает изучение влияния религиозных идеологий на формирование внешнеполитического курса государства в условиях глобальных геополитических изменений и региональных конфликтов, непосредственно затрагивающих безопасность и стабильность всего Ближнего Востока.

Изучение роли религиозного фактора во внешней политике Саудовской Аравии представляет особую научную и практическую значимость в современных условиях трансформации международной системы. Анализ исторической динамики взаимодействия религии и политики в контексте эволюции систем международных отношений, что религиозная компонента неизменно играла существенную роль в формировании связей между государствами и целого ряда дипломатических практик. При этом комплексное изучение религиозного фактора в современных международных отношениях возможно только при условии соблюдения принципов междисциплинарного исследования и рассмотрения конкретных примеров, коим в рамках данного исследования является Саудовская Аравия и ислам.

С момента своего основания в 1932 г. Королевство Саудовская Аравия выстроило свою внешнюю политику на базе уникального сочетания традиционных исламских ценностей и прагматичных государственных интересов. Исторический анализ эволюции внешнеполитического курса королевства позволяет выделить несколько ключевых этапов: период становления государства (1932–1958 гг.), этап «живого сочетания морали и реализма» (1958–1979 гг.), время активизации регионального и религиозного векторов (1979–2001 гг.),

период вынужденной «умеренности» (2001–2015 гг.) и фазу резкого ужесточения (2015–2019 гг.). Каждый из этих этапов характеризовался специфическим использованием религиозного фактора в достижении стратегических целей государства.

В современный период значение религиозной компоненты во внешней политике Саудовской Аравии приобретает новое качество. На фоне глобальных геополитических изменений и региональных кризисов королевство адаптирует традиционные механизмы использования религии к новым реалиям международных отношений, что особенно заметно в контексте реализации программы «Видение: 2030», которая, при сохранении приверженности саудовским исламским ценностям, направлена на модернизацию экономики и общества королевства.

Актуальность исследования усиливается тем, что на современном этапе религиозный фактор во внешнеполитическом курсе Саудовской Аравии проявляется не только в традиционных формах культурно-просветительской деятельности или гуманитарных проектах, но и в сложных механизмах реализации национальных интересов государства. Особую роль играют такие аспекты, как финансирование религиозных образовательных учреждений за рубежом, поддержка суннитских политических партий и движений в других арабских странах и участие в разрешении региональных межконфессиональных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке.

В контексте современных международных отношений важно понимать специфику использования религиозного фактора в различных исторических периодах. От периода «холодной войны» до современности можно проследить эволюцию целей и методов применения религиозной компоненты во внешней политике Саудовской Аравии. При этом сохраняется преемственность основных принципов, базирующихся на особой роли ислама в государственном устройстве страны.

На протяжении последних десятилетий можно зафиксировать несколько ключевых этапов трансформации религиозного компонента во внешней политике региональных держав. Если в период «холодной войны» религия часто служила инструментом идеологической борьбы между сверхдержавами, то после окончания биполярной системы мироустройства произошла переориентация религиозного фактора на решение внутрирегиональных задач и укрепление позиций национальных государств.

Особую роль в этом процессе сыграла Исламская революция 1979 г. в Иране, которая существенно повлияла на динамику политических процессов в субрегионе Персидского залива. Саудовская Аравия, позиционирующая себя как одного из лидеров «исламского мира», столкнулась с необходимостью пересмотра традиционных подходов во внешней политике. Это привело к формированию новых векторов во внешнеполитическом курсе королевства, что, во многом, определило её современное положение в регионе и на международной арене, где религиозный компонент стал играть более значимую роль.

В начале XXI в. влияние религиозного фактора на внешнюю политику Саудовской Аравии приобрело дополнительные измерения. Глобальные изменения в системе международных отношений, обострение региональных конфликтов, появление новых независимых государств с преимущественно мусульманским населением (в том числе и на Постсоветском Востоке) создали условия для активизации религиозно-политической составляющей внешнеполитического курса Эр-Рияда.

Значимость исследования усиливается тем, что религиозный фактор в политике Саудовской Аравии проявляется не только в традиционных формах культурно-просветительской деятельности или гуманитарных проектах, но и в сложных механизмах реализации национальных интересов государства. Особую роль играют такие аспекты, как финансирование религиозных образовательных учреждений за рубежом, поддержка суннитских политических партий и движений в других арабских странах и участие в разрешении межконфессиональных конфликтов.

В контексте современных международных отношений важно понимать специфику использования религиозного фактора в различных исторических периодах. От периода «холодной войны» до современности можно проследить эволюцию целей и методов применения религиозного компонента во внешней политике Саудовской Аравии. При этом сохраняется преемственность основных принципов, базирующихся на особой роли ислама в государственном устройстве страны. Изучение данного феномена позволяет глубже понять механизм взаимодействия религиозных институтов и органов государственной власти в формировании и развитии внешнеполитического курса Эр-Рияда, что особенно актуально в контексте «политизации религии и конфессионализации политики», которые, по мнению ряда исследователей, создают необходимость пересмотра классических парадигм в теории международных отношений.

Сложная геополитическая ситуация на Ближнем Востоке, возросшее влияние религиозно-политических движений, многочисленные этнические и конфессиональные конфликты, ставшие константой политических процессов региона с конца 1970-х гг. и заметно усилившиеся после событий «арабской весны» 2010-х гг., делают ещё более важным исследование роли религиозного фактора как в развитии внешней политики отдельных государств Арабского Востока, так и в эволюции всей системы международных отношений. Понимание данных процессов необходимо не только в рамках изучения истории социально-политического развития Саудовской Аравии, но и для прогнозирования развития ситуации в регионе и выработки адекватных подходов к решению существующих проблем.

Объектом исследования является внешняя политика Саудовской Аравии в период 1979–2019 гг., **предметом** – религиозный фактор в развитии внешнеполитического курса Саудовской Аравии в период 1979–2019 гг.

Хронологические рамки обусловлены объектом и предметом диссертационного исследования. Выбранный период исследования (1979-2019 гг.)

представляется оптимальным для исследования религиозного фактора в развитии внешней политики Саудовской Аравии по нескольким существенным причинам:

1. *Нижняя хронологическая рамка* – 1979 г. – обусловлена фундаментальными изменениями на фоне «исламского пробуждения» в политико-идеологическом ландшафте Ближнего и Среднего Востока, которые оказали непосредственное влияние на трансформацию внешнеполитического курса королевства. Исламская революция в Иране выступила катализатором обострения суннитско-шиитских противоречий, что потребовало от королевства пересмотра подходов к использованию религиозного фактора в международных отношениях. Теракт в Мечети аль-Харам наглядно продемонстрировал угрозу радикального салафизма внутри страны, став важным фактором корректировки как внутренней, так и внешней политики государства. Ввод советских войск в Афганистан создал новые условия участия Саудовской Аравии в глобальных процессах, где религиозный фактор приобрел значение инструмента геополитики. Совокупность этих событий не только ознаменовала начало трансформации внешней политики самого королевства, но и существенно изменила конфигурацию Ближнего Востока, положив начало периоду активизации регионального и религиозного векторов внешней политики Саудовской Аравии.

2. *Верхняя хронологическая рамка* – 2019 г. – определена этапом, на котором обозначились новые тенденции в развитии внешнеполитического курса Саудовской Аравии. К этому времени началось активное воплощение программы «Видение: 2030», оказавшей значительное влияние на внешнеполитическую деятельность королевства. Наблюдалась заметная трансформация роли религиозного фактора в международной политике Эр-Рияда, произошло существенное изменение подходов к решению региональных конфликтов и сформировалась новая парадигма использования религии во внешней политике. Выбранный временной интервал позволяет проследить полный цикл эво-

люции внешнеполитического курса Саудовской Аравии под воздействием религиозного фактора – от периода активизации регионального и религиозного векторов (1979–2001 гг.) через фазу «вынужденной умеренности» (2001–2015 гг.) до этапа резкого ужесточения (2015–2019 гг.), завершившегося переходом к более сбалансированному и взвешенному курсу на современном этапе.

Тем не менее, для полноценного раскрытия исторических предпосылок и эволюции религиозного фактора во внешней политике Саудовской Аравии в рамках данной работы пришлось выйти за пределы указанного периода 1979–2019 гг. Включение более ранних периодов с 1920-х до 1960-х гг. обусловлено необходимостью анализа истоков формирования саудовской государственности и эволюции ваххабитского движения, которые определили специфику использования религиозного фактора во внешней политике КСА. Включение предыстории позволяет проследить становление базовых принципов саудовской дипломатии и преемственность основных подходов к инструментализации религии в международных отношениях, что существенно для понимания логики развития событий и явлений 1979–2019 гг.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы определить исторические закономерности и особенности влияния религиозного фактора на формирование и развитие внешнеполитического курса Саудовской Аравии.

Достижение поставленной цели диссертационного исследования предполагает выполнение следующих **задач**:

1. Проанализировать историческое влияние процесса «религиозного ренессанса» на развитие международных отношений.
2. Выявить историческую специфику международных процессов в «исламском мире» через анализ феномена «исламского пробуждения».
3. Исследовать процесс формирования концептуальных основ и эволюцию ключевых направлений внешней политики Саудовской Аравии.
4. Предложить вариант периодизации и характеристики основных этапов развития внешней политики Саудовской Аравии.

5. Определить исторические особенности и степень влияния религиозных институтов Саудовской Аравии на её социально-политическое развитие.

Теоретико-методологическую основу исследования составили *историко-генетический метод* (применялся для исследования процесса формирования и эволюции внешнеполитического курса Саудовской Аравии, выявления исторических предпосылок и этапов развития религиозного фактора в политике КСА, а также определения причинно-следственных связей между внутренними преобразованиями в королевстве и изменениями во внешней политике), *хронологический метод* (использовался для систематизации исторических данных, установления последовательности событий и выявления долгосрочных тенденций в развитии внешней политики Саудовской Аравии в период 1979-2019 гг.), *диахронный анализ* (применялся для изучения временных изменений в роли религиозного фактора во внешней политике КСА, выявления структурных сдвигов и их влияния на современное состояние международных отношений), *институциональный метод* (использован для изучения религиозных институтов и их роли в политических процессах на примере ислама в КСА), *структурно-функциональный анализ* (применялся для определения места и роли религии в обществе в рамках её рассмотрения как подсистемы общей социальной структуры), *политико-аксиологический подход* (использовался для анализа ценностных оснований внешней политики Саудовской Аравии и их влияния на принятие конкретных политических решений), *междисциплинарный подход* (необходим для комплексного изучения религиозного фактора в международных отношениях с использованием инструментария политологии, социологии и религиоведения).

Эмпирическую базу исследования составляют источники на арабском, английском и русском языках, которые можно разделить на пять групп:

1. *Первая группа* включает в себя официальные документы различных международных организаций: Всеобщая декларация прав человека ООН¹,

¹ Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 10.01.2025).

Международный пакт о гражданских и политических правах ООН², Статут Международного Суда ООН³, Соглашение об исламской дружбе и арабском братстве ООН⁴, Устав ОИС⁵, Куала-Лумпурская декларация ОИС⁶, Мекканская декларация ОИС⁷, 10-летняя программа действий ОИС⁸, Итоговые коммюнике саммитов ОИС на высшем уровне⁹, Каирская декларация прав человека ОИС¹⁰, Мекканская хартия Лиги исламского мира¹¹, Арабская декларация прав человека ЛАГ¹², Устав ССАГЗ¹³, Устав и Стратегическое видение ИВАК¹⁴ и т.д. Данная группа источников была задействована для 1) изучения противоречий между универсалистским подходом западных документов (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт) и документами мусульманских организаций (Каирская декларация ОИС, Арабская хартия ЛАГ), 2) анализа процесса «секьюритизации религии» через документы ИВАК и

² Международный пакт о гражданских и политических правах // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

³ Charter of the United Nations and Statute of the International Court of Justice // UN Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Treaty of Islamic friendship and Arab brotherhood (Treaty of Taif) // UN Peacemaker. – URL: https://peace-maker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/SA%20YE_340520_Treaty%20of%20Islamic%20friendship%20and%20Arab%20brotherhood%20%28Treaty%20of%20Taif%29.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

⁵ منظمة التعاون الإسلامي // ميثاق منظمة التعاون الإسلامي. URL: https://www.oic-oci.org/upload/pages/conventions/ar/oic_charter_5893427_ar.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

⁶ Kuala Lumpur Declaration on International Terrorism // Organization of Islamic Cooperation. URL: https://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/11_extraordinary/declaration.htm (дата обращения: 10.01.2025).

⁷ Makkah al-Mukarramah Declaration, 5–7 Dhul Quidah 1426H (7–8 December 2005) // Organization of Islamic Cooperation. URL: <https://ww1.oic-oci.org/ex-summit/english/Makka-dec-en.htm> (дата обращения: 10.01.2025).

⁸ Ten-year Programme of Action to Meet the Challenges Facing the Muslim Ummah in the 21st Century // Organization of Islamic Cooperation. URL: <https://ww1.oic-oci.org/ex-summit/english/10-years-plan.htm#:~:text=has%20been%20developed%2C%20which%20reviews%20the%20most%20prominent%20challenges> (дата обращения: 10.01.2025).

⁹ Final Communiqué of the Third Extraordinary Session of the Islamic Summit Conference «Meeting the Challenges of the 21st Century, Solidarity in Action» // Organization of Islamic Cooperation. URL: <https://ww1.oic-oci.org/ex-summit/english/fc-exsumm-en.htm> (дата обращения: 10.01.2025); منظمة // البيان الختامي لمؤتمر القمة الإسلامي الثالث. URL: https://ww1.oic-oci.org/arabic/conf/is/3/3rd-summit.htm#البيان_الختامي (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁰ The Cairo Declaration and the Universality of Human Rights // International Humanist and Ethical Union (IHEU). URL: <https://web.archive.org/web/20081031135736/http://www.iheu.org/node/3162> (дата обращения: 10.01.2025); إعلان القاهرة لمنظمة التعاون الإسلامي لحقوق الإنسان. URL: https://www.oic-oci.org/upload/pages/conventions/ar/oic_cairo_declaration_256723_ar.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

¹¹ The Charter of Makkah // Muslim World League. URL: <https://www.themwl.org/en/chartermakkah> (дата обращения: 10.01.2025).

¹² جامعة الدول العربية // الميثاق العربي لحقوق الإنسان. URL: <http://www.lasportal.org/ar/legalnetwork/Documents/الميثاق%20العربي%20لحقوق%20الإنسان.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

¹³ مجلس التعاون لدول الخليج العربية // النظام الأساسي لمجلس التعاون. URL: <https://gcc-sg.org/ar-sa/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁴ الرؤية الاستراتيجية // IMCTC. URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/Vision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.01.2025); الأهداف الاستراتيجية // IMCTC. URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/goals/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

ССАГЗ, показывающие, как религиозные аспекты инкорпорируются в механизмы обеспечения региональной безопасности, 3) исследования развития религиозного вектора внешней политики КСА через участие в разработке различных документов ОИС (Куала-Лумпурская декларация, 10-летняя программа действий).

2. *Вторая группа* – межгосударственные соглашения, договоры, меморандумы и декларации: Соглашение о границах между Хиджазом и Великобританией 1927 г.¹⁵, Договор о союзе между Египтом и Великобританией 1936 г.¹⁶, Договор о дружбе и торговле между СССР и Йеменом¹⁷, Обмен письмами об установлении дипломатических отношений между СССР и Саудовской Аравией¹⁸, Постановление президента США о ленд-лизе 1943 г.¹⁹, Совместный всеобъемлющий план действий 2015 г.²⁰, Эр-Риядская декларация Международной конференции по борьбе с терроризмом²¹, Соглашение о создании

¹⁵ Treaty Between Great Britain and Hedjaz // Advocate of Peace through Justice. 1927. Vol. 89, No. 11. – P. 631–633.

¹⁶ The Treaty of Alliance Between His Majesty, in Respect of the United Kingdom, and His Majesty, the King of Egypt (1936) // Foreign, Commonwealth & Development Office UK. URL: <https://web.archive.org/web/20120924110414/http://www.fco.gov.uk/resources/en/pdf/treaties/TS1/1937/6> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁷ Договор о дружбе и торговле между Союзом ССР и Йеменом // СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961. – С. 69–72.

¹⁸ Обмен письмами об установлении дипломатических отношений между СССР и Саудовской Аравией (королевством Хиджаза, султанатом Неджда и присоединённых областей) // СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961. – С. 61–62.

¹⁹ President Roosevelt to the Lend-Lease Administrator Stettinius (February 18, 1943) // The Historian of the U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1943v04/d893> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁰ Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1511905/ (дата обращения: 10.01.2025).

²¹ Эр-Риядская декларация Международной конференции по борьбе с терроризмом // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1719597/ (дата обращения: 10.01.2025).

ИВАК²², Материалы слушаний Конгресса США о транснациональных корпораций 1974 г.²³, Заявление КСА о разрыве отношений с «Талибаном»²⁴, «Соглашения Авраама» между арабскими государствами и Израилем²⁵ и т.д. Данная группа источников была задействована для 1) определения приоритетов внешней политики Саудовской Аравии на различных этапах развития королевства, 2) исследования динамики двусторонних отношений КСА с ключевыми партнёрами и 3) анализа позиции Эр-Рияда по конкретным проблемам Ближнего Востока и «исламского мира».

3. *Третья группа* – различные документы доктринального и концептуального характера: Доктрина Эйзенхауэра 1957 г.²⁶, Амманская декларация 2004 г.²⁷, Резолюция ОИС «Об исламской солидарности»²⁸, петиция саудовских активистов «Партнёры по Отечеству»²⁹, Отчёт о международной свободе религии 2022 г.³⁰, а также целый ряд документов, связанных с саудовской программой развития и реформ «Видение: 2030»³¹. Анализ данной группы источников позволил выявить механизмы использования Саудовской Аравией ре-

²² Joint Statement on the Formation of the Islamic Military Alliance // Saudi Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://embassies.mofa.gov.sa/sites/usa/EN/PublicAffairs/Statements/Pages/Joint-Statement-on-the-Formation-of-the-Islamic-Military-Alliance.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

²³ Multinational Corporations and US Foreign Policy: Hearings before the Subcommittee on Multinational Corporations of the Committee of Foreign Relations, United States Senate, Ninety-Third Congress (Part 7). Washington D.C.: US Government Printing Office, 1974. – 595 p.

²⁴ Saudi announcement severing ties with Afghanistan's Taliban // The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/text-of-saudi-announcement-severing-ties-with-afghanistan-s-taliban-9195281.html> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁵ The Abraham Accords Declaration // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/the-abraham-accords/> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁶ The Eisenhower Doctrine, 1957 // The Office of the Historian of the U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/milestones/1953-1960/eisenhower-doctrine> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁷ رسالة عمان // The Amman Message. URL: <https://ammanmessage.com/ر-سالة-عمان/?lang=ar> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁸ منظمة التعاون الإسلامي // قرار 3/4 س (ق أ) بشأن التضامن الإسلامي. URL: https://ww1.oic-oci.org/arabic/conf/is/3/3rd-summit.htm#قرار_3/4_س (дата обращения: 10.01.2025).

²⁹ نص وثيقة شركاء في الوطن. الجزيرة. URL: <https://www.aljazeera.net/2004/10/03/2-الوطن> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁰ 2022 Report on International Religious Freedom // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/> (дата обращения: 10.01.2025).

³¹ Leadership Messages // Saudi Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/en/leadership-messages> (дата обращения: 10.01.2025); رؤية السعودية 2030 // برنامج تنمية القدرات البشرية. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/vision-2030/vrp/human-capacity-development-program/> (дата обращения: 10.01.2025).

лигии как инструмента внешней политики, а также подходы руководства королевства к сочетанию традиционных религиозных ценностей и модернизационных задач.

4. *Четвёртая группа* – уставные и внутренние документы различных государственных, религиозных и общественных институтов Саудовской Аравии: документы Министерства исламских дел КСА³², отчёты статистического агентства КСА о переписи населения 2022 г.³³, регламент получения паломнической визы в КСА³⁴, отчёт о положении шиитского меньшинства в КСА 2005 г.³⁵, отчёт МИД КСА о политическом, экономическом и социальном развитии 2017 г.³⁶, документы Министерства *хаджа* и *умры* КСА³⁷, материалы Центра национального диалога им. короля Абд аль-Азиза³⁸ и т.д. По итогам исследования данной группы источников было проведено исследование роли религиозных институтов в политическом развитии КСА на современном этапе, а также механизмов организации паломничества, положения шиитского меньшинства, а также процессов модернизации под руководством МИД и специализированных центров, таких как Центр национального диалога имени короля Абд аль-Азиза.

³² وزارة الشؤون الإسلامية والدعوة والإرشاد // رؤية الوزارة ورسالتها وقيمتها URL: <https://www.moia.gov.sa/AboutMinistry/Pages/Message.aspx> (дата обращения: 10.01.2025); المحاور الاستراتيجية URL: <https://www.moia.gov.sa/AboutMinistry/Pages/Objectives.aspx> (дата обращения: 10.01.2025); التعريف بالوزارة // وزارة الشؤون الإسلامية والدعوة والإرشاد URL: <https://www.moia.gov.sa/AboutMinistry/Pages/AboutMinistry.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

³³ السكان حسب الفئة العمرية // Saudi Census. URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal/public/1/17/1360?type=DASH-BOARD> (дата обращения: 10.01.2025); 2022 تعداد السعودية // Saudi Census. URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁴ Hajj Visa // Saudia. URL: <https://www.saudia.com/before-flying/travel-information/hajj-and-umrah/hajj-visa> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁵ Middle East Report №45: The Shiite Question in Saudi Arabia. Brussels: ICG, 2005. – 20 p.

³⁶ Saudi Arabia: Political, Economic & Social Development – May 2017 Report // Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.saudiembassy.net/sites/default/files/WhitePaper_Development_May2017.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

³⁷ The Grand Hajj Conference // Ministry of Hajj and Umrah. URL: <http://www.haj.gov.sa/english/GrandHajjConference/Pages/aboutconference.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁸ Second National Meeting: Fighting fanaticism and extremism // The King Abdulaziz Center for National Dialogue. URL: https://web.archive.org/web/20080119202013/http://www.kacnd.org/eng/second_meeting.asp (дата обращения: 10.01.2025); المركز الملك عبدالعزيز للتواصل الحضاري // لقاءات وطنية URL: <https://www.kaccc.org.sa/ar/Archive/index/67> (дата обращения: 10.01.2025).

5. *Пятая группа* – публичные выступления, интервью, переписки и мемуары официальных лиц различных государств и организаций: письмо народного комиссара иностранных дел СССР Г.В. Чичерина королю Хиджаза, султану Неджда и присоединённых областей Ибн Сауду³⁹, речь Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М.И. Калинина на завтраке в честь главы правительственной делегации Хиджаза, Неджда и присоединённых областей принца Фейсала⁴⁰, меморандум переговоров короля Абд азиза и президента Рузвельта 1945 г.⁴¹, переписка президента Никсона и короля Фейсала 1974 г.⁴², меморандум переговоров Киссинджера и принца Фахда 1974 г.⁴³, обращение президента Буша к нации 2001 г.⁴⁴, интервью иорданского короля Абдаллы II 2004 г.⁴⁵, речь президента Обамы в Каире 2009 г.⁴⁶, мемуары бывшего генерального директора Saudi Aramco Али ан-Наими⁴⁷, ряд интервью и речей наследного принца КСА Мухаммада ибн Салмана⁴⁸ и

³⁹ Письмо народного комиссара иностранных дел СССР Г.В. Чичерина королю Хиджаза, султану Неджда и присоединённых областей Ибн Сауду // СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961. – С. 62–63.

⁴⁰ Речь Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина на завтраке в честь принца Фейсала – главы делегации правительства Хиджаза, Неджда и присоединённых областей // Историко-документальный департамент МИД России. – URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/ae6/trhnumw05yq3a5q6t5gs9nzeennuxch3/РЕЧЬ%20ПРЕДСЕДАТЕЛЯ%20ЦИК%20СССР%20М.И.КАЛИНИНА%2029%20МАЯ%201932%20г..pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴¹ Memorandum of Conversation Between the King of Saudi Arabia (Abdul Aziz Al Saud) and President Roosevelt, February 14, 1945, Aboard the U.S.S. "Quincy" // The Historian of the U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v08/d2> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴² Letter from President Nixon to King Faisal of Saudi Arabia (Washington, June 25, 1974) // The Historian of the U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve09p2/d114> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴³ Memorandum of Conversation Between Secretary of State Henry A. Kissinger and Prince Fahd ibn Abd al-Aziz Al Saud, June 6, 1974, The Oval Office, The White House // Gerald R. Ford Presidential Library. URL: https://www.fordlibrarymuseum.gov/sites/default/files/pdf_documents/library/document/0314/1552718.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁴ George W. Bush: 9/11 Address to the Nation // American Rhetoric. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbush911addresstothetnation.htm> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁵ The Interview with King Abdullah II of Jordan on the current state of U.S.-Arab relations // NBC News. 08.12.2004. URL: <https://www.nbcnews.com/id/wbna6679774> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁶ The President's Speech in Cairo: A New Beginning // The White House (President Barack Obama). URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/issues/foreign-policy/presidents-speech-cairo-a-new-beginning> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁷ Al-Naimi Ali. Out of the Desert: My Journey from Nomadic Bedouin to the Heart of Global Oil. London: Portfolio Penguin, 2016. – 317 p.

⁴⁸ Frontline's "The Crown Prince of Saudi Arabia" and the murder of Jamal Khashoggi // PBS. URL: <https://www.pbs.org/newshour/classroom/daily-videos/2019/10/frontlines-the-crown-prince-of-saudi-arabia-and-the-murder-of-jamal-khashoggi> (дата обращения: 10.01.2025); HARDtalk: HRH Princess Basma bint Saud bin Abd Al-Aziz al Saud // BBC. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/b012t5nd> (дата обращения: 10.01.2025); I will return Saudi Arabia to moderate Islam, says crown prince // The Guardian. 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/24/i-will-return-saudi-arabia-moderate-islam-crown-prince> (дата обращения: 10.01.2025).

документы Историко-документального департамента МИД России⁴⁹. Анализ источников данной группы позволил воссоздать историческую ретроспективу внешнеполитических отношений Саудовской Аравии с ключевыми мировыми акторами и проанализировать влияние личностного фактора на принятие политических решений. Эти документы особенно помогли в исследовании конкретных эпизодов дипломатической истории, таких как установление отношений СССР с королевством в 1920-х гг., развитие американо-саудовского партнёрства после Второй мировой войны и трансформация подходов к международным отношениям при правлении различных королей КСА, а также в оценке роли Мухаммада ибн Салмана в современной внешней политике королевства.

Степень научной разработанности темы исследования характеризуется обширным корпусом работ российских и зарубежных авторов, которые занимались исследованием различных аспектов истории Саудовской Аравии, роли религии в социально-политическом развитии королевства, особенностей формирования и эволюции внешней политики Эр-Рияда, а также положения КСА в системе международных отношений в XX–XXI вв.

В историографии общего развития Саудовской Аравии особое место занимает фундаментальный труд академика А.М. Васильева «История Саудовской Аравии (1745 г. – XX в.)»⁵⁰. Это наиболее полное и систематизированное

⁴⁹ Официальное сообщение Абдель Азиза Аль Сауда о принятии титула короля Хиджаза, султана Неджда и присоединенных областей (на арабском языке) 6 января 1926 г. // Историко-документальный департамент МИД России. URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/2d1/yil0mr09ptxcg9pii122m5gwa70231an/ОФИЦИАЛЬНОЕ%20СООБЩЕНИЕ%20АБДЕЛЬ%20АЗИЗА%20АЛЬ%20САУДА%206%20ЯНВАРЯ%201926%20г..pdf> (дата обращения: 10.01.2025); Послание дипломатического агента и генерального консула СССР в г.Джидде [К.А.Хакимова] о признании правительством СССР Абдель Азиза Аль Сауда королем Хиджаза, султаном Неджда и присоединенных областей с предложением установить дипломатические отношения (на русском и арабском языках) 16 февраля 1926 г. // Историко-документальный департамент МИД России. URL: [https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/3ed/6zhpxg3czsvpt9ida1hxtqr37wgsirvz/ПОСЛАНИЕ%20ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО%20АГЕНТА%20И%20ГЕНЕРАЛЬНОГО%20КОНСУЛА%20СССР%20В%20Г.ДЖИДДЕ%20\[К.А.ХАКИМОВА\].pdf](https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/3ed/6zhpxg3czsvpt9ida1hxtqr37wgsirvz/ПОСЛАНИЕ%20ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО%20АГЕНТА%20И%20ГЕНЕРАЛЬНОГО%20КОНСУЛА%20СССР%20В%20Г.ДЖИДДЕ%20[К.А.ХАКИМОВА].pdf) (дата обращения: 10.01.2025); Речь Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина на завтраке в честь принца Фейсала – главы делегации правительства Хиджаза, Неджда и присоединенных областей // Историко-документальный департамент МИД России. URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/ae6/trhnumw05yq3a5q6t5gs9nzeennuxch3/РЕЧЬ%20ПРЕДСЕДАТЕЛЯ%20ЦИК%20СССР%20М.И.КАЛИНИНА%2029%20МАЯ%201932%20г..pdf> (дата обращения: 10.01.2025); Личный листок ответственного работника НКВД СССР К.А. Хакимова (25 апреля 1924 г.) // Историко-документальный департамент МИД России. URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/c4c/3cik7628qzrjz5qzem5dxd1sgbbwpbsq/ЛИЧНЫЙ%20ЛИСТОК%20РАБОТНИКА%20НКВД%20СССР%20К.А.ХАКИМОВА%2025%20АПРЕЛЯ%201924%20г..pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁰ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – 672 с.

историческое исследование становления и развития саудовской государственности, где каждый этап подробно анализируется с учётом экономических, социальных и политических аспектов. Работа А.М. Васильева опирается на широкую базу источников, включающую редкие архивные материалы, британские и американские дипломатические документы, а также редкие публикации на арабском языке.

Большой значимостью при анализе положения КСА на международной арене во второй половине XX в. обладают монографии Л.В. Вальковой «Саудовская Аравия в международных отношениях (1955–1977)»⁵¹ и «Саудовская Аравия: нефть, ислам, политика (1975–1985)»⁵². В первой монографии автор детально рассматривает особенности внешнеполитического курса королевства в условиях биполярного противостояния сверхдержав и уделяет особое внимание анализу двусторонних отношений КСА с США, странами Западной Европы и социалистическим блоком. Во второй монографии Л.В. Валькова продолжает исследование эволюции внешней политики королевства, фокусируясь на более позднем периоде. Автор подробно анализирует взаимосвязь трех ключевых факторов, определяющих международную стратегию Саудовской Аравии: нефтяной ресурс, религиозная составляющая и политические интересы государства. Особенно ценным представляется исследование механизмов использования религиозного фактора в контексте растущего экономического влияния королевства на мировой арене в период 1970–1980-х гг. Обе работы Л.В. Вальковой сохраняют актуальность в контексте исследований исторической динамики развития внешней политики Эр-Рияда в XX в.

Подробный анализ внешнеполитического курса Саудовской Аравии на рубеже XX–XXI вв. представлен в коллективной монографии Г.Г. Косача и

⁵¹ Валькова Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях (1955–1977). М.: «Наука», 1979. – 224 с.

⁵² Валькова Л.В. Саудовская Аравия: нефть, ислам, политика (1975–1985). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 255 с.

Е.С. Мелкумян «Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений»⁵³. Авторы рассматривают механизм формирования внешнеполитических решений в королевстве, роль различных государственных институтов и неформальных структур в этом процессе. Особый интерес в контексте данной работы вызывают параграфы, посвящённые основам легитимации и оформлению принципов внешней политики Эр-Рияда⁵⁴.

В зарубежной историографии одной из центральных работ по Саудовской Аравии является монография Н.Дж. ДеЛонг-Бас «Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad»⁵⁵, где подробно исследуется история ваххабизма и его роль в формировании внутривластной и внешнеполитической стратегии Саудовской Аравии. Автор подчеркивает, что ваххабизм изначально представлял собой реформистское движение, однако во второй половине XX в. был трансформирован в инструмент государственной политики. Также в работе ДеЛонг-Бас представлен анализ эволюции ваххабизма от локального религиозного движения до полноценного течения современного исламизма. Особое внимание в монографии уделено роли религии в развитии системы образования, законодательства и благотворительно-гуманитарной сферы в Саудовской Аравии.

Что касается историографии радикальных исламистских движений в Саудовской Аравии, то особое место здесь занимает монография Т. Хеггхаммера «Jihad in Saudi Arabia: Violence and Pan-Islamism since 1979»⁵⁶. Автор провёл детальное исследование развития джихадистского течения в королевстве в последние десятилетия XX в., обозначив причины и предпосылки радикализации части саудовского общества, описав процесс трансформации панисламистских идей, а также проанализировав реакцию государства на новую

⁵³ Косач Г.Г., Е.С. Мелкумян Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2003. – 236 с.

⁵⁴ Там же: С.10–16.

⁵⁵ DeLong-Bas N.J. Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad. Cairo: The American University in Cairo Press, 2005. – 370 p.

⁵⁶ Hegghammer Thomas. Jihad in Saudi Arabia: Violence and Pan-Islamism since 1979. New York: Cambridge University Press, 2010. – 304 p.

угрозу. Особую ценность работы составляет обширный эмпирический материал, включая интервью с бывшими участниками джихадистского движения и документы самих радикальных организаций. При этом следует отметить, что Хеггхаммер, будучи специалистом по Ближнему Востоку, уделяет основное внимание социальным и идеологическим аспектам проблемы, несколько менее детально рассматривая религиозные корни явления.

Ощутимый вклад в изучение внешней политики Саудовской Аравии 1980-х гг. внес У. Куандт в своей монографии «Saudi Arabia in the 1980s: Foreign Policy, Security, and Oil»⁵⁷. Исследование фокусируется на анализе трёх ключевых аспектов: безопасности королевства, его роли в мировой энергетической политике и позиции в региональных конфликтах. Автор показывает, как религиозный фактор использовался для оправдания жесткой политики в отношении соседних стран и внутренней политической оппозиции.

Современный этап развития Саудовской Аравии подробно освещается в популярной монографии Э. Уолда «SAUDI, INC.»⁵⁸, где акцентируется внимание на экономических аспектах развития королевства, хотя достаточное внимание уделяется и влиянию религии на социально-политические процессы как внутри страны, так и в регионе. Автор показывает, как традиционные религиозные ценности стали основой для создания уникальной модели социально-экономического развития, сочетающей консервативные нормы с активной интеграцией КСА в глобальную экономику. Помимо обширного списка источников, Э. Уолд использовала в своем исследовании записи личных бесед с такими деятелями, как бывший посол США в КСА Дж.Б. Смит, Ф. Джангерс, Ю. ан-Наими и др.⁵⁹ Также были задействованы материалы Национального архива США, Британского национального архива в Кью, Британского нефтяного

⁵⁷ Quandt William B. Saudi Arabia in the 1980s: Foreign Policy, Security, and Oil. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1981. – 190 p.

⁵⁸ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – 272 с.

⁵⁹ Там же: С. 243–244.

архива в Университете Уорик, архива Джорджтаунского университета и Университета штата Вайоминг. Однако при работе с данной монографией следует учитывать, что исследование на территории Саудовской Аравии Э. Уолд проводила при поддержке Saudi Aramco в сопровождении сотрудников данной корпорации, что гипотетически могло сказаться на объективности некоторых статистических данных, представленных в монографии.

Не менее актуальным исследованием последних лет является коллективная работа Б. Хоупа и Дж. Шека «Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power»⁶⁰, опубликованная в 2020 г. Данное издание представляет собой попытку подробного анализа фигуры и политического курса наследного принца Саудовской Аравии Мухаммада ибн Салмана на основе открытых источников и непубличных интервью представителей саудовской элиты. Авторы фокусируются на амбициях наследного принца, рассматривая его реформы внутри королевства, региональную политику и подходы к обеспечению государственной безопасности. Однако стоит отметить, что авторы данной работы не являются профессиональными историками или экспертами по Ближнему Востоку в академическом смысле. Брэдли Хоуп – журналист The Wall Street Journal, специализирующийся на освещении событий в Персидском заливе, а Джастин Шек известен как корреспондент New York Times. Их подход к анализу политических процессов в Саудовской Аравии, хотя и основывается на обширных фактических данных, интервью и документах, демонстрирует явную ангажированность и недостаток глубокого исторического контекста. В тексте присутствует оценочное суждение авторов и излишняя критика действий Мухаммада ибн Салмана, который позиционируется как центральная фигура всех преобразований в КСА после 2015 г. Тем не менее, данная работа представляет большой интерес с точки зрения актуальной информации по внутривнутриполитическим процессам в Саудовской Аравии за последние 10 лет, хотя многие источники требуют дополнительной проверки.

⁶⁰ Hope B., Scheck J. Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. New York: Hachette Books, 2020. – 368 p.

Также представляется целесообразным выделить следующие основные группы исследований на русском, английском, французском и арабском языках, которые использовались при написании данной работы:

1. *Первая группа* включает фундаментальные труды, монографии и статьи, посвящённые осмыслению роли религии в социально-политических процессах отдельных стран и регионов, а также в международных отношениях. К данной группе относятся работы таких авторов, как Т. Асад⁶¹, П. Бергер⁶², К.П. Боришполец⁶³, П. ван дер Веер⁶⁴, М. Вебер⁶⁵, В.И. Гараджа⁶⁶, А. Джеффри⁶⁷, Э. Дюркгейм⁶⁸, Р. Ирвин⁶⁹, Х. Казанова⁷⁰, З.В. Калиничева⁷¹, В.В. Комлева⁷², И.В.

⁶¹ Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модернизм. М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 376 с.

⁶² Berger Peter L. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Michigan: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1999. – 143 p.

⁶³ Боришполец К.П. Религиозный фактор в международных отношениях: амальгама ценностей, интересов и политических приоритетов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 3. – С. 63–67.

⁶⁴ ван дер Веер П. Политическая религия в XXI веке // Ислам в современном мире. 2010. № 3–4 (19–20). – С. 49–59.

⁶⁵ Вебер М. Избранное: Образ общества. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 767 с.; Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. – 656 с.

⁶⁶ Гараджа В.И. Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2005. – 348 с.

⁶⁷ Jeffrey A. Globalization and Islamic Resurgence // Comparative Civilizations Review. 1988. Vol. 19, No. 19. – P. 67–78.

⁶⁸ Durkheim Emile. The Elementary Forms of the Religious Life. London: G. Allen & Unwin Ltd, 1964. – 456 p.

⁶⁹ Irwin Robert. For Lust of Knowing: The Orientalists and their Enemies. London: Penguin, 2006. – 416 p.

⁷⁰ Casanova José. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 340 p.; Casanova José. Rethinking Secularization: A Global Comparative Perspective // Religion, globalization and culture / Beyer P., Beaman L. (eds.). Leiden: Brill, 2007. – P. 101–120.

⁷¹ Калиничева З.В. Политика и религия. Л.: «Знание», 1984. – 32 с.

⁷² Комлева В.В. Роль религиозных институтов в международном гуманитарном сотрудничестве // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры. Минск: ООО «Позитив-центр», 2018. – С. 19–28.

Кудряшова⁷³, Р.Н. Лункин⁷⁴, С.В. Мельник⁷⁵, А.В. Митрофанова⁷⁶, Л.Н. Митрохин⁷⁷, Т. Парсонс⁷⁸, М.Г. Писманик⁷⁹, Р. Робертсон⁸⁰, С.И. Самыгин⁸¹, А. Тойнби⁸², Д.А. Узланер⁸³, Дж.Дж. Фрейзер⁸⁴, Ю. Хабермас⁸⁵, С. Хантингтон⁸⁶, Э. Хобсбаум⁸⁷, О.С. Чикризова⁸⁸, О. Шпенглер⁸⁹, М. Элиаде⁹⁰, А.И. Яковлев⁹¹.

2. *Вторая группа* – монографии и статьи, в которых рассматривается роль ислама в глобальных процессах и политическом развитии Ближнего Востока, и также проблемы, связанные с исламизмом. К данной группе относятся работы таких авторов, как Б.А. Алиева⁹², Е.А. Беляев⁹³, К. Викторович⁹⁴, П.А.

⁷³ Кудряшова И.В. Как изучать взаимодействие религии и политики? // Политическая наука. 2013. № 2. – С. 9–24.

⁷⁴ Лункин Р.Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. М.: ИЕ РАН, 2020. – 504 с.

⁷⁵ Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации. М.: ИНИОН РАН, 2022. – 398 с.

⁷⁶ Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. 2008. № 1. – С. 109–119.

⁷⁷ Митрохин Л.Н. Религия и политика. М.: «Знание», 1991. – 80 с.

⁷⁸ Parsons Talcott. The System of Modern Societies. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1971. – 152 p.

⁷⁹ Писманик М.Г. Личность и религия. М.: «Наука», 1976. – 152 с.; Писманик, М.Г. Религиоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 279 с.

⁸⁰ Robertson Roland. Globalization Theory and Civilization Analysis // Comparative Civilizations Review. 1987. Vol. 17, No. 17. – P. 20–30.

⁸¹ Самыгин С.И. Религия и политика / С.И. Самыгин, К.В. Воденко, В.Н. Нечипуренко. Ростов н/Д: Феникс, 2016. – 286 с.

⁸² Toynbee Arnold. A Study of History. New York: Gramercy, 1989. – 576 p.

⁸³ Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. М.: ВШЭ, 2019. – 240 с.; Узланер, Д.А. Религия и политика: неразрывный симбиоз? // Россия в глобальной политике. 2019. № 1. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁸⁴ Фрейзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М.: Академический Проект, 2012. – 854 с.

⁸⁵ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – 144 с.

⁸⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2021. – 640 с.

⁸⁷ Хобсбаум Э. Разломанное время и общество в двадцатом веке. М.: Издательство «АСТ: CORPUS», 2017. – 384 с.

⁸⁸ Чикризова О.С., Лашиха Ю.В. Религиозный фактор в мировой политике международных отношениях // Россия и мусульманский мир. 2022. № 1 (323). – С. 109–120.

⁸⁹ Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории. М.: «АЛЬФА-КНИГА», 2017. – 1085 с.

⁹⁰ Mircea Eliade. Le sacré et le profane. Paris: Gallimard, 1965. – 185 p.

⁹¹ Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. – С. 4–38; Яковлев А.И. Цивилизационное измерение мировой политики: проблемы и возможности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 4. – С. 6–29.

⁹² Алиева Б.А. Ислам и наука: К критике концепции соотношения знания и веры. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1978. – 118 с.

⁹³ Беляев Е.А. Мусульманское сектантство (Исторические очерки). М.: Издательство восточной литературы, 1957. – 102 с.; Беляев, Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М.: «Наука», 1966. – 283 с.

⁹⁴ Wiktorowicz Quintan. The Management of Islamic Activism: Salafis, the Muslim Brotherhood, and State Power in Jordan. New York: State University of New York Press, 2001. – 205 p.

Грязневич и С.М. Прозоров⁹⁵, Б.В. Долгов⁹⁶, Л.М. Ефимова и М.А. Сапронова⁹⁷, Н.В. Жданов⁹⁸, А.А. Игнатенко⁹⁹, А. Лapidус¹⁰⁰, З.И. Левин¹⁰¹, Л.И. Медведко и А.В. Германович¹⁰², К.А. Меркулов¹⁰³, С.А. Модестов¹⁰⁴, В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов¹⁰⁵, Е.М. Примаков¹⁰⁶, Е.Д. Пухова¹⁰⁷, Б. Ридель¹⁰⁸, Л.Р. Сюкияйнен¹⁰⁹, Б. Тиби¹¹⁰, С. Филлипс¹¹¹, Т.Р. Хайруллин¹¹², Ф. Холлидей¹¹³, О.С. Чикризова¹¹⁴.

3. *Третья группа* – исследования, в которых рассматривается развитие, эволюция и современное состояние внутренней и внешней политики Саудовской Аравии. Здесь прежде всего следует выделить работы таких выдающихся

⁹⁵ Ислам. Религия, общество, государство / отв. ред. П.А. Грязневич и С.М. Прозоров. М.: «Наука», 1984. – 232 с.

⁹⁶ Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М.: ЛЕНАНД, 2017. – 200 с.

⁹⁷ Ислам в мировой политике в начале XXI века / под. ред. Л.М. Ефимовой и М.А. Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2016. – 345 с.

⁹⁸ Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М.: «Международные отношения», 2003. – 563 с.

⁹⁹ Игнатенко А.А. Ислам и политика: сборник статей. М.: Институт религии и политики, 2004. – 256 с.; Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М.: «Наука», 1988. – 205 с.; Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М.: ИВ РАН, 2001. – С. 7–20.

¹⁰⁰ Lapidus Ira M. A History of Islamic societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 1002 p.

¹⁰¹ Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М.: «Наука», 1988. – 221 с.

¹⁰² Медведко Л.И., Германович А.В. Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики. М.: Политиздат, 1988. – 255 с.

¹⁰³ Меркулов К.А. Ислам в мировой политике и международных отношениях. М.: «Международные отношения», 1982. – 320 с.

¹⁰⁴ Модестов С.А. Геополитика ислама. М.: «Молодая гвардия», 2003. – 190 с.

¹⁰⁵ Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Ближний Восток в поисках утраченного возрождения. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2021. – 31 с.; Наумкин, В.В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. – С. 42–59.

¹⁰⁶ Современный ислам: проблемы политики и идеологии / под ред. Е.М. Примакова. М.: ИВ АН СССР, 1985. – 195 с.; Примаков, Е.М. «Исламский бум»: проблемы и урока // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. 1985. Вып. 3, ч. I. – С. 12–22.

¹⁰⁷ Пухова Е.Д. «Шинитский полумесяц» как современный геополитический феномен: виртуальная или реальная угроза? (по материалам канала «Ал-Джазира») // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2013. № 4. – С. 82–90.

¹⁰⁸ Riedel Bruce. The Search for al-Qaeda: Its Leadership, Ideology and Future. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2010. – 204 p.

¹⁰⁹ Сюкияйнен, Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М.: «Наука», 1986. – 254 с.

¹¹⁰ Tibi Bassam. Islam Between Culture and Politics. New York: PALGRAVE, 2001. – 271 p.

¹¹¹ Phillips Sarah. Yemen and the Politics of Permanent Crisis. London: Routledge, 2011. – 168 p.

¹¹² Хайруллин Т.Р. Современный исламизм в Арабском мире. М.: ЛЕНАНД, 2022. – 224 с.

¹¹³ Halliday Fred. Revolution and Foreign Policy: The Case of South Yemen, 1967–1987. New York: Cambridge University Press, 1990. – 336 p.

¹¹⁴ Чикризова О.С. К вопросу о методологии изучения суннитско-шиитских взаимоотношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. – С. 74–82.

отечественных исследователей, как А.М. Васильев¹¹⁵, Л.В. Валькова¹¹⁶, Г.Г. Косач и Е.С. Мелкумян¹¹⁷, В.В. Наумкин¹¹⁸, А.И. Яковлев¹¹⁹. Отдельного упоминания заслуживают зарубежные авторы: Н.Дж. ДеЛонг-Бас¹²⁰, У. Квандт¹²¹,

¹¹⁵ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – 672 с.; Васильев А.М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. – М.: «Восточная литература», 2010. – 519 стр.

¹¹⁶ Валькова Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях (1955–1977). М.: «Наука», 1979. – 224 с.; Валькова Л.В. Саудовская Аравия: нефть, ислам, политика (1975–1985). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 255 с.

¹¹⁷ Косач Г.Г., Е.С. Мелкумян Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2003. – 236 с.; Косач Г.Г. Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2008. – 204 с.; Мелкумян Е.С. Арабские монархии Залива в XXI веке. Региональные и глобальные аспекты внешней политики. М.: ИВ РАН, 2023. – 317 с.; Косач Г.Г. Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 3. С. 97–108; Косач Г.Г. Саудовская Аравия: социально-экономическая трансформация // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. – С. 585–600; Косач, Г.Г. Саудовская Аравия: Центр национального диалога в контексте "этапа реформ" // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2010. № 5. – С. 303–324; Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Саудовская внешняя политика: к вопросу о национальной интерпретации курса страны // Ближний Восток и современность. 2002. №16. – С. 67–114; Косач, Г.Г. Саудовская Лига общественной морали и государство // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1-1. – С. 302–312; Мелкумян Е.С. Роль Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в обеспечении региональной безопасности // Ближний Восток: Проблемы региональной безопасности (сборник статей). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – С. 51–66; Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 1. – С. 108–137.

¹¹⁸ Наумкин В.В. Несостоявшееся партнёрство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. М.: ИВ РАН, 2018. – 456 с.

¹¹⁹ Яковлев А.И. Фейсал: Король-реформатор. М.: Российский центр стратегических и международных исследований, 1999. – 224 стр.; Яковлев А.И. Ислам и капиталистическая модернизация Саудовской Аравии // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. 1985. – Вып. 3, ч. I. – С. 128–134.; Яковлев А.И. Исламский фактор в политике Саудидов в 90-е годы XX в. // Ближний Восток: Проблемы региональной безопасности (сборник статей). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – С. 67–71.

¹²⁰ DeLong-Bas N.J. Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad. Cairo: The American University in Cairo Press, 2005. – 370 p.

¹²¹ Quandt William B. Saudi Arabia in the 1980s: Foreign Policy, Security, and Oil. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1981. – 190 p.

Д. Комминс¹²², С. Лакруа¹²³, Р. Лейсли¹²⁴, Р. Микеселл и Х. Ченери¹²⁵, М. Нехме¹²⁶, У. Оксенвальд¹²⁷, С. Стенсли¹²⁸, Э. Уолд¹²⁹, Б. Хоуп и Дж. Шек¹³⁰, Т. Хеггхаммер¹³¹, Дж. Хоффман¹³².

Новизна диссертационного исследования:

1. Анализ влияния «религиозного ренессанса» на развитие международных отношений выявил в качестве одной из основных причин данного процесса кризис секуляризма во второй половине XX в., а также ключевые механизмы трансформации роли религии во внешней политике отдельных государств в постбиполярную эпоху.

2. На основе выявленной специфики трансформации роли «исламского мира» в развитии международных отношений предложена авторская периодизация феномена «исламского пробуждения» как части более широкого явления «религиозного ренессанса» во второй половине XX – начале XXI вв.

3. Исследование процесса формирования концептуальных основ и эволюции ключевых направлений внешней политики Саудовской Аравии проведено в рамках комплексного подхода, сочетающего историко-генетический метод и политико-аксиологический анализ, что позволило выделить основные внутренние и внешние факторы развития внешнеполитического курса королевства в период 1932–2019 гг.

¹²² Commins D. *The Wahhabi Mission and Saudi Arabia*. London: I.B. Tauris, 2009. – 276 p.

¹²³ Lacroix Stéphane. *Awakening Islam: The Politics of Religious Dissent in Contemporary Saudi Arabia*. Cambridge: Harvard University Press, 2011. – 384 p.

¹²⁴ Lacey Robert. *The Kingdom*. London: Hutchinson, 1981. – 630 p.; Lacey, Robert. *Inside the Kingdom*. New York: Viking, 2009. – 466 p.

¹²⁵ Mikesell R.F., Chenery H.B. *Arabian Oil: America's Stake in the Middle East*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2011. – 216 p.

¹²⁶ Nehme M.G. Saudi Arabia 1950-80: Between Nationalism and Religion // *Middle Eastern Studies*. 1994. No. 4. P. 930–943.

¹²⁷ Ochsenwald William. Saudi Arabia and The Islamic Revival // *International Journal of Middle East Studies*. 1981. Vol. 13, No. 3. – P. 271–286.

¹²⁸ Stenslie Stig. *Regime Stability in Saudi Arabia: The Challenge of Succession*. London: Routledge, 2012. – 184 p.

¹²⁹ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – 272 с.

¹³⁰ Hope B., Scheck J. *Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power*. New York: Hachette Books, 2020. – 368 p.

¹³¹ Hegghammer Thomas. *Jihad in Saudi Arabia: Violence and Pan-Islamism since 1979*. New York: Cambridge University Press, 2010. – 304 p.

¹³² Hoffman Jon. *The Evolving Relationship Between Religion and Politics in Saudi Arabia* // Arab Center Washington D.C. 2022. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-evolving-relationship-between-religion-and-politics-in-saudi-arabia/> (дата обращения: 10.01.2025).

4. Предложен вариант периодизации развития внешней политики Саудовской Аравии, в котором выделено шесть ключевых этапов за период 1932–2019 гг. и отражено влияние внутренних, региональных и глобальных процессов.

5. По результатам исторического анализа трансформации модели взаимодействия религии и политики в Саудовской Аравии во второй половине XX – начале XXI вв. выявлены ключевые механизмы сохранения баланса между абсолютной монархией и конфессиональным государством.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Кризис секуляризма как интеллектуальной парадигмы и политической доктрины во второй половине XX – начале XXI вв. привёл к качественному изменению роли религии в международных отношениях. Секулярная теория оказалась неспособной объяснить радикальные изменения в глобальном политическом ландшафте, что обусловило необходимость внедрения в комплекс социально-гуманитарных наук новых методологических инструментов, таких как политология религии. В постбиполярный период религиозные нарративы стали заполнять идеологический вакуум, создавая новые формы легитимации власти и оппозиционной деятельности. Особенно наглядно это проявилось в странах «исламского мира», где религиозный фактор традиционно являлся основой идентичности и инструментом реализации национальных интересов на международной арене.

2. Исторический анализ феномена «исламского пробуждения» как части более широкого явления «религиозного ренессанса» позволил выявить его влияние на трансформацию международных отношений во второй половине XX – начале XXI вв. Предложена авторская периодизация данного процесса:

1. **1970-е – 1980-е гг.** – актуализация исламского фактора на уровне государственной политики стран Ближнего Востока и обострение суннитско-шиитских противоречий;
2. **1990-е – 2000-е гг.** – резкий всплеск исламистского экстремизма и обострение проблемы международного терроризма;

3. **2010-е – 2020-е гг.** – оформление «исламизма 2.0» и участие исламистских движений в «цветных революциях» и протестах «арабской весны». Само же понятие «исламский мир» функционирует в трех основных измерениях: научном, идеологическом и институциональном. Наиболее значимым является институциональный аспект, выраженный в деятельности государств и международных организаций по реализации концепции «исламского мира». Несмотря на отсутствие полной политической консолидации мусульманских стран, их общая религиозная идентичность продолжает влиять на внешнюю политику, формируя особый цивилизационный кластер в системе международных отношений.

3. Исторический анализ формирования и эволюции внешней политики Саудовской Аравии в период 1932–2019 гг. выявил уникальную динамику сочетания традиционных религиозных оснований с прагматичными государственными интересами. Исследование проведено через призму комплексного подхода, интегрирующего историко-генетический метод и политико-аксиологический анализ, что позволило определить ключевые этапы развития внешнеполитического курса королевства:

1. **этап становления государства (1932–1958 гг.)** – закладка фундаментальных принципов внешней политики под руководством Абд аль-Азиза ибн Абд ар-Рахмана;
2. **этап модернизации (1958–1979 гг.)** – формулирование Фейсалом ибн Абд аль-Азизом принципов «арабской солидарности», «исламской солидарности» и «позитивного нейтралитета»;
3. **современный этап (после 2015 г.)** – существенная модификация внешнеполитического курса при сохранении его идеологической основы.

Анализ показывает, что личностный фактор лидеров королевства играл решающую роль на каждом этапе развития внешней политики. Особенно заметно это после 2015 г., когда приход к власти нового поколения во главе с Мухаммадом ибн Салманом привел к значительным изменениям: программа «Видение: 2030» сохранила традиционное позиционирование Саудовской Аравии

как центра «исламского мира», но адаптировала внешнюю политику к современным условиям глобальной и региональной политики, включая новое видение роли королевства как глобального хаба между Азией, Европой и Африкой.

4. Исторический анализ развития внешней политики Саудовской Аравии позволил выделить шесть основных этапов её эволюции в период 1932–2019 гг.:

1. **1932–1958 гг.** – период становления королевства;
2. **1958–1979 гг.** – период «живого сочетания морали и реализма»;
3. **1979–2001 гг.** – период активизации регионального и религиозного векторов;
4. **2001–2015 гг.** – период вынужденной «умеренности»;
5. **2015–2019 гг.** – период резкого ужесточения;
6. **с 2019 г.** – период смягчения в рамках многовекторности.

На каждом этапе происходила адаптация внешнеполитической стратегии к меняющимся условиям при сохранении ключевой роли религиозного фактора. После 2015 г. наблюдается тесная взаимосвязь между внутренними реформами (программа «Видение: 2030») и трансформацией внешнеполитического курса через механизм «секьюритизации религии». Ограничение влияния религиозных институтов позволило перенаправить ресурсы на реализацию модернизационных задач, сохранив ислам как важный элемент легитимации власти и достижения внешнеполитических целей.

6. Исторический анализ развития социально-политической системы Саудовской Аравии во второй половине XX – начале XXI вв. показал её уникальность как сочетания абсолютной монархии и конфессионального государства. Выявлены ключевые механизмы сохранения баланса элит во власти: правящий монарх обладает полнотой политической власти, а религиозные вопросы остаются в ведении корпуса богословов. В период после 2015 г. наблюдается значительное ограничение влияния традиционных религиозных институтов на общественную жизнь при сохранении их формального статуса, что проявляется в уменьшении полномочий «исламской полиции», попытках отделения

официальной истории государства от наиболее консервативных аспектов ваххабизма и модернизации социальной сферы в интересах молодого поколения подданных. Данный процесс не является секуляризацией, а представляет собой «секьюритизацию религии» – усиление контроля государства над религиозными институтами. При этом сохраняются центральные элементы исторического договора между династией Аль Сауд и Аль аш-Шейх, а также активно используются исламские нарративы во внешней политике королевства.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке комплексного подхода к анализу религиозного фактора во внешней политике государства на примере Саудовской Аравии (1979–2019 гг.). В работе обоснована необходимость сочетания институционального и политико-аксиологического методов для исследования взаимодействия религии и политики на трёх уровнях: *микроуровне* (влияние религиозного комплекса на социально-политическую систему), *мезоуровне* (проявление субъектности отдельных религиозных институтов) и *макроуровне* (степень личной религиозности политических деятелей, использование религиозных нарративов конкретными публичными фигурами). В работе применён *идейно-ценностный подход*, предложенный В.А. Аватковым в рамках диссертационного исследования на соискание степени доктора политических наук от 2020 г.¹³³: данный подход с его ориентированностью на прикладные исследования в сочетании с обширной теоретической базой *политической аксиологии* позволил провести при подготовке представленной работы *идейно-ценностный анализ* концептуальных основ современной внешней политики королевства. Представлена авторская периодизация феномена «исламского пробуждения», раскрывающая динамику влияния религиозного фактора на международные отношения. Обоснованы механизмы трансформации модели взаимодействия религии и политики в КСА че-

¹³³ Аватков, В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.04. Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2020. – 387 с.

рез концепцию «омоложения элит», что позволило выявить особенности современного этапа развития саудовской государственности. Результаты исследования могут быть применены для изучения роли религии в политике других стран Ближнего Востока, а также для анализа влияния религиозного фактора на формирование внешнеполитических курсов государств в условиях глобальных и региональных изменений.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения его результатов в деятельности государственных органов исполнительной власти Российской Федерации, некоммерческих и общественных организаций, исследовательских центров, а также российских коммерческих компаний, работающих в странах Арабского Востока. В частности, результаты исследования могут быть полезны для деятельности следующих структур: Советов по межнациональным отношениям и по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, Департамента Ближнего Востока и Северной Африки (ДБВСА) МИД РФ и представительств России за рубежом, Комитета Государственной Думы по международным делам, «Русских домов» Россотрудничества в регионе Ближнего Востока, структурных подразделений Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН), Межрелигиозного совета России (МСР), Российско-Арабского форума сотрудничества и Российско-Арабского Делового Совета (АНО «РАДС»). Представленная диссертация может быть использована не только для принятия политических решений и выстраивания внешнеполитической линии России в отношении Саудовской Аравии, но и в сфере духовно-культурного взаимодействия. Это включает организацию паломничества российских мусульман в КСА, а также развитие взаимодействия между религиозными институтами и организациями двух государств.

Соответствие содержания диссертации специальности: представленная работа выполнена в рамках направления исследований, обозначенных в паспорте научной специальности 5.6.7. «История международных отношений

и внешней политики». Область диссертационного исследования соответствует направлениям исследования 3, 5, 7, 9, 10 и 11:

Направление 3. Международные отношения и внешняя политика на разных этапах исторического развития.

Направление 5. Периодизация международных отношений и внешней политики.

Направление 7. Национально-государственные приоритеты во внешней политике и международных отношениях.

Направление 9. Политология международных отношений.

Направление 10. Религии и новые идеологии как факторы международных отношений.

Направление 11. Роль культуры и науки в современных международных отношениях. Культура и межкультурные отношения.

Апробация данного исследования была успешно проведена на различных всероссийских и международных конференциях и круглых столах, среди которых были такие мероприятия как «Идейно-ценностные перспективы политического развития современной России» (СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 20 мая 2022 г.), «Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность» (СПбГУ, 22–23 апреля 2022 г.), «Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность» (СПбГУ, 22–23 апреля 2022 г.), «Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность» (СПбГУ, 22–23 апреля 2022 г.), «Волжская Булгария и ислам. Одиннадцать веков истории» (ФАДН, 27 сентября 2022 г.), III политико-географические чтения имени О.В. Витковского (ИНИОН РАН, 6–7 октября 2022 г.), «Цивилизации Востока: взгляд из XXI века» (ВШЭ, 21–22 октября 2022 г.), «Добро и зло на Востоке: этика, политика, экономика» (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–15 ноября 2022 г.), «Пути и страны: цивилизации Востока в исторической динамике» (УрФУ, 14–15 ноября 2022 г.), «Исламское образование в России в XXI веке: итоги и перспек-

тивы» (СПбГУ, 22–23 ноября 2022 г.), «Актуальные проблемы мировой политики» (ДА МИД РФ, 6–7 декабря 2022 г.), «Трансформация социально-экономического пространства: интеграция, миграции, туризм» (ИНИОН РАН, 23 января 2023 г.), «Ближний и Постсоветский Восток в системе международных отношений» (ИНИОН РАН, 19 апреля 2023 г.), «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире» (Институт стран СНГ, ИПМИ МИД Ирана, РОСАТОМ, 25 апреля 2023 г.), «Международные отношения в условиях новых угроз безопасности» (МГЛУ, 25–26 апреля 2023 г.), «Влияние российской Специальной военной операции на Украине на ближневосточную повестку» (ИНИОН РАН, 18 мая 2023 г.), «Пространственные аспекты мировой политики в оценках политико-географов и международных: евразийское пространство» (Институт наук о Земле СПбГУ, 15 апреля 2023 г.), «Религиозный фактор в современной политической и экономической жизни Европы», (ИНИОН и ИЕ РАН, 28 февраля 2023 г.), IV Политико-географические чтения им. О.В. Витковского (МГИМО МИД России, 24–26 ноября 2023 г.), «Исламская Республика Иран в эпоху глобальных трансформаций» (ИНИОН РАН, 19 марта 2024 г.), VI ежегодной Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Осмысляя Восток» (ИВ РАН и ГАУГН, 25–26 апреля 2024 г.), «Арабский Восток в современной мировой политике» (ИНИОН РАН, 28 мая 2024 г.), II Санкт-Петербургский международный конгресс исследователей международных отношений (СПбГУ, 25–27 апреля 2024 г.), «Палестина, палестинцы и палестинское национальное движение в истории Ближнего Востока и Северной Африки» (ИВ РАН, 25 сентября 2024 г.), V Политико-географические чтения им. О.В. Витковского (МГУ им. М.В. Ломоносова, 26 октября 2024 г.).

В рамках проведённого диссертационного исследования было опубликовано 14 статей в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных журналах ВАК. Среди них 4 индивидуальные статьи:

1. Останин-Головня В.Д. Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» // Контуры глобальных трансформаций: политика,

- экономика, право. – 2022. – Т. 15 (2). – С. 209–221. – DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11.
2. Останин-Головня В.Д. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях на современном этапе // Геоэкономика энергетики. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 53–66. – DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_53.
 3. Останин-Головня В.Д. «Шиитский вопрос» в политическом развитии Саудовской Аравии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 169–185. – DOI: 10.31249/kgt/2024.03.09.
 4. Останин-Головня В.Д. Развитие арабо-мусульманского направления внешней политики Саудовской Аравии после 1979 г // Международные отношения. – 2025. – № 1. – С.73–85. – DOI: 10.7256/2454-0641.2025.1.73466.

Также было опубликовано 10 коллективных статей, в том числе, 3 в соавторстве с научным руководителем:

1. Стукалов Е.Н., Останин-Головня В.Д. Структура, задачи и основные направления деятельности национальной гвардии Саудовской Аравии // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2020. – №2 (4). – С.29–32.
2. Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия «Восток-Запад»: идейно-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 115–120.
3. Аватков В.А., Каширина Т.В., Останин-Головня В.Д. Эволюция политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции: сходства и различия // Новая и новейшая история. – 2022. – Т. 66, № 6. – С. 167–179. – DOI: 10.31857/S013038640020806-4.
4. Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идейно-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: этно-конфессиональный фактор и проблема экстремизма // Вестник Российской нации. – 2022. – № 6 (88). – С. 72–78.

5. Крылов Д.С., Останин-Головня В.Д. Незападные модели демократии на Арабском Востоке: идейно-ценностный аспект // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 1 (117). – С. 289–319. – DOI: 10.31249/ape/2023.01.13.
6. Баскаков И.Д., Останин-Головня В.Д. Ирано-саудовские отношения после 1979 г.: интересы в зоне Персидского залива // Современные востоковедческие исследования. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 82–93. – DOI: 10.24412/2686-9675-1-2024-82-93.
7. Афанасьев В.И., Останин-Головня В.Д. Энергетический фактор в развитии внешней политики Саудовской Аравии на современном этапе // Геоэкономика энергетики. – 2024. – №2 (26). – С.38–51. – DOI:10.48137/26870703_2024_26_2_3.
8. Останин-Головня В.Д., Павлюкова А.А. Средиземноморский трафик беженцев: основные маршруты и проблемы контроля // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2024. – № 5 (41). – С. 27–36. – DOI: 10.15211/vestnikieran520242736.
9. Останин-Головня В.Д., Щербакова Т.Г. Развитие агропромышленного комплекса Саудовской Аравии // Геоэкономика энергетики. – 2024. – №4 (28). – С. 88 – 103. – DOI: 10.48137/26870703_2024_28_4_88.
10. Гузаеров Р.И., Крылов Д.С., Останин-Головня В.Д. Идейно-ценностный ландшафт Ближнего Востока: Иран, Саудовская Аравия, Турция // Свободная мысль. – 2025. – № 1 (1709). – С. 104–121.

Структурно работа состоит из введения, трёх глав, завершаемых выводами, обобщающими изложенный в них материал, девяти параграфов (по три параграфа в каждой главе), заключения, списка источников и литературы. В заключении представлен общий логически завершённый вывод по теме исследования. Материал диссертационной работы сформирован по принципу исторической последовательности исследования эволюции религиозного фактора во внешней политике Саудовской Аравии в период с 1979 по 2019 гг. Первая

глава посвящена теоретическим основам изучения религиозного фактора в мировой политике. Вторая глава анализирует современную внешнюю политику Саудовской Аравии, её ключевые направления и концептуальные основы. Третья глава исследует роль религии в социально-политическом развитии королевства, а также взаимодействие религиозных институтов с государственной властью.

ГЛАВА 1. РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

1.1. Теоретические подходы к изучению взаимосвязи религии и политики

Изучение религиозного фактора в историческом развитии и социально-политических процессах отдельных стран, равно как и соотношение самих понятий «религия» и «политика», являются одной из самых непростых и при этом актуальных направлений всего комплекса гуманитарных наук. Однако любые исследования в данной области сильно затруднены по ряду причин.

Во-первых, дефиниции религии и политики прямо зависят от подхода, методологии и зачастую субъективного отношения автора к рассматриваемым объекту и предмету. *Во-вторых*, аналитические инструменты классических школ крайне плохо подходят для изучения религии, т.к. политические науки и теория международных отношений большую часть своего существования развивались в контексте западной секулярной парадигмы, в рамках которой религиозный фактор либо получал крайне мало внимания, либо рассматривался с предвзятых и необъективных позиций¹³⁴. *В-третьих*, религия, вопреки стереотипам, представляет собой крайне неоднородное и динамическое явление, вследствие чего требуется учитывать целое множество аспектов от специфики и содержания каждого конкретного учения до внутреннего развития отдельных конфессий.

Комплексное изучение религиозного фактора в международных отношениях, как и любое другое рассмотрение религии в качестве общественного явления, возможно только при условии соблюдения принципов междисциплинарного исследования. Наиболее полно сегодня данный подход реализован в рамках религиоведения, включающего пять базовых разделов (история, со-

¹³⁴ Чикризова О.С., Лашхия Ю.В. Религиозный фактор в мировой политике международных отношениях // Россия и мусульманский мир. 2022. № 1 (323). – С. 109–111.

циология, антропология, психология и феноменология религии) с их самостоятельными теоретико-методологическими традициями, которые, тем не менее, «взаимодействуют и обогащают друг друга» в смежных областях¹³⁵. Что касается политологии религии, то, несмотря на актуальность самой проблематики, это направление возникло относительно недавно и принадлежит скорее комплексу политических наук, чем классическому религиоведению.

Принято считать, что первым понятие «политология религии» в употребление ввёл сербский исламовед Миролуб Евтич. В 1993 г. он учредил магистерскую программу по соответствующей дисциплине в Белградском университете, а с 2007 г. занимает должность главного редактора одноимённого журнала, издаваемого Центром изучения религии и религиозной терпимости¹³⁶. Спустя несколько лет, в 1996 г., профессор Клаус-Эккехард Бэрш основал Институт политологии религии при Университете Дуйсбурга-Эссена. Необходимость развития нового направления Бэрш объяснял тем, что «предыдущие исследования взаимосвязи политики и религии – Т. Адорно, Э. Блоха, М. Брумлика, Г. Майера, Я. Таубса, К. Вондунга, Э. Фогелина и, наконец, М. Вебера – ещё нельзя отнести к самостоятельной политологической дисциплине»¹³⁷.

Также подобные учреждения существуют в США. С 1986 г. при Американской ассоциации политических наук (APSA – American Political Science Association) действует секция под названием «Религия и политика»¹³⁸, а в 2010 г. Вашингтонский университет в Сент-Луисе при поддержке Фонда Данфорта основал Центр религии и политики, который «служит открытой площадкой

¹³⁵ Философия религии: учебник для академического бакалавриата / под ред. М.М. Шахнович. М.: Юрайт, 2020. – С. 9.

¹³⁶ Politics and Religion Journal: About the Journal. Belgrade, 2023. URL: <http://politicsandreligionjournal.com/index.php/prj/about> (дата обращения: 10.01.2025).

¹³⁷ Bärsch C.-E. Der Kampf zwischen Gott und dem Bösen - Carl Schmitts Begriff des Politischen aus der Perspektive der Religionspolitik // Soziologie als Krisenwissenschaft: Festschrift zum 65. Geburtstag von Dankwart Danckwerts / Hans Uske et al. Münster: LIT Verlag, 1998. S. 335.

¹³⁸ American Political Science Association (APSA): Religion and Politics (Section 11). Washington, D.C., 2023. URL: <https://apsanet.org/section11> (дата обращения: 10.01.2025).

для информирования широких академических и общественных кругов о пересечениях религии и политики в США»¹³⁹. Однако обе организации, прежде всего, нацелены на деятельность в публичной сфере, а не на научные исследования, что не позволяет расценивать их как самостоятельные и полноценные академические школы.

Примечательно, что хронологически становление политологии религии пришлось на период 1990-х гг., когда в научных сообществах разных стран началось переосмысление глобальных процессов. Позиции секулярной парадигмы в интеллектуальном пространстве к тому моменту были заметно ослаблены после «зримого возвращения религии в публичную сферу» на рубеже 1970-х – 1980-х гг.¹⁴⁰ Наиболее уязвимыми местами секулярной парадигмы, как отметил профессор Вюрцбургского университета Ганс-Георг Циберц, оказались европоцентризм, чрезмерная концентрация на западном христианстве, теоретические допущения в пользу рационалистических, модернизационных и светских концепций, а также вытекающие из этого неточность методологии и игнорирование эмпирических данных в динамике¹⁴¹.

Теория секуляризации как в классических, так и в модифицированных вариантах оказалась неспособной объяснить резкое усиление религиозного фактора в международных отношениях на изломе биполярной системы, т.к., по выражению профессора Утрехтского университета Петера ван дер Веера, вопрос заключался уже не в том, «будет ли мусульманское, индуистское или буддистское общество становится светским, а в том, какова на самом деле роль религии, как организовано её воздействие, что она поддерживает и к чему оппонирует»¹⁴². Новые проблемы и вопросы требовали от науки соответствующего подхода, что привело не только к вынужденной ревизии классического

¹³⁹ John C. Danforth Center on Religion and Politics: About the Center. St. Louis, 2023. URL: <https://rap.wustl.edu/about/about-the-center/> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁴⁰ Кудряшова И.В. Как изучать взаимодействие религии и политики? // Политическая наука. 2013. № 2. С. 11–13.

¹⁴¹ Ziebertz H.-G. A post-secular society? // International journal of practical theology. 2010. Vol. 13, No. 2. P. 295–297.

¹⁴² ван дер Веер П. Политическая религия в XXI веке // Ислам в современном мире. 2010. № 3–4 (19–20). – С. 52.

инструментария, но и к объединению опыта политологии и религиоведения в рамках смежной дисциплины, что стало логичным этапом в развитии социально-гуманитарного комплекса.

Основной областью политологии религии является взаимодействие религии и политики в самом широком смысле. В зависимости от объекта и предмета исследования данное взаимодействие может рассматриваться в различных масштабах и сферах общественной жизни: от локального и регионального уровней до глобальных проблем и мировых процессов, от малых и средних социальных групп до отдельных государств и международных организаций. Социология религии изучает некоторые из перечисленных проблем в рамках продвигаемой Толкоттом Парсонсом (1902–1979 гг.) теории структурного функционализма, где политика и религия рассматриваются в качестве отдельных подсистем общей структуры социума¹⁴³. Политология религии, в свою очередь, исходит из того, что политический процесс и религиозный фактор представляют собой отдельные аспекты, что позволяет фокусироваться на их взаимовлиянии и (совместном и/или опосредованном) воздействии на общественное развитие. Иначе говоря, ключевое различие здесь заключается в том, что социология религии исследует религию как производный элемент системы человеческого общества, а политология религии сопоставляет политику и религию как самостоятельные феномены, исходя из их внутренней специфики.

Тем не менее всё это не исключает взаимодействия между двумя дисциплинами в смежных областях, где зачастую используются общие методологические и аналитические инструменты. Например, в числе базовых единиц исследования как в социологии, так и в политологии религии находятся религиозные институты, для изучения которых оба направления применяют *институциональный метод* и *структурно-функциональный анализ*. Различие заключается лишь в том, что для первого направления религиозный институт интересен, в первую очередь, как форма социальной организации, а для второго –

¹⁴³ Гараджа В.И. Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 225.

как актор политического процесса. Однако, с точки зрения комплексности социально-гуманитарных наук, подобные нюансы не столь значительны, т.к. «разделение труда» здесь отвечает задачам по исследованию конкретных аспектов общего проблемного поля.

Таким образом, следуя логике изложенного выше и опираясь на предложенную Р.Н. Лункиным формулировку¹⁴⁴, можно вывести следующее определение: ***политология религии*** – это дисциплина комплекса политических наук, которая изучает взаимодействие религии и политики в рамках общественного развития через анализ роли религиозного фактора в государственной политике отдельных стран, международных отношениях, глобальных и региональных процессах. Для полного же раскрытия вопросов связанных с концептуальными основами исследования остаётся разобраться с таким понятием, как «религиозный фактор», которое, в свою очередь, напрямую зависит от дефиниции самой религии.

Определение религии

Выдающийся британский антрополог и один из первопроходцев сравнительного религиоведения Джеймс Джордж Фрейзер (1854–1941 гг.) писал, что «нет такого предмета, в отношении которого мнения расходились бы так сильно, как в отношении природы религии», из-за чего «невозможно дать определение религии, которое удовлетворило бы всех»¹⁴⁵. С момента публикации его 12-томного *magnum opus* «Золотая ветвь» (1890 г.) прошло более 130 лет, но данное высказывание сохраняет актуальность и в наши дни. Споры о возникновении и сущности религии ведутся в научных кругах до сих пор, а чёткая дефиниция самого термина в полной мере зависит от конкретной школы, дисциплины и направления исследования. В этой ситуации, как справедливо отметил Дж.Дж. Фрейзер, автор может лишь изложить собственное

¹⁴⁴ Лункин Р.Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. М.: ИЕ РАН, 2020. – С. 38.

¹⁴⁵ Фрейзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Академический Проект, 2012. – С. 63–64.

понимание религии и последовательно придерживаться указанного смысла на протяжении всей работы¹⁴⁶.

На современном этапе существует множество определений религии, их можно условно разделить на две большие группы: энциклопедические и авторские. Энциклопедические дефиниции малопригодны для серьёзных исследований, т.к. носят исключительно дескриптивный характер и не считаются со спецификой конкретных религиозных учений, учитывая лишь их самые общие свойства. Авторские же, будучи результатом философского или научного осмысления феномена религии, отличаются большим разнообразием и глубиной. Внутри этой группы чётко прослеживаются три направления:

1. феноменологическое;
2. содержательное;
3. функциональное.

В социально-политических дисциплинах основное внимание уделяется содержательным и функциональным определениям, т.к. в них религия рассматривается через призму общественных процессов и явлений¹⁴⁷, а феноменологические в подавляющем большинстве случаев относятся к областям теологии или философии.

Объективность в религиоведении, как и в любой другой академической области, является одним из фундаментальных принципов. Научный подход не допускает явной апологетики или демонстративной антирелигиозности по отношению к предмету изучения, т.к. профессиональная этика обязывает исследователя «не переступать границы, отделяющие учёного от религиозного проповедника или атеистического критика религии»¹⁴⁸. Вопрос личной веры или неверия в существование высших сил не имеет абсолютно никакого отношения к научной аргументации, ведь феномен религии не сводится к «идее богов

¹⁴⁶ Там же: С. 64.

¹⁴⁷ Самыгин С.И., Воденко К.В., Нечипуренко В.Н. Религия и политика. Ростов н/Д: Феникс, 2016. – С. 9.

¹⁴⁸ Гараджа В.И. Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 21.

или духов и, следовательно, он не может определяться исключительно отношением к ним»¹⁴⁹.

Для предотвращения когнитивных искажений подобного рода Эмиль Дюркгейм (1858–1917 гг.), стоявший у истоков социологии и структурно-функционального анализа, предлагал исходить из того, что религия представляет собой не «нечто вроде неделимой сущности», а «более или менее сложную систему», правильное определение которой, с точки зрения методологии, следует начинать с характеристики образующих её «элементарных явлений»¹⁵⁰. Схожую позицию занимал и Макс Вебер (1864–1920 гг.), также считающийся одним из основоположников современной социологической школы. Немецкий учёный, как и его французский коллега, указывал, что научное определение религии должно опираться на индуктивный метод и исходить из эмпирических данных: «Определение того, что есть религия, не может быть дано в начале исследования..., – оно может быть дано только в его конце»¹⁵¹.

Конечно, слова М. Вебера носили скорее образный, чем аксиоматический характер, и были призваны продемонстрировать спектр методологических проблем, стоявших перед исследователями того периода. Например, Э. Дюркгейм в своём знаменитом труде «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии» (1912 г.) отвёл вопросам, связанным с определением религии, первую главу первой книги, где с должной обстоятельностью разобрал все ключевые аспекты от фундаментальных до конкретно-прикладных¹⁵². Да и сам Вебер, придерживаясь изложенной позиции, отнюдь не отрицал возможность обозначения конкретных дефиниций в начале научных работ, а лишь указывал на ошибочность распространённого в то

¹⁴⁹ Durkheim Emile. *The Elementary Forms of the Religious Life* / translated from the French by Joseph Ward Swain. London: G. Allen & Unwin Ltd, 1964. – P. 35.

¹⁵⁰ Ibid.: P. 36.

¹⁵¹ Вебер, М. Избранное: Образ общества / сост. С.Я. Левит. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – С. 82.

¹⁵² Durkheim Emile. *The Elementary Forms of the Religious Life* / translated from the French by Joseph Ward Swain. London: G. Allen & Unwin Ltd, 1964. – 456 p.

время подхода «от общего к частному», где попытки умозрительного конструирования понятий о «сущности религии» опирались на специфику западно-христианских обществ, практически не считаясь с эмпирическими данными и внутренним многообразием рассматриваемого феномена¹⁵³.

Типичным примером подобного подхода являются марксизм и марксизм-ленинизм. *Во-первых*, данные учения возникли и развивались в среде западной секулярной парадигмы, которая, как уже говорилось выше, ограничивала методико-аналитическом инструментарий. *Во-вторых*, марксистский дискурс, опираясь на концепции «научного атеизма» и «исторического материализма», открыто продвигает антирелигиозную позицию, что прямо противоречит фундаментальному принципу объективности. *В-третьих*, трактовки религии в марксизме отличаются своей узостью и имеют явно ангажированный характер, т.к. их изначальной задачей было не научное исследование феномена, а его объяснение через идеологическую призму «классовой борьбы» в рамках теории общественно-экономических формаций.

Тем не менее, утверждать, что всё отношение марксистской философии к религии сводится к таким знаменитым выражениям её основателя, как «превратное мировоззрение», «вздых угнетённой твари», «сердце бессердечного мира», «дух бездушных порядков» и «опиум народа»¹⁵⁴, было бы грубым допущением. В сочинениях Карла Маркса (1818–1883 гг.) и Фридриха Энгельса (1820–1895 гг.) вполне верно определяется сущность религии как социального явления и содержится тезис о «форме общественного сознания». Однако их рассуждения о феноменологических, содержательных и функциональных аспектах не выдерживают критики при детальном анализе за пределами внутренней логики марксизма.

Для подтверждения этих слов можно разобрать соответствующий фрагмент из знаковой работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (1878 г.), признанную

¹⁵³ Гараджа В.И. Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 66–67.

¹⁵⁴ Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения / под ред. Е.А. Степанова. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. – С. 414–415.

одним из базовых произведений диалектического материализма. В пятой главе третьего отдела книги приводятся рассуждения о генезисе и эволюции религии, которая, по его мнению, «является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни»¹⁵⁵. Развитие всех систем религиозного мировоззрения Ф. Энгельс объясняет по принципу «от общего к частному»: любая религия проходит путь от «первоначального отражения таинственных сил природы» до «приобретения общественных атрибутов», после чего «вся совокупность ... множества богов переносится на одного всемогущего бога, который ... является лишь отражением абстрактного человека»¹⁵⁶. При этом, несмотря на прямые отсылки к сравнительной мифологии, немецкий мыслитель не считается с внутренним разнообразием описываемого феномена, о чём прямо свидетельствует пассаж, где монотеизм называется «последним продуктом греческой вульгарной философии», воплотившемся в «иудейском, исключительно национальном боге Ягве»¹⁵⁷. Заключает же он характерным для секулярных теорий тезисом о «естественной смерти религии» в результате социального прогресса¹⁵⁸.

Что касается функциональной значимости религии, то здесь марксистское учение даёт однозначную оценку. В достаточно ёмкой и доступной форме её изложил в одной из своих статей советский философ А.Д. Сухов: «Функция религии – примирять противостоящие в обществе группы, эксплуататорскую и эксплуатируемую. Религия совмещает несовпадающие интересы этих групп, причём делает это за счёт одной из них»¹⁵⁹. При этом, отмечает далее исследователь, в гносеологическом аспекте марксизм рассматривает религию как

¹⁵⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения / под ред. В.К. Брушлинский. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. – С. 328.

¹⁵⁶ Там же: С. 329.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же: С. 330.

¹⁵⁹ Сухов А.Д. Марксистская трактовка религии // Философия и общество. – 2014. – № 3 (75). – С. 53.

«одно из проявлений идеализма», который является «мировоззренческим антагонистом» материализма, что прямо влияет и на её социальную роль¹⁶⁰. Иначе говоря, с точки зрения марксистского дискурса, религия в рамках политических процессов выполняет две основные функции:

1. выступает элементом «классовой борьбы» *на институциональном уровне;*
2. служит проводником определённой идеологии *в сфере общественной мысли.*

Очевидно, что в марксизме рассмотрение проблемы религиозного фактора в социально-политических процессах, имея рациональные предпосылки, приводит к явно ангажированным выводам¹⁶¹, что вынуждает подходить к определениям религии марксистской школы с должной долей скепсиса. Этот нюанс важно учитывать при работе с трудами советских авторов, т.к. в отечественном научном дискурсе большую часть XX в., по известным причинам, доминирующее положение занимала марксистско-ленинская идеология.

Особый интерес в данном контексте вызывает деятельность Института научного атеизма (ИНА), основанного в рамках Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1964 г. и игравшего роль ведущей организацией в сфере комплексных исследований религии вплоть до 1991 г. Примечательно, что основной задачей Института была не сугубо научная деятельность, а, как отметил Р.П. Платонов, «централизация атеистической работы путем развития методологии будущих исследований» и «координация атеистической работы на местах»¹⁶². По сути, ИНА определял генеральную линию отношения к религии в обществе, которой должно было придерживаться и академическое сообщество.

¹⁶⁰ Там же: С. 57–59.

¹⁶¹ Определение религии в рамках марксистской школы как социального феномена соответствует доминирующей парадигме общественно-политических наук, но явно негативное восприятие и критика функционального аспекта религии противоречит принципу объективности, что привело к искажению понятия «научного атеизма» в марксистском дискурсе.

¹⁶² Платонов Р.П. Пропаганда атеизма: Организация, содержание, результаты. (Из опыта БССР). М.: Политиздат, 1985. – С. 54.

Издержки подобного подхода хорошо демонстрируют справочное издание «Атеистический словарь»¹⁶³ и научно-атеистическая серия АН СССР, где своими публикациями отметились многие видные советские философы, историки, социологи и религиоведы. Абсолютное большинство книг серии изобилуют грубыми теоретическими и методологическими допущениями в угоду политической конъюнктуре. В качестве конкретного примера здесь подходит книга М.Г. Писманика «Личность и религия» (1976 г.), в которой выводы, основанные на крайне ограниченном количестве эмпирических данных, связанных, в основном, с изучением пермской общины протестантов-пятидесятников, экстраполируются на все остальные конфессии и типы общества¹⁶⁴.

Конечно, всё это не отрицает заслуг многих отечественных учёных религиоведов советского периода. Существует целый ряд авторов, чьи работы по истории религий и конфессий отдельных стран и регионов, несмотря на упомянутые издержки, по сей день сохраняют свою актуальность. Особенно в этом плане отличаются труды востоковедов СССР, среди которых в контексте темы данной работы можно выделить, как минимум, «Мусульманское сектантство (Исторические очерки)» (1957 г.) и «Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье» (1966 г.) Е.А. Беляева¹⁶⁵, «Ислам и наука: К критике концепции соотношения знания и веры» (1978 г.) Б.А. Алиевой¹⁶⁶, «Ислам в мировой политике и международных отношениях» (1982 г.) К.А. Меркулова¹⁶⁷, «Мусульманское право: вопросы теории и практики» (1986 г.) Л.Р. Сюкияйнена¹⁶⁸, «Ислам и национализм в странах зарубежного Востока» (1988

¹⁶³ «Атеистический словарь» впервые был выпущен в 1983 г. Издательством политической литературы ЦК КПСС (Политиздат), позже, в 1985 и 1986 гг., последовали 2-е и 3-е издания под редакцией М.П. Новикова (1918–1993 гг.).

¹⁶⁴ Писманик М.Г. Личность и религия. М.: «Наука», 1976. – 152 с.

¹⁶⁵ Беляев Е.А. Мусульманское сектантство (Исторические очерки). М.: Издательство восточной литературы, 1957. – 102 с.; Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М.: «Наука», 1966. – 283 с.

¹⁶⁶ Алиева Б.А. Ислам и наука: К критике концепции соотношения знания и веры. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1978. – 118 с.

¹⁶⁷ Меркулов К.А. Ислам в мировой политике и международных отношениях. М.: «Международные отношения», 1982. – 320 с.

¹⁶⁸ Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М.: «Наука», 1986. – 254 с.

г.) З.И. Левина¹⁶⁹, «Халифы без халифата. Ислам, неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность» (1988 г.) А.А. Игнатенко¹⁷⁰, статьи и доклады исследователей, внёсших лепту в создание знакового сборника «Ислам. Религия, общество, государство» (1984 г.) под редакцией П.А. Грязневича и С.М. Прозорова¹⁷¹, коллективный труд «“Исламский фактор” в международных отношениях в Азии (70-е – первая половина 80-х годов)» (1987 г.) под редакцией Л.Р. Полонской¹⁷² и т.д.

Более того, необходимо отметить, что объективная реальность и сугубо научный подход со временем стали превалировать над марксистско-ленинской идеологией, что отразилось в публикациях советских религиоведов. Наглядно это демонстрируют две публикации «Политика и религия» З.В. Калиничевой от 1984 г. и «Религия и политика» Л.Н. Митрохина от 1991 г. Если первая книга начинается с ангажированных заявлений о «кризисе религий», «растущей секуляризации» и «пропаганде, ведущейся под прикрытием религиозных лозунгов»¹⁷³, то во второй основную часть предваряет констатация того факта, что в условиях коренных изменений конца 1980-х – начала 1990-х гг. «переоценке подверглось и обществоведение, в том числе так называемый научный атеизм, который монополизировал право на определение места религии как в истории человеческой культуры, так и в современном обществе», и «наиболее подверженной конъюнктуре» была проблематика религии и политики¹⁷⁴. Тем не менее даже в откровенно идеологизированной брошюре З.В. Калиничевой можно отметить достойные стороны. Например, в самом начале автор привела ёмкое и *содержательное* определение религии как «сложного

¹⁶⁹ Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М.: «Наука», 1988. – 221 с.

¹⁷⁰ Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М.: «Наука», 1988. – 205 с.

¹⁷¹ Ислам. Религия, общество, государство / отв. ред. П.А. Грязневич и С.М. Прозоров. М.: «Наука», 1984. – 232 с.

¹⁷² «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-е – первая половина 80-х годов) / отв. ред. Л.Р. Полонская. М.: «Наука», 1987. – 190 с.

¹⁷³ Калиничева З.В. Политика и религия. Л.: «Знание», 1984. – С. 3–4.

¹⁷⁴ Митрохин Л.Н. Религия и политика. М.: «Знание», 1991. – С. 3.

комплекса», состоящего из «религиозных сознания (идеологии и психологии), культа и организаций»¹⁷⁵.

Примечательно, что схожая дефиниция встречается и у Э. Дюркгейма: «целостная система верований и обрядов, относящихся к священным, т.е. обособленным, запретным вещам, – верований и обрядов, которые объединяют в одну моральную общину, именуемую церковью, всех, кто им следует»¹⁷⁶. Однако здесь необходимо отметить два момента. Во-первых, французский социолог, используя термин «церковь», подразумевал не полный аналог христианской церкви, а всякую «моральную общность» на основе религиозного мировоззрения. Во-вторых, данное определение будет неполным, если не уточнить функциональный аспект, т.к. Дюркгейм полагал, что в основе религий лежат коллективные представления о мироустройстве, формируемые самим обществом для своего сохранения и развития¹⁷⁷. Такое видение, по сути, перекликается с цивилизационным подходом, где определение культурно-исторического типа, к которому относится то или иное государство, прежде всего, ориентируется на доминирующую религию, выполняющую функцию «ядра» традиции, обеспечивающей, в свою очередь, общество физической выживаемостью, устойчивостью идентичности и вектором эволюции.

Возвращаясь к задаче раздела текущего параграфа следует отметить, что в современном научном обиходе имеется более 200 дефиниций религии¹⁷⁸. Антиномичность подходов к определению феномена, как отметил В.И. Гараджа, создаёт столь значительные трудности, что многие исследователи сознательно отказываются использовать конкретные авторские трактовки и ограничива-

¹⁷⁵ Калиничева З.В. Политика и религия. Л.: «Знание», 1984. – С. 3.

¹⁷⁶ Durkheim Emile. The Elementary Forms of the Religious Life / translated from the French by Joseph Ward Swain. London: G. Allen & Unwin Ltd, 1964. – P. 65.

¹⁷⁷ Горохов А.А. Феноменология религии Мирчи Элиаде. СПб.: Алетейя, 2014. – С. 28.

¹⁷⁸ Забияко А.П., Красников А.Н., Элбакян Е.С. Религия // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. – С. 872.

ются только выявлением общих характеристик, позволяющих отличить религию от иных явлений общественной жизни¹⁷⁹. Однако в контексте данной работы с опорой на ряд упомянутых выше формулировок в качестве рабочей дефиниции целесообразно принять следующее определение: *религия – это социокультурный феномен, являющийся комплексом системы мировоззрения, основанной на представлениях о «сакральном», формы социальной организации и культовой практики.*

В свою очередь, под термином «**конфессия**», как указала А.В. Митрофанова, следует понимать исключительно «*организованную религию, воплощённую в каких-либо социальных институтах*»¹⁸⁰. Выражаясь иначе, конфессиями (реже – деноминациями) принято называть отдельные направления в рамках определённой религии. Например, христианство – это религия, а католическая церковь – это конфессия, ислам – это религия, а иснаашаризм – это конфессия, и т.д. Данный нюанс крайне важно учитывать для того, чтобы отличать религиозный фактор от конфессионального фактора при исследовании их влияния на политические процессы.

Вопрос о взаимодействии религии и политики будет рассмотрен в следующем разделе лишь в общих чертах, необходимых для окончательного определения концептуальных основ исследования, т.к. подробнее проблема освещается в различных аспектах во всех последующих главах исследования на примере ислама и внешнеполитического курса Саудовской Аравии.

Взаимодействие религии и политики

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о взаимодействии религии и политики необходимо отметить, что в рамках предложенного определения актуальными будут, прежде всего, первые две компоненты комплекса, т.к. культовая практика, в отличие от мировоззрения и социальной организации,

¹⁷⁹ Гараджа В.И. Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 68–69.

¹⁸⁰ Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. 2008. № 1. – С. 109.

не оказывает прямого влияния на общественно-политическое развитие. Под культом в религиоведении принято понимать совокупность ритуалов, обрядов, материальных объектов поклонения и абстрактных символов, по отношению к которым субъектами выступают либо религиозные группы, либо верующие индивиды¹⁸¹. Из этого следует, что культовая практика является скорее внутренним механизмом религии, выполняющим функцию медиатора между «сакральным» (относящимся к мифическому времени) и «профанным» (относящимся к истории, т.е. времени реальному)¹⁸², а также обеспечивающим связь мировоззренческой системы с жизнью общины в сознании последователей учения.

С точки зрения политологии религии, религиозный фактор следует оценивать в контексте политического процесса, который можно интерпретировать двумя способами¹⁸³:

1. *политический процесс как один из множества аспектов общественного развития в целом* (на ряду с экономическим, идеологическим, культурным, религиозным и др. процессами);
2. *политический процесс как форма функционирования политической системы конкретного общества.*

В первом случае, политика и религия могут быть проанализированы и сопоставлены в качестве самостоятельных явлений, а во втором – как два элемента одной системы (например, отдельного государства или региона). Выбор здесь зависит от масштаба, объекта и цели конкретного исследования, но, в силу специфики феноменов, учитывать приходится, как правило, оба варианта.

Следующим по значимости в политологии религии выступает понятие «религиозный фактор». В самом широком смысле, *религиозный фактор* –

¹⁸¹ Яблоков И.Н. Культ религиозный // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. – С. 560–561.

¹⁸² Mircea Eliade. Le sacré et le profane. Paris: Gallimard, 1957. – P.63–66; Durkheim Emile. The Elementary Forms of the Religious Life. London: G. Allen & Unwin Ltd, 1964. – P. 65.

¹⁸³ Политология: Энциклопедический словарь. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – С. 294–295.

это воздействие религиозного комплекса на систему социальных, экономических и политических отношений; проявление субъектности религии в различных областях общественной жизни. Если рассуждать через призму концепции Т. Парсонса, то религиозный фактор можно охарактеризовать как влияние религиозной подсистемы на подсистему политическую внутри общей структуры социума¹⁸⁴.

В исторической ретроспективе религия и политика всегда имели тесную связь, т.к. являлись одними из важнейших инструментов регуляции отношений между людьми. Однако характер этой связи менялся в зависимости от контекста времени и места. Хронологически религия возникла раньше политики, которая возможна лишь в более-менее развитых обществах с явными признаками социальной стратификации¹⁸⁵. Этим объясняется тот факт, что для государств Древнего мира был характерен определённый симбиоз двух феноменов, где политическая власть имела религиозное обоснование и наделялась сакральными качествами.

На ранних этапах правители объединяли в себе функции царя и верховного жреца, что отражено в мифологии многих народов через таких персонажей со сверхъестественными чертами, как месопотамский Гильгамеш, древнекитайский Жёлтый император Хуан-ди, индуистский Кришна, библейский Мельхиседек и т.д.¹⁸⁶ Во многих традиционных культурах, как отмечал итальянский философ Юлиус Эвола (1898–1974 гг.), «первостепенной функцией царя или вождя является свершение обрядовых и сакральных действий, составляющих центр тяжести жизни в традиционном мире»¹⁸⁷. Интересным примером здесь выступает Япония, где родословная правящей династии велась от солярной богини Аматаэрасу вплоть до 1 января 1946 г., когда император Хирохито в рамках послевоенного переустройства страны издал «Декларацию о

¹⁸⁴ Parsons, Talcott. The System of Modern Societies. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1971. – 152 p.

¹⁸⁵ Писманик М.Г. Религиоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – С. 195–196.

¹⁸⁶ Эвола Ю. Восстание против современного мира / пер. с итал. В. Ванюшкина и О. Молотов. М.: Тотенбург, 2016. – С. 25–37.

¹⁸⁷ Там же: С. 31.

человеческой природе»¹⁸⁸. Однако в процессе эволюции и усложнения общественных отношений в большинстве культур разделение фигур царя и жреца произошло гораздо раньше, что историография зачастую интерпретирует как разделение власти на светскую и духовную. Дж.Дж. Фрейзер в этой связи писал, что «в некоторых странах этот раскол ... усугубился до полного и постоянного разделения религиозной и политической власти: за древними династиями остались чисто ритуальные функции, тогда как светское руководство перешло в руки более молодых и энергичных сословий»¹⁸⁹.

Тем не менее в полной мере это применимо только к опыту западно-христианской цивилизации. Характерный для средневековой Европы конфликт между феодальными монархиями и Папским Престолом со временем привёл к Реформации XVI–XVII вв., ознаменовавшейся подъёмом протестантского движения и чередой т.н. «религиозных войн». Именно с этого момента можно говорить о возникновении секулярных практик в развитии государств Европы, которые, по сути, не только нарушили симбиоз религии и политики, разделённых на институциональном уровне, но и заложили фундамент для моделей политизации религиозной сферы, где духовенство подчинялось государству, а светская власть наделялась почти что сакральными качествами посредством национального мифа¹⁹⁰. Во многом эти секулярные модели стали одним из важнейших факторов развития социально-политической культуры Запада в Новое время.

Что касается Новейшей истории, то на современном этапе принято выделять три основные формы взаимоотношения религии и политики по типу государственного устройства¹⁹¹:

¹⁸⁸ Dower, John W. Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II. New York: W.W. Norton & Co., 1999. – P. 73–79.

¹⁸⁹ Фрейзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Академический Проект, 2012. – С. 213.

¹⁹⁰ Писманик М.Г. Религиоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – С. 198–199.

¹⁹¹ Самыгин С.И., Воденко К.В., Нечипуренко В.Н. Религия и политика. Ростов н/Д: Феникс, 2016. – С. 106–112.

1. Секулярное (светское) государство – отделение религии от правовой системы и механизма государства; *размежевание религии и политической власти.*
2. Конфессиональное государство – наделение религии официальным статусом, предполагающим её инкорпорирование в механизм государства; *подчинение религии политической власти.*
3. Теократическое государство – религиозная регламентация правовой системы и механизма государства; *подчинение политической власти религии.*

Предложенная типология наглядно отражает наиболее распространённые формы взаимоотношений между религией и политикой на институциональном уровне. Ключевым аспектом здесь является положение форм социальной организации религиозных групп (религиозных институтов) в правовой и административной системе государства.

Во избежание терминологических неточностей сразу следует отметить, что определение религиозных институтов напрямую зависит, во-первых, от их классификации и, во-вторых, от специфики конкретного вероучения. Так, распространённое деление религиозных институтов на церкви, деноминации и секты может быть применено только к христианским культурам, т.к. в исламской, буддистской, индуистской и пр. традициях не существует аналогичных форм социальной организации. Поэтому в рамках данной работы целесообразно будет опираться на более общие и нейтральные категории:

1. общины верующих;
2. конфессиональные организации;
3. международные объединения представителей одной религии или межрелигиозного характера.

При таком подходе можно принять выведенное на основе формулировок В.В. Комлевой¹⁹² определение: *религиозный институт* – это устойчивая форма социальной организации, которая упорядочивает и организует деятельность, связи и отношения последователей вероучения между собой, а также с представителями иных религий и неверующими.

В сфере международных отношений религиозный фактор проявляется, прежде всего, через активизацию отдельных конфессий, т.к., начиная с последних десятилетий XX в., отмечается существенный рост числа транснациональных структур религиозной направленности, которые по характеру своей деятельности зачастую относят к разновидности неправительственных организаций (НПО)¹⁹³. Однако данная тенденция является частью более масштабного феномена из области мировой политики, который принято называть «религиозным ренессансом» (англ. *Religious Renaissance*), «возрождением религии» (англ. *Religious Revival, Religious Resurgence*) или «реваншем Бога» (фр. *la Revanche de Dieu*)¹⁹⁴, что, тем не менее, относится уже к проблемному полю следующего параграфа.

На уровне политических процессов отдельных регионов и стран религия также выступает в роли одного из базовых элементов идеологического пространства. Мировоззренческая компонента религиозного комплекса, как отмечают в своей статье О.С. Чикризова и Ю.В. Лашхия, «в той или иной мере задаёт паттерны мышления человека и, следовательно, его деятельности, в том числе в сфере политики»¹⁹⁵. При этом религия воздействует на общественное сознание как на *индивидуальном уровне* посредством формирования морально-

¹⁹² Комлева В.В. Роль религиозных институтов в международном гуманитарном сотрудничестве // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры. Минск: ООО «Позитив-центр», 2018. – С. 21.

¹⁹³ Баженов В.В. Влияние мировых религий на формирование международных отношений // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2016. № 6. – С. 49.

¹⁹⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2021. – С. 93.

¹⁹⁵ Чикризова О.С., Лашхия Ю.В. Религиозный фактор в мировой политике и международных отношениях // Россия и мусульманский мир. 2022. № 1 (323). – С. 112.

этической ориентации верующих, так и на *коллективном* через соответствующие идеологические системы, заимствующие у вероисповеданий ряд политических, экономических и правовых концепций¹⁹⁶.

Из всего сказанного выше следует, что изучение религиозного фактора в современных политических процессах должно исходить из анализа двух базовых аспектов – *институционального* и *политико-аксиологического*. Иначе говоря, для полноценного исследования политической роли религии требуется привлечение широкого спектра теоретических и методологических инструментов, направленных как на сугубо прикладную плоскость изучения конкретных структур и организаций, так и на философско-идеологическую сферу.

1.2. Эволюция религиозного фактора в международных отношениях второй половины XX – начала XXI вв.

Начиная с 1980-х гг. в научных и экспертно-аналитических кругах не прекращаются обсуждения феномена т.н. «религиозного ренессанса». Рост влияния религии на мировую политику остаётся крайне сложным и многофакторным процессом¹⁹⁷. Тенденция усиления религиозного фактора в различных аспектах социально-политической жизни, по большей части, носит объективный характер и свидетельствует, по утверждению одних исследователей, о наступлении «Нового Средневековья», а, по мнению других, о формировании постсекулярного общества, где религия заполняет концептуальный, возникший по завершении долгой «эпохи идеологий» в начале 1990-х гг.¹⁹⁸.

Наука о международных отношениях, утвердившаяся в качестве академической дисциплины по окончании Первой мировой войны и долгое время опиравшаяся на западоцентричные концепты, разделяла заблуждения теорий

¹⁹⁶ Самыгин С.И., Воденко К.В., Нечипуренко В.Н. Религия и политика. Ростов н/Д: Феникс, 2016. – С. 10–11.

¹⁹⁷ Мазур С.О. Феномен «религиозного возрождения» глобализирующихся обществ в ракурсе социально-философских исследований // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2016. Вып. 15. – С. 204.

¹⁹⁸ Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. – С. 10.

модернизации и секуляризации относительно «естественного отмирания» религии¹⁹⁹. По этой причине усиление религиозного фактора в мировой политике на изломе биполярной системы побудило некоторых западных авторов продвигать тезис о «Новом Средневековье» (англ. «Neo-Medievalism»), согласно которому современные национальные государства, подобно державам Европы периода Высокого Средневековья XI–XIV вв., перестанут обладать полным суверенитетом, а лояльность граждан будет принадлежать наднациональным религиозным общностям²⁰⁰.

В противовес «пессимистичным» интерпретациями «Нового Средневековья» Юрген Хабермас сформулировал в 2000-х гг. более «оптимистичную» концепцию устройства постсекулярного общества, которая обрела популярность после террористических атак на США 11 сентября 2001 г., обостривших до предела, по выражению немецкого философа, «напряжённые отношения между секулярным обществом и религией»²⁰¹. Однако Ю. Хабермас, будучи сторонником светских взглядов, через свою концепцию предложил не научное объяснение феномена «религиозного ренессанса», а выдвинул своеобразную программу «спасения» либеральной демократии посредством развития «мировоззренческого плюрализма», который позволил бы по-новому интегрировать верующих в публичное пространство секулярных государств.

Так или иначе, усиление религиозного фактора в мировой политике, начавшееся в последние десятилетия XX в., стало, по выражению Д.А. Узланера, «одной из тех фундаментальных трансформаций, которую прозевали социальные науки, десятилетиями твердившие о неминувости секуляризации и о несовместимости религии с реалиями современного общества»²⁰². Отсюда следует, что *«религиозный ренессанс»* – это исключительно описательный

¹⁹⁹ Чикризова О.С., Лашхия Ю.В. Религиозный фактор в мировой политике международных отношениях // Россия и мусульманский мир. 2022. № 1 (323). – С. 109.

²⁰⁰ Bull Hedley. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. 3rd ed. New York: PALGRAVE, 2002. – 329 p.

²⁰¹ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – С. 117.

²⁰² Узланер Д.А. Религия и политика: неразрывный симбиоз? // Россия в глобальной политике. 2019. № 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (дата обращения: 10.01.2025).

термин, который указывает на совокупность примеров политизации религии в публичном пространстве и роста влияния религиозных институтов на глобальной арене. При этом было бы ошибкой говорить о данном феномене как о гомогенном процессе, т.к. каждый конкретный случай его проявления обладает уникальной спецификой и собственными причинно-следственными связями, если рассматривать конкретные примеры отдельно взятых конфессий и стран.

В силу того факта, что в отечественных и зарубежных школах, занимающихся вопросами взаимодействия религии и политики, долгое время доминировала секулярная точка зрения, описание религиозного фактора в мировой политике без учёта утративших актуальность и даже местами ошибочных подходов представляется практически невозможным. Поэтому в данной работе предлагается анализ «религиозного ренессанса» в качестве феномена, возникшего вследствие кризиса секуляризма как интеллектуальной парадигмы, сформировавшей целый комплекс подходов и теорий, и как политической доктрины, лежащей в основе современной модели политического развития Запада.

Секуляризм как интеллектуальная парадигма

В работе под названием «Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность» (2003 г.) знаменитый саудовский антрополог Талал Асад рассматривает секуляризм как один из элементов модерности наряду с такими явлениями, как конституционализм, моральная автономия, демократия, права человека, гражданское равенство, промышленность, консюмеризм, свобода рыночных отношений и т.д.²⁰³ При этом автор подчёркивает, что все эти «модерные проекты» не существуют вместе как интегрированная общность, но ...

²⁰³ Термины «модерность» и «модерный» являются производным от англоязычных понятий «modernity» и «modern», которые в контексте исторических и социально-политических исследований обозначают Новое время и указывают на принадлежность к этому периоду описываемого предмета.

обеспечивают характерные чувства, эстетику, мораль»²⁰⁴. В самых общих чертах Т. Асад характеризует секулярную практику как «разделение частного разума и общественного принципа», которое является одним из базовых элементов светской государственности западного образца, где «частный разум – это не то же самое, что личное пространство, а разрешение на отличие, иммунитет к воздействию общественного разума»²⁰⁵.

Сам термин «секуляризм» в наиболее близкой к современной его коннотации был введён в широкое употребление в 1851 г. английским публицистом и политическим активистом Джорджем Якобом Холиоком (1817–1906 гг.)²⁰⁶. Примерно с того же момента, как отметил Д.А. Узланер, «секуляризация из узкого политико-юридического или религиозно-канонического превращается во всё более общее понятие, описывающее процесс высвобождения общества из-под влияния религии»²⁰⁷. Можно сказать, что так отделение религии от государства перестало быть исключительно политической практикой Европы, и превратилось в полноценную политико-правовую концепцию, которая оказала непосредственное влияние на процесс модернизации в целом ряде стран.

Что касается секуляризации как философской концепции, то она в своём развитии прошла путь от идей отдельных авторов середины XVIII – первой половины XX вв. до научной парадигмы в период 1960-х гг. На ранних этапах в произведениях европейских интеллектуалов, вроде О. Конта, К. Маркса, Ф. Ницше и пр., имело распространение мысль о том, что «иррациональная» религия, будучи «архаичной» формой общественного сознания, должна «естественным» образом отмереть на фоне социальной модернизации и научно-технического прогресса²⁰⁸. Во многом популярность подобных взглядов была обусловлена утвердившимся в эпоху Просвещения, благодаря произведениям

²⁰⁴ Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность / пер. с англ. Р. Сафронова, науч. ред. В. Золотухин. М.: Новое литературное обозрение, 2020. – С. 28.

²⁰⁵ Там же: С. 20.

²⁰⁶ Holyoake George Jacob. The Origin and Nature of Secularism: Showing That Where Freethought Commonly Ends Secularism Begins. London: Ulan Press, 2012. – P. 50.

²⁰⁷ Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. М.: ВШЭ, 2019. – С. 12.

²⁰⁸ Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации. М.: ИНИОН РАН, 2022. – С. 7.

таких деятелей, как К.А. Гельвеций, А.Р.Ж. Тюрго, Д. Дидро, П.-А. Гольбах, Н. де Кондорсе и др., противопоставлением религии и науки, а также последующим возвышением позитивизма, который, по сути, заменил в западной интеллектуальной парадигме христианский искупительный миф верой во всемогущество рационального знания, основанной на представлениях об эволюционном прогрессивном развитии социума²⁰⁹.

Тем не менее, если на протяжении XVIII–XIX вв. тезис о секуляризации звучал скорее, как политический лозунг, то в первой половине XX в. он стал всё больше обретать нейтральный характер описательного термина. Одним из первых объективную оценку данному явлению попытался дать М. Вебер, представив его в своей работе «Протестантские секты и дух капитализма» (1906 г.) в качестве процесса, привязанного к конкретным месту, времени и контексту условий²¹⁰. Однако полноценно данный подход закрепился в 1960-е гг., когда «секуляризация превратилась в ключевую социологическую проблему» на фоне «грандиозных общественных трансформаций», обусловленных культурной революцией и очередным витком научно-технического прогресса (резкий скачок космических, атомных и коммуникационных технологий)²¹¹. Учёные того времени пытались осмыслить влияние модернизации не только на политику, экономику и культуру, но и на религию. Так, секуляризация получает новые концептуальные обрамления через развитие теории модернизации в середине прошлого века.

Среди основных исследователей секуляризации того периода принято выделять уже упомянутого в предыдущем параграфе Толкотта Парсонса (1902–1979 гг.), Брайана Уилсона (1926–2004 гг.), Томаса Лукмана (1927–2016 гг.) и Питера Бергера (1929–2017 гг.). Конечно, подходы перечисленных авторов различались в теоретико-методологическом и терминологическом плане,

²⁰⁹ Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. М.: ВШЭ, 2019. – С. 14–16.

²¹⁰ Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / сост. С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2006. – С. 190–193.

²¹¹ Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. М.: ВШЭ, 2019. – С. 36.

но всё-таки в них можно обнаружить достаточно общих моментов, чтобы говорить о возникновении определённого «мейнстрима» в теории секуляризации образца 1960-х – 1970-х гг.²¹² *Во-первых*, само слово «секуляризация» перестало быть понятием исключительно политического дискурса и окончательно закрепилось в научном обиходе. *Во-вторых*, исследовательский фокус сосредоточился на современных процессах, а не на историософских и идеологических концептах. *В-третьих*, тезис о «естественном отмирании» религии уступил место идеям о её трансформации. *В-четвёртых*, совокупность авторских мнений оформилась в единый многомерный подход внутри социологического комплекса под влиянием классических теорий модернизации.

Вместе с тем, сложившаяся к 1960-м гг. секулярная парадигма оказалась практически бессильна перед лицом начавшегося на рубеже 1970-х – 1980-х гг. «религиозного ренессанса». Среди основных причин ограниченности её объяснительного потенциала были европоцентричность и влияние теорий модернизации, которые позволяли игнорировать «религиозно обусловленные факты политической жизни или предвзято трактовать их»²¹³. Целый ряд событий того периода, среди которых выделяются, прежде всего, исламистское восстание в Сирии 1976–1982 гг., революция в Иране 1978–1979 г., подъём движения «новых христианских правых» в США во второй половине 1970-х гг., активное участие католической церкви в конфликтах Латинской Америки и деятельности профсоюза «Солидарность» в Польше в период 1980-х гг., опроверг «догму» секулярной теории, поставив вопрос об очередном переосмыслении соотношения политики и религии, где речь шла уже про «обратное влияние религии на политику»²¹⁴.

²¹² Tschannen Olivier. La genèse de l'approche moderne de la sécularisation: une analyse en histoire de la sociologie // Social Compass. 1992. Vol. 39, No. 2. – P. 291–308.

²¹³ Кудряшова И.В. Как изучать взаимодействие религии и политики? // Политическая наука. 2013. № 2. С. 10.

²¹⁴ Узланер Д.А. Религия и политика: неразрывный симбиоз? // Россия в глобальной политике. 2019. № 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (дата обращения: 10.01.2025).

Концепции, построенные вокруг исторического опыта отдельных стран Запада, не могли объяснить растущее влияние религиозного фактора на мировую политику. Как и в случае с марксистско-ленинской идеологией, о чём говорилось в предыдущем параграфе, объективная реальность стала превалировать над теориями модернизации и секулярной парадигмой. Один из крупнейших социологов религии 1960-х гг. – П. Бергер – пересмотрел свои взгляды и констатировал, что «современный (модерный) мир столь же яростно религиозен, как и был всегда, а в некоторых местах даже более, чем когда-либо ещё»²¹⁵. Среди основных уязвимостей теорий модернизации и секуляризации он выделял следующее²¹⁶:

1. неравномерность процесса модернизации, в рамках которой происходит отделение религиозных институтов от государственной власти, что провоцирует в ряде стран «контрсекуляризацию»;
2. секуляризация на уровне государственного механизма не гарантирует секуляризацию индивидуального сознания («разделение частного разума и общественного принципа» по Т. Асаду);
3. искусственное подавление роли религиозных институтов не снижает естественного влияния религиозного мировоззрения и культовой практики, что позволяет религии создавать новые формы социальной организации;
4. старые и новые формы социальной организации различных конфессий могут вовлекать в свою деятельность не только верующих, но и клерикальных атеистов²¹⁷, а также неверующих, разделяющих соответствующие взгляды.

²¹⁵ Berger Peter L. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Peter L. Berger (ed.). Michigan: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1999. – P. 2.

²¹⁶ Ibid.: P. 3.

²¹⁷ **Клерикальный атеизм** – политическая позиция, согласно которой абсолютно необязательно разделять религиозное мировоззрение, чтобы публично одобрять и поддерживать социальную роль религиозных институтов.

Вместе с тем, среди учёных нашлись и защитники секулярной парадигмы. Например, некоторые апологеты марксизма пытались и до сих пор пытаются преподнести «рост религиозности и клерикализации общественной жизни» как «следствие социального кризиса» и «отхода от принципа социальной справедливости», т.е. утраты позиций соответствующей идеологии на мировой арене, оспаривая при этом тезис о глобальном феномене «религиозного ренессанса»²¹⁸.

Подобные заявления, с учётом их явной ангажированности, не выдержали критики, поэтому в период 1990-х гг. на фоне крушения социалистических режимов с присущим их идеологии отношением к религии в Восточной Европе и усилению исламизма на Ближнем Востоке ряд представителей зарубежной социологической школы предпринял попытку обновить и «подкорректировать» теорию секуляризации в соответствии с реалиями постбиполярной эпохи²¹⁹. Одним из ярких представителей данной категории исследователей можно назвать американского социолога испанского происхождения Хосе Казанову. В своей монографии 1994 г. он хоть и признавал факт возвращения «глобальной публичности» религии в сфере международных отношений²²⁰, но всё-таки пытался на конкретных примерах из опыта светских обществ Запада отстоять точку зрения, согласно которой усиление социально-политической роли религиозных институтов не несёт угрозы базовым установкам обществ современного типа и принципам либеральной демократии²²¹.

Позже, в статье 2007 г., Х. Казанова предложил разделять исследования секуляризации на три «смысловых уровня» (упадок верований и культовой практики, «приватизация» религиозной деятельности, размежевание духовных и светских институтов)²²², чтобы избежать полной отмены секулярной

²¹⁸ Сухов А.Д. Марксистская трактовка религии // Философия и общество. – 2014. – № 3 (75). – С. 51.

²¹⁹ Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. М.: ВШЭ, 2019. – С. 132–140.

²²⁰ Casanova José. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. – P. 3.

²²¹ ван дер Веер П. Политическая религия в XXI веке // Ислам в современном мире. 2010. № 3–4 (19–20). – С. 51–52.

²²² Casanova José. Rethinking Secularization: A Global Comparative Perspective // Religion, globalization and culture / Beyer P., Beaman L. (eds.). Leiden: Brill, 2007. – P. 101–120.

теории и сосредоточиться на более детальном рассмотрении аспектов взаимодействия религии и политики на современном этапе. Однако более конструктивным, в рамках данной работы, кажется, выдвинутый бельгийским учёным Карелом Доббелере ещё в 1981 г. вариант с методологическим выделением в процессе секуляризации трёх уровней²²³:

1. *макроуровень* – изменения социально-политической системы;
2. *мезоуровень* – деятельность отдельных религиозных институтов и организаций;
3. *микроуровень* – степень личной религиозности.

Данный подход выгодно отличается тем, что даже за пределами секулярной парадигмы, дифференциация макро-, мезо- и микро-уровней позволяет методологически конкретизировать сферы взаимодействия религии и политики, в которых каждая из трёх компонент религиозного комплекса будет проявляться по-своему. Тем не менее, попытка отстоять тезис о неминуемой секуляризации через утверждение того, что усиление религии на одном из уровней необязательно скажется на общем состоянии светского социума, в рамках структурно-функционального анализа выглядит достаточно сомнительно.

В целом же, подытожить всё выше сказанное можно цитатой из монографии Д.А. Узланера: «История теории секуляризации в очередной раз доказывает, что самые очевидные прогнозы, опирающиеся на самый надёжный анализ, не страхуют от неожиданных поворотов в будущем, сметающих самые убедительные, самые прочные интеллектуальные конструкции»²²⁴. Однако, как уже говорилось, секуляризм является не только интеллектуальной парадигмой, но и политической доктриной, и если в науке его фундаментальные установки подверглись переосмыслению, то в общественном пространстве он по-прежнему остаётся неотъемлемой частью западного универсализма и либеральной демократии, которая, как выразился Т. Асад, выражает два главных

²²³ Dobbelaere Karel. Secularization: A Multi-Dimensional Concept // Current Sociology. 1981. Vol. 29. – P. 11–12.

²²⁴ Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. М.: ВШЭ, 2019. – С. 207–208.

секулярных мифа – «просвещенческий миф» (о политике как о дискурсе общественного сознания) и «революционный миф» (о всеобщем избирательном праве), которые направлены на «сдерживание религиозного пыла» и исключение религиозных институтов из публичной сферы²²⁵.

Секуляризм как политическая доктрина

Становление секуляризма как политической доктрины, являющейся неотъемлемой частью западной модели социально-политического развития, пришлось на начало эпохи модерна и было напрямую связано с европейскими процессами Реформации и Ренессанса. Впервые принцип разделения светских и духовных институтов, возникший вследствие затяжного конфликта между феодальными монархиями и Папским престолом, юридически был закреплён Вестфальским мирным договором 1648 г., положившим конец противостоянию Протестантской унии и Католической лиги 1618–1648 гг. Принято считать, что первая система международных отношений, сформированная на основе Вестфальского мира, базировалась на концепции государственного суверенитета. Однако сама концепция государственного суверенитета, если проследить причинно-следственную связь глубже, была результатом эволюции принципа Аугсбургского религиозного мира 1555 г. «чья земля, того и вера» (лат. «*cuius regio, ejus religio*»)²²⁶, нарушение которого послужило одной из причин Тридцатилетней войны.

Дальнейшее развитие секуляризм в качестве политической доктрины получил в эпоху Просвещения, о чём уже говорилось в предыдущем разделе. Продвижение идей рационализма, светского гуманизма и свободомыслия, включающего свободу совести и вероисповедания, в интеллектуальном дис-

²²⁵ Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность / пер. с англ. Р. Сафронова, науч. ред. В. Золотухин. М.: Новое литературное обозрение, 2020. – С. 93.

²²⁶ Der Augsburger Religionsfriede (25. September 1555) // Deutsche Geschichte in Dokumenten und Bildern (DGDB). URL: https://ghdi.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=4386&language=german (дата обращения: 10.01.2025).

курсе Европы второй половины XVII – начала XIX вв. оказало непосредственное воздействие на трансформацию политического ландшафта Старого Света. Знаменитый британский историк наций и национализма Эрик Хобсбаум (1917–2012 гг.) отмечал в этой связи, что традиционные религии в период Нового времени служили, в одних случаях, инструментом легитимации власти монархических династий, а, в других, средством формирования идентичности наций-государств, противопоставляемых имперским проектам великих держав²²⁷. Так, в XIX в. лояльность человека государству на Западе стала постепенно обретать куда большее значение, чем его принадлежность к наднациональным духовным общностям, по целому ряду причин от утраты прежнего влияния религиозных институтов в системе государственных механизмов и вытеснения религиозного мировоззрения политическими идеологиями до утверждения примата национальных *интересов* над традиционными религиозными *идеалами*²²⁸.

В это же время на уровне общественной мысли и правовых практик стало закрепляться присущее поздним стадиям модерна и современному Западу нивелирование религии до уровня «личных убеждений» через обесценивание сакрального содержания религии в условиях светского общества. На институциональном уровне, как отмечал Х. Казанова, это реализовывалось посредством **трансформации социального пространства** с целью исключения религиозных институтов из политики, экономики, науки и прочих сфер, «**приватизации**» религиозной деятельности и культовых практик индивидом или обособленной группой верующих, а также **снижения значимости религиозного мировоззрения** в идейно-ценностном пространстве²²⁹. Наиболее полно данные принципы реализованы в национальном (англ. *nation-state*) и правовом

²²⁷ Хобсбаум Э. Разломанное время и общество в двадцатом веке / пер. с англ. Н. Охотина. М.: Издательство «АСТ: CORPUS», 2017. – С. 253.

²²⁸ Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. – С. 6.

²²⁹ Casanova José. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. – P. 20–25.

(нем. *Rechtsstaat*) типах государства, формат которых активно насаждался обществам не-Запада сначала через колониальную вестернизацию на рубеже XIX – XX вв., а затем через формальное освобождение зависимых по мандатной системе Лиги Наций территорий в период Интербеллума 1920-х – 1930-х гг. и волны «деколонизации» второй половины XX в., начавшейся по окончании Второй мировой.

Так, в XX в. религия оказалась как бы на обочине основных процессов, определявшихся центробежными силами конфронтации сверхдержав в лице СССР и США, которая происходила не только в геополитическом измерении, но и в идейно-ценностной сфере. В мировой практике того периода, де-факто, доминировали две модели взаимодействия государства с религией:

- 1) Для стран «социалистического лагеря», где атеизм чаще всего был неотъемлемой частью официальной идеологии, секуляризация проявлялась либо в запрете деятельности религиозных организаций, либо в полном их подчинении политической власти.

Например, в СССР, несмотря на идеологические принципы, утверждённые ещё самим В.И. Лениным в статьях «Социализм и религия» (1905 г.) и «Об отношении рабочей партии к религии» (1909 г.)²³⁰, государство, если не считать нескольких крупных антирелигиозных кампаний 1920-х гг. и 1958–1964 гг., занимало де-юре нейтральную позицию по отношению к конфессиям, т.к. статья 124 «Сталинской конституции» 1936 г.²³¹ и статьи 34 и 52 «Брежневской конституции» 1977 г.²³² гарантировали гражданам свободу совести.

²³⁰ Ленин, В.И. Социализм и религия; Об отношении рабочей партии к религии. Ташкент: Узбекистан, 1983. – 28 с.

²³¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Конституция РФ. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/de40175ab12d04d68f792b5b742a18fc/ (дата обращения: 10.01.2025).

²³² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Конституция РФ. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 10.01.2025).

- 2) Для стран «западного блока» наиболее распространённым вариантом был секулярный (светский) тип государственности, в котором, под предлогом принципов свободы совести и вероисповедания, политическая власть занимала нейтральную позицию по отношению к религиозным институтам.

Хотя на Западе имеются примеры конфессиональных государств вроде Великобритании, где правящий монарх, согласно действующему Акту о супрематии от 1559 г., носит титул Защитника веры и Верховного правителя Церкви Англии (англ. *Defender of the Faith and Supreme Governor of the Church of England*)²³³, а «Духовные лорды» (англ. «*Lords Spiritual*»), к составу которых относятся архиепископы Кентерберийский и Йоркский с 24 епархиальными епископами, заседают в Палате лордов Соединённого Королевства²³⁴.

При этом, с точки зрения политической аксиологии, базовые принципы обоих подходов нашли своё отражение в 18-й статье основанного на Всеобщей декларации прав человека Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН от 16 декабря 1966 г. Относительно религии в документе говорится, что *«каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии», «никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору», а любые ограничения в этой сфере допустимы лишь в соответствии с «установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц»*²³⁵.

На текущем этапе Пакт подписан 168 (из 193) государствами-членами ООН, 25 – не присоединились к пакту или оставили его без ратификации. При

²³³ Elizabeth's Supremacy Act, Restoring Ancient Jurisdiction (1559) // Hanover Historical Texts Project. URL: <https://history.hanover.edu/texts/engref/er79.html> (дата обращения: 10.01.2025).

²³⁴ Lords Spiritual // The Church of England in Parliament. London, 2023. URL: <https://churchinparliament.org/about-the-lords-spiritual/> (дата обращения: 10.01.2025).

²³⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах // Организация Объединённых Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

этом среди первых и вторых можно назвать более 40 стран, где на законодательном уровне закреплено привилегированное положение или государственный статус определённой конфессии. В частности, к числу неприсоединившихся сегодня относятся Антигуа и Барбуда, Бруней-Даруссалам, Бутан, Ватикан, Гренада, Кирибати, Малайзия, Мьянма, ОАЭ, Оман, Сент-Китс и Невис, Сингапур, Соломоновы Острова, Тайвань, Тонга, Тувалу, Федеративные Штаты Микронезии, Южный Судан и, что особенно важно в рамках данного исследования, Саудовская Аравия²³⁶.

В условиях биполярной системы международных отношений конкуренция идеологий двух сверхдержав – либерализма и социализма – перетягивала основное внимание на себя, что снимало с первоочередной повестки вопрос о секуляризме «по умолчанию». После же распада СССР в 1991 г., который также символизировал фактическое поражение социализма как глобального проекта, в идеологическом пространстве мировой политики возник определённый вакуум. Деление на «социалистический лагерь» и «западный блок» с присущими им ценностями и нарративами утратило свою актуальность. Многие государства в поиске новых ориентиров стали обращаться к традиционным ценностям, основными носителями которых являются этническая культура и религия.

С выходом мировой политики на постбиполярный этап феномен «религиозного ренессанса», возникший на рубеже 1970-х – 1980-х гг., получил мощный импульс к дальнейшему развитию, превратившись в одну из неотъемлемых черт глобализации. Однако утверждать, что насаждение западной социально-политической и культурной модели началось только в этот период, практически невозможно, т.к. современная «вестернизация», с учётом исторической динамики, является продолжением схожего процесса эпохи колониализма²³⁷.

²³⁶ Там же: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

²³⁷ Гранин Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Свободная мысль. 2013. № 1 (1637). – С. 53–54.

С середины XVII в. до рубежа XIX–XX вв. основными проводниками модернизации по западному образцу выступали Англия и Франция, владевшие в тот период большей частью афро-азиатского пространства. Однако к середине XX в. расстановка сил на Западе стала меняться, и место политического ядра евро-атлантического сообщества заняли США, которые после распада СССР стали претендовать уже и на роль мирового гегемона. В качестве практического воплощения такой категории, как «коллективный Запад» в данном контексте, с учётом военно-политического характера блока, можно рассматривать НАТО. Недаром Самюэль Хантингтон (1927–2008 гг.) отмечал особый вклад Североатлантического альянса в «кристаллизацию общезападного культурного ядра» в первые годы после «холодной войны»²³⁸. Во многом доминирующее положение ведущих государств Запада во главе с США на мировой арене стало возможным благодаря наличию у них единого концептуального базиса, включающего не только либерально-демократические ценности, но и секуляризм, являющийся одним из их фундаментальных принципов.

Здесь важно отметить, что в основе правовой базы современной системы международных отношений лежат идеалистические концепции модерна. Например, 18-ая статья Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), гласящая, что *«каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии»,* включающей *«свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов»*²³⁹, является прямым отражением секулярной практики «разделения частного разума и общественного принципа»²⁴⁰. При этом попросту игнорируется целый ряд религий, где вероотступничество и нарушение постулатов учения расценивается не только как грех, но и как

²³⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2021. – С. 550–551.

²³⁹ Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁴⁰ Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модернизм / пер. с англ. Р. Сафронова, науч. ред. В. Золотухин. М.: Новое литературное обозрение, 2020. – С. 20.

прямое преступление против общины. Подобные нюансы позволяют говорить о наличии в системе международного права проблемы культурного релятивизма, т.к. претензия на «универсальность» вступает в прямое противоречие с цивилизационным разнообразием народов мира²⁴¹.

На современном этапе западоцентричная интерпретация базовых принципов международного права позволяет евро-атлантическому сообществу претендовать и на универсальность насаждаемой им посредством глобализации либерально-демократической модели развития. Примечательно, что это происходит под абстрактными предложениями «миротворчества», служащего обоснованием для участия в конфликтах за пределами зоны стратегической ответственности НАТО²⁴², и «продвижения демократических ценностей»²⁴³, оправдывающего вмешательство членов Альянса во внутренние дела независимых государств. Под удар здесь попадают, прежде всего, страны, относящиеся к собирательной категории «Восток», т.к. в современных геополитических реалиях они, в силу цивилизационного разнообразия афро-азиатского пространства, неспособны создать полноценный «противовес» хорошо организованному евро-атлантическому сообществу.

«Восток», в отличие от Запада, на мировой арене представлен не единым военно-политическим блоком, а целым множеством организаций, которые можно условно разделить на три категории:

1. *региональные организации* – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), Союз арабского Магриба (САМ), Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) и т.д.;
2. *международные организации* – Африканский союз, Лига арабских государств (ЛАГ), Организация тюркских государств и др.;

²⁴¹ Donnelly Jack. Cultural Relativism and Universal Human Rights // Human Rights Quarterly. 1984. Vol. 6, No. 4. – P. 401.

²⁴² Шамаров П.В. Модель трансатлантического миротворчества НАТО // Обозреватель-Observer. 2019. № 11 (358). – С. 27–28.

²⁴³ WHAT IS NATO? Basic Points: A Political and Military Alliance. Brussels, 2023. URL: <https://www.nato.int/nato-welcome/index.html> (дата обращения: 10.01.2025).

3. *религиозные организации* – Африканское мусульманское агентство (АМА), Ближневосточный совет церквей, Всемирная исламская лига, Всемирная ассамблея по сближению исламских *мазхабов*, Организация исламского сотрудничества (ОИС) и пр.

Нетрудно заметить, что международные организации стран «Востока» репрезентуют совершенно разные этноконфессиональные ареалы и общности, которые, как верно подчеркнуто в монографии под редакцией Д.В. Стрельцова, «нередко накладываются друг на друга в рамках одного региона и даже одной страны»²⁴⁴.

Такая разбалансировка сил в условиях постбиполярной глобализации оказывает непосредственное влияние на стабильность стран не-Запада и региональную безопасность афро-азиатского пространства. Основные очаги напряжённости современности охватили обширные территории от Северной Африки и Ближнего Востока до Закавказья и Центральной Азии, что, по словам Секретаря Совета безопасности РФ Н.П. Патрушева, является «прямым следствием авантюр и попыток отдельных игроков взять на себя роль регионального, а нередко и мирового арбитра»²⁴⁵. Очевидно, что под «отдельными игроками» здесь подразумевались США с их ближайшими союзниками, о чём свидетельствуют примеры из новейшей истории таких стран, как Ирак, получившего в наследство от вторжения 2003 г. клеймо недееспособного государства, Афганистан, где по окончании 20-летней оккупации к власти вернулось исламистское движение «Талибан»²⁴⁶, Ливия, оказавшейся в результате интер-

²⁴⁴ Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – С. 5.

²⁴⁵ Патрушев назвал военные конфликты в мире следствием авантюр других стран // ТАСС. 24.04.2019. URL: <https://tass.ru/politika/6369202> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁴⁶ Движение запрещено в РФ [Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // ФСБ РФ. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 10.01.2025)].

венции 2011 г. в состоянии двоевластия, и Сирии, которая после вмешательства американской коалиции 2014 г. лишилась контроля над частью своей территории²⁴⁷.

Всё это оказало прямое влияние на динамику процессов «религиозного ренессанса», т.к. «динамика политизации религии во многом подчиняется логике напряжения, существующего между глобализацией и принципом национального суверенитета»²⁴⁸. *Во-первых*, дестабилизация целого ряда стран Мусульманского Востока создаёт благодатную почву для негосударственных исламистских формирований как «умеренного», так и радикального толка. *Во-вторых*, навязывание либерально-демократических стандартов мотивирует государства не-Запада обращаться к традиционным ценностям, основными носителями которой являются этническая культура и религия, с целью укрепления собственной идентичности, а также концептуального обоснования национальных интересов. *В-третьих*, кооперация таких государств на международной арене значительно повышает значимость конфессиональных организаций, которые, по мнению некоторых исследователей, следует считать основными религиозными субъектами мировой политики наших дней²⁴⁹.

В целом, подводя итог всему сказанному выше, можно сказать, что «религиозный ренессанс» свидетельствует не только о ломке секулярной доктрины на уровне существующего миропорядка, но и о кризисе западного универсализма. Навязываемая извне при помощи интерпретированных определённым образом стандартов международного права, а в некоторых случаях посредством прямого вмешательства во внутренние дела, либерализация религиозного законодательства ведёт к ослаблению связи конфессиональных групп с их традиционной территориальной принадлежностью, т.е. к **деконфессии** и **детерриториализации**, что выражается в двух тенденциях.

²⁴⁷ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идеино-ценностное измерение мировой политики и дихотомия Восток–Запад // Свободная мысль. 2022. № 3 (1693). – С. 116.

²⁴⁸ Узланер Д.А. Религия и политика: неразрывный симбиоз? // Россия в глобальной политике. 2019. № 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁴⁹ Чикризова О.С., Лашхия Ю.В. Религиозный фактор в мировой политике международных отношениях // Россия и мусульманский мир. 2022. № 1 (323). – С. 115.

С одной стороны, религия всё больше укрепляет свои позиции в глобальных процессах, т.к. международные религиозные структуры начинают ощутимо влиять не только на мировоззрение, но и на социально-политическую модель поведения своих последователей через формирование наднациональных идентичностей, как это было до эпохи модерна²⁵⁰. С другой же стороны, усиление религии на мировой арене сказывается и на политике отдельных государств, делая контроль над деятельностью конфессий важным аспектом реализации интересов на внешнем направлении и обеспечения национальной безопасности, что в современном научном дискурсе называется «секьюритизацией религии»²⁵¹.

Данные тенденции чётко прослеживаются на «Востоке», который, в отличие от стран Запада, имевших в своей истории длительный период секулярного развития, шёл, несмотря на попытки колониальной вестернизации XIX–XX вв., по совершенно иному пути эволюции социально-политических систем, и этноконфессиональный фактор играл в них колоссальную роль на всех этапах. Конечно, некоторые элементы секуляризма были введены в государственно-правовое устройство таких незападных стран, как Индия, Япония и Турция, что было обусловлено вынужденным курсом «догоняющей модернизации»²⁵², но, в силу культурной неоднородности «Востока», говорить здесь о каких-то общих закономерностях практически невозможно. Например, те же Индия и Турция, как и большинство государств афро-азиатского пространства, на культурной карте мира Инглхарта–Вельцеля находятся в числе наиболее консервативных и приверженных традиционным ценностям стран²⁵³.

²⁵⁰ Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. – С. 5.

²⁵¹ Узланер Д.А. Религия и политика: неразрывный симбиоз? // Россия в глобальной политике. 2019. № 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁵² Яковлев А.И. Цивилизационное измерение мировой политики: проблемы и возможности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 4. – С. 14.

²⁵³ Inglehart–Welzel Cultural Map: Findings and Insights // World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp> (дата обращения: 10.01.2025).

Один из крупнейших теоретиков глобализации и президент Ассоциации социологии религии Питтсбургского университета Роланд Робертсон (1938–2022 гг.) отмечал, что «религиозный ренессанс», будучи реакцией на восприятие через глобалистско-универсалистскую призму мира как «единого целого», в каждом отдельном случае проявляется по-разному и обладает уникальной спецификой²⁵⁴. Наиболее ярко всё это иллюстрирует пример «исламского мира», который мощно отреагировал на принудительную секуляризацию *изнутри* и насаждение свойственных ей ценностей *извне*, о чём свидетельствует не только взрыв т.н. «фундаментализма» в период 1990-х – 2000-х гг., но и постоянное усиление религиозного фактора в политическом курсе целого ряда государств современного Постсоветского, Среднего и Ближнего Востока, к числу которых относится и Саудовская Аравия.

1.3. Ислам как элемент международных отношений

Как следует из заключения предыдущего параграфа, в контексте феномена «религиозного ренессанса» из всех существующих на современном этапе вероучений наиболее ярко проявляет себя ислам. Особую роль исламского фактора в глобальных и региональных процессах отечественные специалисты отмечали ещё в начале 1980-х гг., называя его «третьей силой» в противостоянии «буржуазной идеологии» США и «научного коммунизма» СССР²⁵⁵. Ближе к концу того же десятилетия зарубежные исследователи начали писать об «исламском пробуждении» (англ. *Islamic Revival, Islamic Resurgence*) как о неотъемлемой части грядущей глобализации постбиполярной эпохи²⁵⁶. В наше же время в контексте мировой политики принято говорить уже о феномене «исламского мира», который, по выражению почётного профессора МГИМО

²⁵⁴ Robertson Roland. Globalization Theory and Civilization Analysis // Comparative Civilizations Review. 1987. Vol. 17, No. 17. – P. 22.

²⁵⁵ Меркулов К.А. Ислам в мировой политике и международных отношениях. М.: «Международные отношения», 1982. – С. 5.

²⁵⁶ Jeffrey A., Shad Jr. Globalization and Islamic Resurgence // Comparative Civilizations Review. 1988. Vol. 19, No. 19. – P. 67–78.

Ю.А. Булатова, «приобретает всё более зримые очертания» в системе международных отношений²⁵⁷.

Некоторые представители научного и экспертно-аналитического сообщества склонны объяснять рост значимости ислама на глобальной арене исключительно через демографические показатели, т.к. изменения в численности основных религиозных общностей, по их мнению, оказывают первоочередное влияние на трансформацию конфессиональной динамики в контексте международных отношений²⁵⁸. Так, например, по данным двух докладов 2011 и 2015 гг. одной из крупнейших американских социологических организаций Pew Research Center складывается следующая картина: в процентном соотношении среднегодовой темп прироста в мусульманских общинах составляет 1,5% против совокупных 0,7% всех остальных религиозных групп²⁵⁹, и если показатели сохраняться на таком же уровне, то к 2050 г. мусульмане будут составлять, по приблизительным подсчётам, уже не 23% (примерно 1,6 млрд человек), как это было в 2010 г., а 30% (около 2,8 млрд человек) от всего населения Земли²⁶⁰.

Количественные показатели, конечно же, важны, но в контексте исследований религии и политики статистика скорее всё-таки просто подтверждает факты, а не раскрывает их суть и не указывает на причины. Поэтому, с учётом трёхчастной структуры религиозного комплекса, в данном параграфе предлагается рассмотрение исламского фактора в международных отношениях через анализ содержания и внутренней конфигурации такой категории, как «исламский мир» и процесса «исламского пробуждения», который большинство специалистов по теме расценивают в качестве отправной точки рассуждений о

²⁵⁷ Ислам в мировой политике в начале XXI века / под. ред. Л.М. Ефимовой и М.А. Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 5–6.

²⁵⁸ Боришполец, К.П. Религиозный фактор в международных отношениях: амальгама ценностей, интересов и политических приоритетов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 3. – С. 64.

²⁵⁹ The Future of the Global Muslim Population (2011) // The Pew Research Center. URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/the-future-of-the-global-muslim-population/> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁶⁰ The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050 (2015) // The Pew Research Center. URL: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (дата обращения: 10.01.2025).

феномене «религиозного ренессанса» и одного из поворотных моментов в формировании современного политического ландшафта Ближнего Востока.

«Исламское пробуждение» и региональные процессы Ближнего Востока

«Исламское пробуждение» (араб. *الصحوۃ الإسلامية*) – достаточно широкое понятие, которое, в зависимости от контекста, может относиться как к определённому спектру религиозных концепций, так и к целому ряду периодов в истории отдельных стран Мусульманского Востока. Зачастую в качестве синонима используется такая категория, как «исламский ренессанс», что является серьёзным упущением, т.к. данный термин был введён в научный оборот швейцарским востоковедом Адамом Мецем (1896–1917 гг.) в одноимённой книге «Die Renaissance des Islams» для обозначения конкретного этапа развития культуры арабского халифата в IX–X вв.²⁶¹ Вместе с тем, понятие «исламское пробуждение» тесно связано с периодом культурных преобразований на Арабском Востоке в XIX – начале XX вв., который вошёл в историю под названием ан-Нахда (араб. *النهضة*). В частности, именно на это время пришлась активная деятельность центральных фигур «исламского модернизма» – Джамаль ад-Дина аль-Афгани (1838–1897 гг.), Мухаммада Абдо (1849–1905 гг.) и Рашида Рида (1865–1935 гг.), чьи труды, во многом, определили вектор развития политического ислама в XX–XXI вв.²⁶²

Так или иначе, в контексте современных социально-политических процессов под «исламским пробуждением» чаще всего понимается, как указал американский исследователь Айра М. Лапидус, процессы политизации ислама и исламизации политики, начавшихся со второй половины XX в. вследствие проблем, сопровождавших попытки создания на Ближнем и Среднем Востоке

²⁶¹ Мец А. Мусульманский Ренессанс / пер. с нем., предисл., библиогр. и указатель Д.Е. Бертельса, отв. ред. В.И. Беляев. М.: «Наука», 1973. – С. 3–5.

²⁶² Sedgwick Mark. Muhammad Abduh: A Biography. Cairo: The American University in Cairo Press, 2009. – P. 122–125.

светских (секулярных) национальных государств западного образца²⁶³. В отечественной историографии одним из первых обратил внимание на этот феномен Е.М. Примаков. В своей статье 1985 г. ««Исламский бум»: проблемы и уроки» он отмечал, что резко возросшее в конце 1970-х гг. влияние ислама на развитие политических процессов стран Азии и Африки будет иметь долгосрочный и «неоднозначный» характер, т.к. «диалектическое взаимодействие» религии и политики на Мусульманском Востоке содержит в себе как негативные, так и позитивные элементы²⁶⁴.

Что касается мировой политики, то в качестве нижней хронологической границы «исламского пробуждения» принято рассматривать 1979 г., что напрямую связано с региональными процессами Ближнего и Среднего Востока. Именно в этот год произошли два знаковых события – Исламская революция в Иране, которая сделала религиозный фактор, по выражению А.И. Яковлева, «очевидностью для мирового сообщества»²⁶⁵, и захват группой фанатиков-махдистов комплекса Мечети аль-Харам в Саудовской Аравии, впервые столкнувшейся со столь мощным проявлением радикального салафизма на фоне проводившейся модернизации государственного аппарата²⁶⁶. Провозглашение Исламской Республики и реконфигурация саудовской политики после теракта в Мекке стали отправной точкой для т.н. «суннитско-шиитского конфликта», который, на самом деле, представлял собой геополитическую и идеологическую конфронтацию Ирана и Саудовской Аравии, претендовавших на роль регионального лидера и транслировавших «исламскому миру» две различные модели развития – шиитской республики и суннитской монархии.

²⁶³ Lapidus Ira M. A History of Islamic societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 521–523.

²⁶⁴ Примаков Е.М. «Исламский бум»: проблемы и урока // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. 1985. Вып. 3, ч. I. – С. 12–22.

²⁶⁵ Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. – С. 11.

²⁶⁶ Яковлев А.И. Ислам и капиталистическая модернизация Саудовской Аравии // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. 1985. Вып. 3, ч. I. – С. 132.

Примечательно, что на тот же год пришлось начало Афганской войны 1979–1989 гг., которая стала своеобразным «тренировочным лагерем» для религиозно мотивированных радикалов со всего Мусульманского Востока. Конечно, исламисты активно участвовали во внутренних процессах Афганистана ещё до свержения режима Хафизуллы Амина 27 декабря 1979 г. Как минимум, здесь можно упомянуть июль 1975 г., когда «Братья-мусульмане»²⁶⁷ и «Мусульманская молодёжь» организовали крупный антиправительственный мятеж в ряде северо-восточных районов страны²⁶⁸. Однако ключевую роль в ходе войны сыграло движение моджахедов, из кластеров которого позже сформировались определившие облик современного международного терроризма «Талибан» и «Аль-Каида»²⁶⁹. Недаром, как отметил выдающийся отечественный исламовед А.А. Игнатенко, афганскую войну впоследствии называли «матерью джихадов»²⁷⁰.

Следует отметить, что на фоне афганского конфликта радикализация настроений среди исламистов отмечалась и в арабских странах. В 1980-х гг. «Братья-мусульмане» всё больше наращивали свою активность в Египте, Сирии и Иордании²⁷¹. Знаковым событием стало убийство Анвара Садата во время военного парада 6 октября 1981 г. Организаторы теракта, состоявшие в близких к «Братьям» группировках «Ат-Такфир уа-ль-Хиджра», «Аль-Гамаа аль-Исламия», «Египетский исламский джихад»²⁷², заявили, что покушение планировалось как месть за египетско-израильский мирный договор 1979 г. и

²⁶⁷ Движение запрещено в РФ [Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // ФСБ РФ. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 10.01.2025)].

²⁶⁸ Коргун В.Г. Исламская контрреволюция в Афганистане // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. 1985. Вып. 3, ч. I. – С. 195–196.

²⁶⁹ Организация запрещена в РФ [Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // ФСБ РФ. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 10.01.2025)].

²⁷⁰ Игнатенко А.А. Ислам и политика: сборник статей. М.: Институт религии и политики, 2004. – С. 96.

²⁷¹ Wiktorowicz Quintan. The Management of Islamic Activism: Salafis, the Muslim Brotherhood, and State Power in Jordan. New York: State University of New York Press, 2001. – P. 21–25.

²⁷² Организации запрещены в РФ [Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // ФСБ РФ. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 10.01.2025)].

«противление созданию единого арабского государства» со стороны руководства АРЕ²⁷³. Хотя в ходе судебного заседания 1981 г., как отмечено в монографии Л.И. Медведко и А.В. Германовича, обвиняемые в убийстве президента скандировали чисто исламистские лозунги: «Мы совершили это ради религии! Ради неё мы жили! Ради неё мы ведём священную войну!»²⁷⁴.

Тот факт, что А. Садат был убит на пике своей непопулярности, свидетельствовал, несмотря на заявления террористов, об ослаблении позиций панарабизма в идеологическом ландшафте Ближнего Востока. Многие движения и организации стали отворачиваться от «морально устаревшего» арабского национализма в сторону религиозных концепций. В частности, в 1987 г. в Палестине в противовес ФАТХ, начавшему к тому времени склоняться к отказу от методов вооружённой борьбы, были созданы ХАМАС и «Движение исламского джихада», которые, сохраняя на уровне публичной риторики верность «общеарабскому делу», всё-таки опирались при формировании своей идеологии на принципы политического ислама²⁷⁵.

Подобные тенденции определили вектор развития общественно-политической мысли Мусульманского Востока в период 1990-х гг. Именно в этот период, по выражению Айры М. Лapidус, возник «широкий набор движений, как нетерпимых и замкнутых, так и плюралистических; как благосклонных к науке, так и антинаучных; как религиозных в своей основе, так и политических; как демократических, так и авторитарных; как мирных, так и воинственных»²⁷⁶. Тем не менее, несмотря на разнообразие идеологического спектра, к 2000-м гг. пальма первенства оказалась в руках радикальных джихадистов. Последствия террористических атак на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г., ответственность за которые американское руководство возложило на

²⁷³ Убийца Садата выпущен на свободу // BBC. 09.09.2003. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/news/newsid_3147000/3147800.stm (дата обращения: 10.01.2025).

²⁷⁴ Медведко Л.И., Германович А.В. Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики. М.: Политиздат, 1988. – С. 104.

²⁷⁵ Останин-Головня В.Д. Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 2. – С. 213.

²⁷⁶ Lapidus Ira M. A History of Islamic societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 823.

«Аль-Каиду» и «Талибан», возымели поистине мировой масштаб. Конечно, в современной истории России 1990-е и 2000-е гг. также были омрачены серией трагических эпизодов, связанных с подъёмом исламистского экстремизма на Северном Кавказе и в Средней Азии, но в числе глобальных трендов борьба с международным терроризмом вошла лишь после начала операции «Несокрушимая свобода» 2001–2014 гг. и вторжения США в Ирак 2003 г.²⁷⁷

Отдельно здесь следует отметить концептуальный аспект трансформации американской политики на Ближнем Востоке. Если в биполярный период присутствие США в регионе оправдывалось заявленной в Доктрине Эйзенхауэра 1957 г. необходимостью «обеспечивать и защищать территориальную целостность и политическую независимость таких стран, запрашивая такую помощь против открытой вооруженной агрессии со стороны любой страны, контролируемой **международным коммунизмом**»²⁷⁸, то после распада СССР на замену «красной угрозе» пришла концепция «войны против **международного терроризма**», которую впервые озвучил Джордж Буш-младший в послании к нации от 11 сентября 2001 г.²⁷⁹ При этом модель поведения Вашингтона в этой «войне» стала определяться т.н. «Доктриной Чейни» или «Доктриной одного процента», сформулированной на брифинге ЦРУ вице-президентом Диком Чейни в ноябре того же года и предполагавшей любые действия против террористов со стороны американских спецслужб в ответ на «события с низкой вероятностью и высокими последствиями»²⁸⁰.

²⁷⁷ Игнатенко А.А. Ислам и политика: сборник статей. М.: Институт религии и политики, 2004. – С. 148–149.

²⁷⁸ The Eisenhower Doctrine, 1957 // The Office of the Historian of the U.S. Department of State. – URL: <https://history.state.gov/milestones/1953-1960/eisenhower-doctrine> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁷⁹ George W. Bush: 9/11 Address to the Nation // American Rhetoric. – URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbush911addresstothenation.htm> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁸⁰ Suskind Ron. The One Percent Doctrine: Deep Inside America's Pursuit of Its Enemies Since 9/11. New York: Simon & Schuster, 2007. – 400 p.

Так или иначе, следующей вехой «исламского пробуждения» стали события «арабской весны» 2010-х гг., спровоцировавших череду массовых волнений, государственных переворотов и гражданских войн²⁸¹. *С одной стороны*, в этот период джихадистские движения достигли пика своего развития: боевики «Исламского государства»²⁸², в отличие от своих предшественников, перешли к территориальной экспансии и к 2015 г. сумели взять под контроль значительные территории в Сирии, Ираке, некоторых частях Африки и на Филиппинах. *С другой же стороны*, очевидным стал весь масштаб угрозы, которую несла деятельность организаций, причисляемых рядом государств к категории т.н. «умеренных» исламистов²⁸³.

Крайне показательным эпизодом стал захват власти в Египте «Братьями-мусульманами» на волне революции 2011–2013 гг. и последовавшая за этим победа Мухаммада Мурси на президентских выборах 2012 г. Эти события фактически подтвердили выдвинутый американским исследователем Даниэлем Пайпсом ещё в 2009 г. тезис о том, что стратегия «исламизм 2.0», ориентированная на «работу через систему» ради завоевания общественного мнения, может оказаться куда опаснее террористических практик и гораздо эффективнее вооружённой борьбы против государства, когда речь идёт о захвате и удержании власти²⁸⁴.

В этом контексте особый интерес вызывает тот факт, что многие активисты, стоявшие во главе массовых протестов 2010-х гг. в Тунисе и Египте, стажировались на семинарах Международного центра по ненасильственным конфликтам (ICNC – International Center on Nonviolent Conflict), основанного

²⁸¹ Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М.: ЛЕНАНД, 2017. – С. 6–9.

²⁸² **Организация запрещена в РФ** [Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // ФСБ РФ. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 10.01.2025)].

²⁸³ Останин-Головня В.Д. Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 2. – С. 214.

²⁸⁴ Pipes Daniel. Lion's Den: Islamism 2.0 – an even greater threat // The Jerusalem Post. 24.11.2009. – URL: <https://www.jpost.com/opinion/lions-den-islamism-20-an-even-greater-threat> (дата обращения: 10.01.2025).

близким к Белому Дому медиа-менеджером Джеком ДюВаллем и крупным инвестором Питером Аккерманом в 2002 г. со штаб-квартирой в Вашингтоне с целью «продвижения изучения и практики ненасильственного гражданского сопротивления для достижения прав, свобод и справедливости во всем мире»²⁸⁵. Позже некоторые из этих активистов публично заявляли, что занимались переводом на арабский язык и распространением эссе «От диктатуры к демократии» (1993 г.) одиозного идеолога «цветных революций» Джина Шарпа²⁸⁶.

Во многом, именно такое слияние методов современного либерального протеста с идеологией и человеческими ресурсами «умеренных» исламистов стало залогом успеха движений вроде «Братьев-мусульман» в ходе «арабской весны». Прямая поддержка со стороны Запада также играет представителям «исламизма 2.0» на руку. Например, возобновление официальных контактов между США и «Братьями» 29 июня 2011 г. обеспечило последним необходимую международную поддержку со стороны евро-атлантического сообщества²⁸⁷, а прямое и опосредованное содействие таких НПО, как Amnesty International, Human Rights Watch, Council on American-Islamic Relations и пр., позволяет им избегать статуса террористической организации в западных странах, где они стараются поддерживать имидж «борцов за свободу и права человека»²⁸⁸.

Подводя итог, можно сказать, что в контексте международных отношений и региональных процессов Ближнего Востока «исламское пробуждение»

²⁸⁵ Impact // International Center on Nonviolent Conflict (ICNC). Washington, D.C., 2023. – URL: <https://www.non-violent-conflict.org/impact/> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁸⁶ Stolberg, S.G. Shy U.S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution / S.G. Stolberg // The New York Times. 16.02.2011. – URL: https://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&page-wanted=all (дата обращения: 10.01.2025).

²⁸⁷ Egypt's Muslim Brotherhood Welcomes Idea of U.S. Contacts // Haaretz. 30.06.2011. – URL: <https://www.haaretz.com/2011-06-30/ty-article/egypts-muslim-brotherhood-welcomes-idea-of-u-s-contacts/0000017f-db3e-db5a-a57f-db7ef91d0000> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁸⁸ Mathias Christopher. Muslim Brotherhood Terror Designation Will Lead to 'Witch-Hunt,' Rights Groups Say // The Huffington Post. 24.02.2017. – URL: https://www.huffpost.com/entry/muslim-brotherhood-terror-designation-letter_n_58b03effe4b0780bac28758b (дата обращения: 10.01.2025).

следует расценивать как развивающийся процесс, который не только вписывается в общую логику глобального феномена «религиозного ренессанса», но и во многом определяет его специфику. При этом внутри данного процесса, с учётом динамики его развития, чётко прослеживаются три этапа²⁸⁹:

1. **1970-е – 1980-е гг.** – актуализация исламского фактора на уровне государственной политики стран Ближнего Востока и обострение суннитско-шиитских противоречий на фоне конфронтации Саудовской Аравии и Ирана;
2. **1990-е – 2000-е гг.** – резкий всплеск исламистского экстремизма и обострение проблемы международного терроризма, апофеозом которого стали теракты 11 сентября 2001 г. в США;
3. **2010-е – 2020-е гг.** – оформление «исламизма 2.0» и участие исламистских движений в «цветных революциях» и протестах «арабской весны».

Для первых двух этапов были характерны параллельные процессы *«исламизации сверху»* (использование исламского фактора в политике правящими кругами мусульманских стран) и *«исламизации снизу»* (политизация религии оппозиционными и антисистемными мусульманскими движениями в своих целях)²⁹⁰. Что касается периода 2010-х – 2020-х гг., то возникновение *«исламизма 2.0»* стало результатом сотрудничества ряда исламистских организаций с западными НПО и правительствами, а также фактической легитимации их деятельности в ряде государств Мусульманского Востока, как это произошло с «Братьями-мусульманами», нашедшими после «арабской весны» прибежище в Турции и Катаре. При этом следует отметить, что специфика каждого из трёх этапов «исламского пробуждения» сохраняет свою актуальность по сей день и продолжает воздействовать на социально-политическое развитие

²⁸⁹ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идеино-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: этноконфессиональный фактор и проблема экстремизма // Вестник Российской нации. 2022. № 6 (88). – С. 75.

²⁹⁰ Современный ислам: проблемы политики и идеологии / под ред. Е.М. Примакова. – М.: ИВ АН СССР, 1985. – С. 3.

стран Ближнего Востока как на институциональном уровне, так и в идеологическом пространстве.

«Исламский мир» в глобальных процессах и международных отношениях

Категория «исламский мир» в научном дискурсе носит весьма неоднозначный характер. Некоторые востоковеды и исламоведы указывают, что, в силу внутренней сложности вероучения, на которую накладывается региональная и страновая специфика, обусловленная разнообразием этнических культур мусульманских общин, говорить о некой общности ислама на современном этапе некорректно. Сегодня мусульмане, если не брать в расчёт многочисленные диаспоры практически во всех частях мира, проживают на обширных просторах от Северной Африки до Юго-Восточной Азии, к их числу принадлежит несколько десятков этносов, а сама религия разделяется не только на суннитскую и шиитскую ветви, которые, но и нам многочисленные течения и богословско-правовые школы (*мазхабы*)²⁹¹.

Тем не менее, в рамках общественно-политического дискурса и цивилизационного подхода, понятие «исламский мир» является устоявшимся. Обособление стран по культурному и религиозному признакам, в частности – исламской или арабо-мусульманской цивилизации, встречается в трудах многих выдающихся мыслителей и учёных от Н.Я. Данилевского («новосемитический (аравийский) культурно-исторический тип»)²⁹² и К.Н. Леонтьева²⁹³ до О. Шпенглера («арабская культура»)²⁹⁴ и А.Дж. Тойнби («арабское общество (исламский мир)»)²⁹⁵. Также особое внимание исламу в своей знаковой работе уделял С. Хантингтон²⁹⁶, который адаптировал, хоть и в сильно упрощённой

²⁹¹ Atlas of the World's Religions / Ninian Smart (ed.). New York: Oxford University Press, 1999. – P. 192–195.

²⁹² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

²⁹³ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М.: Академический проект, 2017. – 503 с.

²⁹⁴ Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. И.И. Махианкова. М.: «АЛЬФА-КНИГА», 2017. – 1085 с.

²⁹⁵ Toynbee Arnold. A Study of History. New York: Gramercy, 1989. – 576 p.

²⁹⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2021. – 640 с.

форме, базовые концепции цивилизационного подхода к исследованиям международных отношений и реалиям постбиполярной эпохи. Конечно, в контексте изучения современных глобальных и региональных процессов, деление государств на цивилизации (или культурно-исторические типы), по признанию самого Хантингтона, носит «каузальный» характер, т.к. любое обобщение макро-уровня не позволяет учитывать специфику тех или иных явлений в полной мере, но компаративный анализ в подобных масштабах, тем не менее, позволяет выявить фундаментальные различия и ключевые тенденции в развитии субъектов мировой политики²⁹⁷.

Зачастую такой подход подвергается обструкции со стороны приверженцев постколониальной теории, утверждающих, что категория «исламский мир», равно как и «Восток», является конструктом западной мысли и ярким примером т.н. «воображаемой географии». «Воображаемые географии» – выдвинутая американским историком литературы арабского происхождения Эдвардом Вади Саидом в резонансной книге 1978 г. концепция, согласно которой восприятие пространства через «большие культурно-религиозные общности» было сформировано колониальной традицией ориентализма на основе «суммативных заявлений» (англ. summational statements)²⁹⁸. Взгляды Э.В. Саида подвергли критике многие крупные востоковеды. В частности, один из крупнейших исламоведов Бернارد Льюис указывал на поверхностный анализ источников, непоследовательность изложения и общую ангажированность произведения²⁹⁹. Известный арабист Роберт Ирвин, в свою очередь, отмечал, что Саид оставил без внимания востоковедческие школы России и Германии, а отрицание «схематизации и кодификации как метода познания» объяснял иррациональностью его рассуждений³⁰⁰.

²⁹⁷ Там же: С. 27.

²⁹⁸ Said Edward W. Orientalism. New York: Vintage Books Edition, 1979. – P. 232–233.

²⁹⁹ Lewis Bernard. The Question of Orientalism // The New York Review of Books. 1982. – URL: <https://archive.org/details/LewisBernardTheQuestionOfOrientalism/mode/1up> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁰⁰ Irwin Robert. For Lust of Knowing: The Orientalists and their Enemies. London: Penguin, 2006. – P. 298–299.

Также в защиту научного применения такой категории, как «исламский мир», последовательно выступает немецкий профессор международных отношений сирийского происхождения Бассам Тиби: *«Исследователи ислама, имеющие, как правило, филологическое, а не социологическое образование, верно указывают на многообразие ислама. Однако они делают неверный вывод о недопустимости обобщающих суждений. Возможно, это и правильно в филологии, но не в политике и обществе, т.к. в этих сферах аргументация подобного рода явно ошибочно. При надлежащем знании предмета обобщение в определенной степени не только возможно, но даже необходимо. В противном случае имеется риск не распознать подлинную проблему. Исламский мир чрезвычайно разнообразен, но его многообразие укладывается в общий спектр, который следует именовать исламской цивилизацией»*³⁰¹.

Более того, даже если исходить из логики конструктивизма и постколониальной теории, то категория «исламский мир», в отличие от «Востока», является продуктом не только западной мысли, но и самой мусульманской традиции. Во-первых, одним из важнейших элементов мировоззренческой системы ислама выступает такое понятие, как *умма* (араб. أمة), т.е. община/общность [мусульман – В.Д.]. На современном этапе концепция *уммы* обладает многими признаками «сетцентрической структуры», которая, опираясь на единый фундамент вероучения, делится, в зависимости от контекста, на несколько уровней³⁰²:

1. **глобальная *умма*** – община всех мусульман мира;
2. **региональная *умма*** – община мусульман отдельного региона (мусульмане Ближнего Востока, Кавказа, Средней Азии и т.д.);
3. **национальная *умма*** – община мусульман внутри одной конкретной страны;

³⁰¹ Tibi Bassam. Islam Between Culture and Politics. New York: PALGRAVE, 2001. – P.129–130.

³⁰² علي جمعة // مفهوم الأمة الواحدة. علي جمعة. 2015. URL: <https://web.archive.org/web/20200610091111/https://ns2.hel-solserver.com/index.php/المكتبة/مقالات/عقيدتي/item/1462-مفهوم-الأمة-الواحدة> (дата обращения: 10.01.2025).

4. **локальная умма** – община мусульман в конкретном регионе, области или поселении (в частности, к этому уровню относятся иммигрантские диаспоры в Европе);
5. **умма организации** – сообщество мусульман в рамках конкретного прихода или общественной организации (сюда следует относить и радикалов из различных группировок по типу «Братьев-мусульман», «Аль-Каиды» и т.п.).

Во-вторых, в исламских богословско-правовых школах имеется собственный подход к категоризации мирового пространства³⁰³:

1. **дар аль-ислам** (араб. **دار الإسلام**) или **дар ас-салям** (араб. **دار السلام**) – «мир ислама» или «территория мира», включающий все страны, где господство ислама реализовано на политическом и государственном уровне;
2. **дар аль-'ахд** (араб. **دار العهد**) или **дар ас-сульх** (араб. **دار الصلح**) – «мир договора» или «территория примирения», к которым принадлежат немусульманские страны, признающие, тем не менее, право мусульман на свободное отправление культа;
3. **дар аль-харб** (араб. **دار الحرب**) или **дар аль-куфр** (араб. **دار الكفر**) – «территория войны» или «область неверия», состоящие из немусульманские страны, где невозможна проповедь ислама, а мусульмане подвергаются гонениям или притесняются со стороны неверных или многобожников.

Ключевым параметром структурирования геополитического пространства в мусульманской традиции выступает критерий распространения ислама. При этом оценка данного критерия зависит от подхода и взглядов конкретного *алима*. Например, один из классиков *фикха* X–XI вв. Абд аль-Кахир ибн Тахир аль-Багдади (961–1037 гг.) в своих трудах использовал только две категории – **дар аль-ислам** и **дар аль-куфр**³⁰⁴. Иные же богословы, наоборот, расширяли и уточняли классификацию, добавляя в неё понятия вроде **дар ат-таухид** (араб.

³⁰³ Модестов С.А. Геополитика ислама. М.: «Молодая гвардия», 2003. – С. 16–18.

³⁰⁴ *إسطنبول*، 1928. – ص. 225–232. *عبد القاهر بن طاهر البغدادي* أصول الدين في الكلام.

دار التوحيد) – «мир единобожия», *дар аль-фуджур* (араб. دار الفجور) – «область распутства», *дар аль-амн* (араб. دار الأمن) – «территория безопасности», *дар ад-да'уа* (араб. دار الدعوة) – «земля проповеди», и т.д.³⁰⁵ Однако все *алимы* принимали категорию «мир ислама» в качестве базовой.

Таким образом, в современной мировой политике, с учётом идеологического аспекта и существования транснациональных мусульманских организаций, «исламский мир», как отмечает А.В. Митрофанова, следует расценивать не в качестве конструкта, условности или некоего «проекта», а как объективную реальность³⁰⁶. С формальной точки зрения, на институциональном уровне международных отношений представления мусульман о глобальной *умме* воплощаются через созданную в 1967 г. Организацию исламского сотрудничества. Сегодня в составе ОИС насчитывается 57 государств Африки, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Средней, Южной и Юго-Восточной Азии³⁰⁷. Устав Организации, несмотря на существующие разногласия и конфликты среди государств-членов, декларирует «единство и солидарность в обеспечении общих интересов на международной арене», «сохранение и развитие благородных исламских ценностей» и «общее стремление работать на восстановление ведущей роли ислама в мире»³⁰⁸. Тем не менее ОИС, в силу отсутствия политического единства в мусульманском сообществе, зачастую относят к числу т.н. «бумажных организаций», деятельность которых на международной арене носит скорее формальный, чем реальный характер.

А.А. Игнатенко в одной из своих работ писал, что «исламский мир как консолидированный субъект международной политики существует только

³⁰⁵ Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М.: «Международные отношения», 2003. – С. 20.

³⁰⁶ Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. 2008. № 1. – С. 112.

³⁰⁷ منظمة التعاون الإسلامي // الدول الأعضاء – 2023. – URL: <https://www.oic-oci.org/states/?lan=ar> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁰⁸ منظمة التعاون الإسلامي // ميثاق منظمة التعاون الاسلامي URL: https://www.oic-oci.org/upload/pages/conventions/ar/oic_charter_5893427_ar.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

виртуально, в качестве некоего проекта, а, точнее, проектов, которые, реализуясь, придают этому становящемуся противоречивые характеристики»³⁰⁹. В своей статье 2001 г. с говорящим названием «Самоопределение исламского мира» специалист отметил, что в период 1990-х гг. Организация исламского сотрудничества имела прямого конкурента в лице Исламской народной и арабской конференции (ИНАК, или «Зелёный интернационал»)³¹⁰. ИНАК была организована в 1991 г. и, в отличие от ОИС, носила негосударственный характер, т.к. в её состав входили исламистские организации как «умеренного», так и радикального толка. Показательным стал второй конгресс «Зелёного интернационала», состоявшийся в декабре 1993 г. На нём присутствовали многие видные террористы того времени от Абу Нидаля и Ильича Рамиреса Санчеса до Аймана аз-Завахири и Усамы бен Ладена, а в основе всей повестки лежала антизападная и джихадистская риторика с лозунгами вроде «Какой бы силой не обладали Америка и Запад, Аллах всегда останется самым сильным» и призывами к очищению ислама через окончание «споров о национализме в *умме*»³¹¹. И, хотя ИНАК де-юре прекратила свою деятельность в начале 2000-х гг., связи между её участниками сохраняются на неформальном уровне по сей день.

Также, говоря о проблеме единства в «исламском мире», необходимо отметить, что одним из важнейших аспектов здесь является отсутствие «стержневого государства», за неимением которого обладающий мощным самосознанием ислам до сих смог создать, по выражению С. Хантингтона, «лишь рудиментарную общую политическую структуру»³¹². Во многом, такое положение Мусульманского Востока обусловлено наличием сразу нескольких центров силы, претендующих на роль лидера глобальной *уммы*. На первый план среди претендентов сегодня выходят Саудовская Аравия, Турция и Иран, которые,

³⁰⁹ Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М.: ИВ РАН, 2001. – С. 9.

³¹⁰ Там же: С. 10.

³¹¹ Riedel Bruce. The Search for al-Qaeda: Its Leadership, Ideology and Future. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2010. – P. 57–59.

³¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2021. – С. 258.

по сути, представляют собой три конкурирующие модели развития мусульманского государства – *суннитскую монархию, суннитскую республику и шиитскую республику*, соответственно³¹³.

При этом, в контексте политической конфигурации и идеологического пространства современного Ближнего Востока, на эти модели накладывается не только этноконфессиональная специфика арабской, турецкой и персидской культур, но и национально-государственные интересы, что ярко проявляется на уровне региональной политики:

1. **Иран** в период 1979–1989 гг. придерживался доктрины экспорта Исламской революции, но после кончины имама Хомейни подход ИРИ заметно смягчился: от прямого «экспорта» Тегеран перешёл к финансовой и политической поддержке дружественных режимов и шиитских сил, что доказывают примеры Сирии, Ирака («Хашд аш-Шааби»), Палестины (ХАМАС), Ливана («Хизбалла» и «Амаль») и Йемена («Ансар Аллах»)³¹⁴. Зачастую иранскую политику на Ближнем Востоке объясняют стремлением реализовать проект т.н. **«шиитского полумесяца»**³¹⁵ (или **«шиитской солидарности»**³¹⁶).
2. **Саудовская Аравия**, в противовес иранскому проекту, долгое время работала над созданием т.н. **«суннитского блока»**, что хорошо демонстрируют примеры Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), включающего арабские монархии, и Исламской военной антитеррористической коалиции (ИВАК), куда вошли основные государства Африки, Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии с преимущественно суннитским населением³¹⁷. При этом,

³¹³ Останин-Головня В.Д. Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 2. – С. 215–217.

³¹⁴ Манучихри А. Политическая система Ирана. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007. – С. 181.

³¹⁵ Nasr Vali. When the Shiites Rise // Foreign Affairs. 29.08.2006. URL: <http://www.maf-houm.com/press9/282S26.htm> (дата обращения: 10.01.2025).

³¹⁶ Беренкова Н.А. Бахрейн и региональная шиитская солидарность // Российский совет по международным делам. 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/> (дата обращения 20.03.2025).

³¹⁷ Аватков В.А., Каширина Т.В., Останин-Головня В.Д. Эволюция политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции: сходства и различия // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66, № 6. – С. 169–171.

несмотря на объявленную 10 марта 2023 г. нормализацию ирано-саудовских отношений, говорить о прекращении существования проектов «суннитского блока» и «шиитской солидарности» пока не приходится.

3. **Турция**, в свою очередь, с момента прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. прошла несколько этапов в развитии ближневосточного вектора внешней политики от официальной концепции «Ноль проблем с соседями»³¹⁸ до проактивного курса в отношении Сирии и курдских районов Ирака (стратегия «Завоевания союзников»³¹⁹). В целом же, с точки зрения идейно-ценностного подхода, поведение Анкары на Ближнем Востоке можно охарактеризовать как стремление **к освоению постосманского протранства**, что приводит к пересечению интересов Турции с интересами Саудовской Аравии и Ирана в целом ряде стран региона³²⁰.

Таким образом, на основании приведённых примеров, можно утверждать, что основные противоречия между Эр-Риядом, Анкарой и Тегераном сосредоточены в ближневосточном регионе в то время, как на мировой арене, несмотря на пересечение интересов и расхождения религиозных традиций, каждая из этих стран декларирует приверженность принципам общемусульманской солидарности, согласно уставным документам ОИС.

Конечно, в современных международных отношениях «единство и солидарность исламского мира» проявляются достаточно редко, что позволяет некоторым специалистам заявлять об отсутствии политической консолидации глобальной *уммы*. В частности, А.А. Игнатенко утверждал, что в постбипо-

³¹⁸ Davutoglu Ahmet. Zero Problems in New Era // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/zero-problems-in-a-new-era.en.mfa> (дата обращения: 10.01.2025).

³¹⁹ Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. М.: Издатель Воробьев А.В., 2019. – С. 258.

³²⁰ Аватков В.А., Каширина Т.В., Останин-Головня В.Д. Эволюция политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции: сходства и различия // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66, № 6. – С. 172–174.

лярный период на уровне социально-экономического развития и политической ориентации мусульманских государств оформилось сразу несколько проектов, которые можно разделить на три условные категории³²¹:

1. *«модернизаторские (либеральные) проекты»*, предполагающие «перенос на почву исламских стран т.н. общечеловеческих (реально – западных по своему происхождению и сути) форм социальной жизни» с формальным сохранением внешней стороны религиозных традиций;
2. *«фундаменталистские (джихадистские) проекты»*, сформированные в качестве «альтернативы Западу и либеральному исламу» и призванные «восстановить историческую справедливость».
3. *«традиционалистские проекты»*, выступающих «оправданием сложившегося на нынешней день *status quo* и не предполагающего никаких резких трансформаций».

Классификацию, предложенную А.А. Игнатенко, сложно назвать удачной, как минимум, из-за достаточно волной интерпретации понятия «фундаменталистский», который стал применяться относительно ислама после Иранской революции 1979 г. для обозначения «плохой» и антизападной религиозной политики, хотя, как отмечал П. ван дер Веер, сам термин «фундаментализм» впервые был употреблён в 1920 г. в США для обозначения движений христиан-протестантов, выступавших в защиту библейского буквализма³²². К тому же, данные категории не позволяют разграничить проекты отдельных государств (например, Саудовской Аравии, Турции и Ирана) и различных организаций (вроде той же ИНАК).

Так или иначе, несмотря на сложную конфигурацию идеологического пространства «исламского мира», в новейшей истории существует несколько

³²¹ Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М.: ИВ РАН, 2001. – С. 18–19.

³²² ван дер Веер П. Политическая религия в XXI веке // Ислам в современном мире. 2010. № 3–4 (19–20). – С. 52–53.

примеров, когда глобальная *умма* выступала в качестве консолидированного субъекта международных отношений. Наиболее показательным здесь является ситуация вокруг Каирской декларации о правах человека в исламе (КДПЧИ), разработанной ОИС в 1990 г. в качестве своеобразного дополнения ко Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) ООН, призванного компенсировать излишнюю её западоцентричность через исламскую интерпретацию «универсальных ценностей»³²³. В её тексте, состоящей из преамбулы и 25 статей, посвященных политическому, экономическому, культурному, социальному и экологическим аспектам, излагается концепция, которая основана на мусульманской традиции *фикха* и базовых установках мировоззренческой системы самого вероучения с целью *«направить человечество, сбиваемое с толку из-за противоречивых верований и идеологий, а также найти решения всех хронических проблем этой материалистической цивилизации»*³²⁴.

В 1992 г. после того, как КДПЧИ подписали и ратифицировали 45 из 57 членов ОИС, документ был направлен Комиссии по правам человека ООН. Чиновники международного сообщества воспринял инициативу «исламского мира» в штыки, но, чтобы не провоцировать прямой конфликт, озвучила критику через НПО, куда входили отдельные члены Комиссии. В частности, Международный гуманистический и этический союз (МГЭС) назвал Декларацию «попыткой ограничить права, закреплённые ВДПЧ и последующих пактах ООН»³²⁵. Центр по расследованию (CFI – Center for Inquiry), занимающийся борьбой с влиянием религии на политику, в 2008 г. на Совете по правам человека ООН обвинил КДПЧИ в отсутствии гарантий свобод совести и вероисповедания³²⁶. Также своё недовольство в частном порядке озвучивали многие

³²³ Крылов Д.С., Останин-Головня В.Д. Незападные модели демократии на Арабском Востоке: идейно-ценностный аспект // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1 (117). – С. 309–310.

³²⁴ منظمة التعاون الإسلامي // إعلان القاهرة لمنظمة التعاون الإسلامي لحقوق الإنسان URL: https://www.oic-oci.org/upload/pages/conventions/ar/oic_cairo_declaration_256723_ar.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

³²⁵ The Cairo Declaration and the Universality of Human Rights // International Humanist and Ethical Union (IHEU). URL: <https://web.archive.org/web/20081031135736/http://www.iheu.org/node/3162> (дата обращения: 10.01.2025).

³²⁶ CFI Defends Freedom of Expression at the U.N. Human Rights Council // Center for Inquiry (CFI). 17.09.2008. URL: https://centerforinquiry.org/press_releases/cfi_defends_freedom_of_expression_at_the_un_human_rights_council/ (дата обращения: 10.01.2025).

правозащитники. Например, бывший спецсоветник ООН по предупреждению геноцида Адама Дьенг, будучи уже членом Международной комиссии юристов утверждал, что Каирская декларация несёт «серьёзную угрозу» межкультурному диалогу, а также права женщин и не-мусульман, имеющих гражданство стран-членов ОИС³²⁷.

Похожая ситуация сложилась с Арабской хартией прав человека (АХПЧ), принятой ЛАГ на саммите 2004 г. и окончательно утверждённой в 2008 г. По состоянию на 2023 г. документ подписан и ратифицирован 11 членами Лиги (Алжир, Бахрейн, Иордания, Йемен, Катар, Ливан, Ливия, ОАЭ, Палестина, Сирия и Саудовская Аравия), подписали без дальнейшей ратификации 5 государств (Египет, Кувейт, Марокко, Судан и Тунис), не присоединились 6 стран (Джибути, Ирак, Коморские острова, Мавритания, Оман и Сомали)³²⁸.

На концептуальном уровне АХПЧ позиционировалась как «продолжение» ВДПЧ, Международного пакта о гражданских и политических правах и Каирской декларации, которое отражает культурную и религиозную специфику арабских государств. Однако, несмотря на преимущественно декларативный характер документа, международное сообщество и ряд западных НПО Хартию встретили в штыки. В частности, Луиза Арбур, занимавшая в период 2004–2008 гг. пост Верховного комиссара ООН по правам человека, заявила, что АХПЧ прямо противоречит общепринятому пониманию «универсальных прав человека» особенно в контексте смертной казни, прав женщин, детей и меньшинств, хотя ранее подведомственное ей управление включило Хартию

³²⁷ Cheema Z.I., Munir B., Khan A.N. CDHRI and International Human Rights Framework // Pakistan Social Sciences Review. 2020. Vol. 4, No. 2. – P. 900.

³²⁸ جامعة الدول العربية // الميثاق العربي لحقوق الإنسان. URL: <http://www.lasportal.org/ar/legalnetwork/Documents/الميثاق%20العربي%20لحقوق%20الإنسان.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

в список документов, «принятых и используемых различными межправительственными, международными, региональными и субрегиональными организациями, направленных на развитие и укрепление демократии»³²⁹.

Также в контексте вопроса о стремлении «исламского мира» к консолидации на уровне международного сообщества необходимо упомянуть Амманскую декларацию 2004 г. Её текст был опубликован 9 ноября 2004 г. королём Иордании Абдаллой II, принадлежащего к роду Хашимитов – потомков пророка Мухаммада по линии его прадеда Хашима ибн Абд Манафа и наследственных *шарифов* Мекки и Медины с 1201 по 1925 гг., а также поддержан Мухаммадом Саидом Тантави, занимавшим должность Верховного муфтия Египта и шейха крупнейшего мусульманского духовного университета Аль-Азхар в 1986–2010 гг.³³⁰ Суть Амманской декларации заключается в «продвижении истинного светлого образа ислама, прекращения обвинений в его адрес и отражения нападков на него» посредством «внутренней борьбы с экстремизмом» и консолидации глобальной *уммы* на основе трёх принципов³³¹:

1. **Определение мусульман** как последователей четырёх суннитских (ханафитского, маликитского, шафиитского и ханбалитского) и двух шиитских (джафаритского и зейдитского) *мазхабов*, приверженцев ибадитского и захиритского течений, а также представителей ашаризма, «настоящего суфизма» и «истинного салафизма».
2. **Запрет на обвинение в неверии (*такфир*)** мусульман, признающих «пять столпов ислама»³³² и согласных с основами веры³³³.

³²⁹ Arab Charter on Human Rights Tunis May 2004 (Excerpts) // Office of the UN High Commissioner for Human Rights. URL: https://www2.ohchr.org/english/law/compilation_democracy/arabcharter.htm (дата обращения: 10.01.2025).

³³⁰ Preface by the Shaykh Al-Azhar Muhammad Sayyid Tantawi // The Amman Message. URL: <https://ammanmessage.com/preface/> (дата обращения: 10.01.2025).

³³¹ رسالة عمان // The Amman Message. URL: <https://ammanmessage.com/رسالة-عمان/?lang=ar> (дата обращения: 10.01.2025).

³³² Свидетельство веры (*шахада*), ритуальная молитва (*саят*), раздача милостыни (*закят*), пост в месяц Рамадан (*саум*) и паломничество в Мекку (*хадж*).

³³³ Вера в Аллаха, ангелов, священные писания, посланников (пророков), Судный день и божественное провидение в добре и зле.

3. Соблюдение принципов по изданию религиозных заключений *(фетв)* на основе методологии общепризнанных и ныне существующих *мазхабов*.

Примечательно, что король Иордании в своём послании обращался, прежде всего, не к главам государств или официальным лицам, а к духовным деятелям и авторитетным богословам. Таким образом, на текущем этапе Амманскую декларацию подписало 552 представителя мусульманских общин из 84 стран мира³³⁴, что значительно превышает количество членов ОИС, куда входит 57 государств.

* * *

Подводя итоги первой главы, прежде всего, следует отметить, что в рамках данной работы **религия** рассматривается с позиций системного подхода и структурно-функционального анализа в качестве *социокультурного феномена*, представляющего собой комплекс, который состоит из 1) *системы мировоззрения, основанной на представлениях о «сакральном»*, 2) *формы социальной организации* и 3) *культовой практики*. Отсюда следует и определение **религиозного фактора** как *воздействия религиозного комплекса на систему социальных, экономических и политических отношений, а также проявления субъектности религии в различных областях общественной жизни*.

С учётом предложенных дефиниций и имеющейся теоретико-методологической базы, целесообразным является разделение взаимодействия религии и политики на три уровня:

1. *макроуровень* – влияние религиозного комплекса на социально-политическую систему;
2. *мезоуровень* – проявление субъектности отдельных религиозных институтов;
3. *микроуровень* – степень личной религиозности и/или использование религиозных нарративов в политических целях конкретных деятелей.

³³⁴ القائمة الشاملة لجميع القادة الدينيين والسياسيين الذين وقّعوا وأقرّوا رسالة عمان ومحاورها الثلاثة // The Amman Message. URL: <https://ammanmessage.com/القائمة-الشاملة-لجميع-القادة-الدينيي/?lang=ar> (дата обращения: 10.01.2025).

При этом анализ религиозного фактора в политических процессах на каждом из трёх уровней должен опираться на классический *институциональный метод* и на *политико-аксиологический подход*, объединённые в рамках *структурно-функционального анализа*, т.к. комплексное изучение политической роли религии требует привлечения широкого теоретико-методологического инструментария, направленного как на сугубо прикладную плоскость исследования конкретных структур и организаций, так и на сферу философско-идеологических концептов, задействованных в современном политическом дискурсе.

Что касается выводов по второму параграфу, посвящённого рассмотрению процесса «религиозного ренессанса», то усиление роли религии в глобальных и региональных процессах постбиполярной эпохи является, по большей части, прямым следствием кризиса секуляризма (как интеллектуальной парадигмы и как политической доктрины). Одна из основных проблем здесь заключается в том, что политическая наука и ТМО долгое время рассматривали религиозный фактор через призму секулярной теории, из-за чего на протяжении большей части XX в. взаимодействие религии и политики либо подвергалось ангажированной критике, либо оставалось на периферии внимания академического сообщества.

Однако если позже наука адаптировалась к изменившимся реалиям, то в общественно-политическом пространстве секуляризм, будучи продуктом западной модели развития, по-прежнему остаётся одним из базовых элементов глобалистского универсализма и либеральной демократии, посредством насаждения которых странам не-Запада евро-атлантическое сообщество стремится обеспечить себе доминирующее положение на мировой арене. При этом западоцентричная интерпретация базовых принципов международного права идёт вразрез с культурно-историческим разнообразием народов мира, что оказывает непосредственное влияние не только на сферу идеологии, но и на стабильность афро-азиатского пространства. В контексте «религиозного ренессанса» это выражается, прежде всего, в процессах **деконфессионализации** и

детерриториализации, на фоне чего *«секьюритизация религии»* для многих государств становится одним из важнейших элементов обеспечения национальной безопасности и реализации интересов на внешнеполитическом направлении.

С учётом темы работы и того, что термин «религиозный ренессанс» является зонтичным и не раскрывает специфику конкретных примеров, а лишь обозначает общие тенденции, третий параграф был посвящён анализу роли ислама в глобальных и региональных процессах, которая рассматривалась в контексте влияния «исламского пробуждения» на Ближний Восток и положения «исламского мира» в современных международных отношениях. Относительного «исламского пробуждения», начавшегося на рубеже 1970-х – 1980-х гг. и ставшего своего рода «предвестником» возвращения религии в мировую политику, был сделан вывод, что данный феномен следует расценивать как сложный и развивающийся процесс, внутри которого чётко прослеживается наличие трёх этапов:

1. **1970-е – 1980-е гг.** – актуализация исламского фактора на уровне государственной политики стран Ближнего Востока и обострение суннитско-шиитских противоречий на фоне конфронтации Саудовской Аравии и Ирана;
2. **1990-е – 2000-е гг.** – резкий всплеск исламистского экстремизма и обострение проблемы международного терроризма, апофеозом которого стали теракты 11 сентября 2001 г. в США;
3. **2010-е – 2020-е гг.** – оформление «исламизма 2.0» и участие исламистских движений в «цветных революциях» и протестах «арабской весны».

Важно отметить, что характерные для первых двух этапов процессы *«исламизации сверху»* (использование исламского фактора в политике правящими кругами мусульманских стран) и *«исламизации снизу»* (политизация религии оп-

позиционными и антисистемными мусульманскими движениями в своих целях)³³⁵ сохранили свою актуальность и на современном этапе, а возникновение «исламизма 2.0», во многом, стало результатом их слияния.

Говоря же о положении «исламского мира» в системе международных отношений заключение строится на нескольких аспектах. *Во-первых*, несмотря на имеющиеся в научном сообществе расхождения и трудности с определением чётких географических границ, данная категория является устоявшимся понятием как в общественно-политическом дискурсе, так и в самой мусульманской традиции (*дар аль-ислам*). *Во-вторых*, позиционировать «исламский мир» в качестве объективной реальности мировой политики допустимо лишь с учётом того факта, что в основе форм социальной организации ислама лежит «сетевой принцип»³³⁶, а на уровне системы мировоззрения единство концептуального базиса сочетается с разнообразием этнических и конфессиональных культур, что позволяет рассматривать *умму*, в зависимости от контекста, на различных уровнях от глобального и регионального до национального и локального. *В-третьих*, вопреки декларируемому мусульманским сообществом принципу «единства и солидарности», основной проблемой «исламского мира» является отсутствие политической консолидации на международном уровне, т.к. открытым остаётся вопрос о «стержневом государстве», за обладание статусом которого сегодня Саудовская Аравия конкурирует с Турцией и Ираном.

³³⁵ Современный ислам: проблемы политики и идеологии / под ред. Е.М. Примакова. – М.: ИВ АН СССР, 1985. – С. 3.

³³⁶ Lapidus Ira M. Hierarchies and Networks: A Comparison of Chinese and Islamic Societies // Conflict and Control in Late Imperial China / F. Wakeman Jr., C. Grant (eds.). L.A.: University of California Press, 1975. – P. 26–42.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

2.1. Формирование основ внешней политики Саудовской Аравии

На современном этапе Саудовская Аравия играет важную роль как в региональных, так и в глобальных процессах. Несмотря на то, что политический возраст королевства насчитывает менее 100 лет, оно занимает место одного из образующих элементов ближневосточной подсистемы международных отношений, а также претендует на звание лидера Арабского Востока и «исламского мира». При этом своё положение Эр-Рияд обеспечивает не только через базирующуюся на нефти экономическую мощь, но и за счёт развитой внешней политики, которая направлена на реализацию потенциала страны в регионе и на мировой арене.

Становление и развитие всей политической системы Саудовской Аравии во многом определялось её этноконфессиональной и культурно-исторической спецификой. Примечательно, что основатель королевства Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман (1932–1953 гг.) воспринимал своё государство как «огромную конфедерацию племён, объединённых за счёт невероятных усилий: военных побед, устройства браков или подкупа»³³⁷. При этом ключевую роль в объединении многочисленных племён и кланов под властью династии Аль Сауд сыграл религиозный фактор, т.к. саудовская государственность, как таковая, начала формироваться после заключения в 1744/45 г. союза между эмиром Мухаммадом ибн Саудом (ок. 1710–1765 гг.) и богословом Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом (1703–1792 гг.)³³⁸, благодаря чему несколько веков подряд идеологическим фундаментом объединения разрозненных земель Аравийского полуострова выступал ваххабизм.

³³⁷ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – С. 85.

³³⁸ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 88.

Де-юре современное государство династии Аль Сауд начало своё существование 18 сентября 1932 г., после издания Абд аль-Азизом ибн Абд ар-Рахманом декрета «Об объединении частей арабского королевства», в котором утвердилось официальное название – Королевство Саудовская Аравия, закреплялась приверженность всем прежним международным договорам, соглашениям и обязательствам, а также устанавливался порядок престолонаследия³³⁹. Саудиты и клан Аль аш-Шейх (потомки Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба) сохранили своеобразный правящей «тандем», где вся полнота политической власти закреплялась за первыми, а лидерство в религиозных и богословских делах – за вторыми³⁴⁰. Такое распределение «зон ответственности» между двумя крупнейшими элитными группами сказалось и на формировании внешней политики Эр-Рияда, которая, по выражению саудовского политолога Абд аль-Азиза Хусейна ас-Суайга, является «производным от почерпнутых из ислама высших идейных ценностей правящего класса», служащих, в свою очередь, «источником легитимации любых решений в области международных отношений»³⁴¹.

В частности, сам Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман позиционировал своё королевство в качестве «поборника ислама» и «защитника независимости арабов», которое в будущем должно добиться «ведущей роли в окружающем мировом пространстве»³⁴². Можно сказать, что видение основателя и первого правителя Саудовской Аравии определило концептуальные рамки развития внешнеполитического курса государства, которое в дальнейшем обрело, как раз-таки, два основных вектора – **религиозный** («поборник ислама») и **региональный** («защитник независимости арабов»). Однако окончательное оформление данных векторов произошло уже после смерти Абд аль-Азиза ибн Абд ар-Рахмана в 1953 г. и было напрямую связано с изменением контекста

³³⁹ Сенченко И.П. Королевство Саудовская Аравия. История страны, народа и правящей династии Аль Сауд. СПб.: Алетейя, 2022. – С. 377.

³⁴⁰ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 331–332.

³⁴¹ 59. ص. – الرياض، 1992. عبد العزيز حسين الصويغ / الاسلام في السياسة الخارجية السعودية. عبد العزيز حسين الصويغ

³⁴² 38. ص. – الرياض، 1992. عبد العزيز حسين الصويغ / الاسلام في السياسة الخارجية السعودية. عبد العزيز حسين الصويغ

условий как на Ближнем Востоке, так и на глобальной арене, вследствие чего целесообразно будет предварить анализ современной внешней политики Саудовской Аравии исследованием её основ и ключевых факторов, оказавших влияние на политическое развитие королевства в целом.

Становление королевства

В период правления **Абд аль-Азиза ибн Абд ар-Рахмана (1932–1953 гг.)** Саудовская Аравия находилась на этапе своего становления, и позиционирование королевства как «поборника ислама» и «защитника независимости арабов» шло вразрез с фактическим положением дел. Потенциал внешней политики Эр-Рияда был сильно ограничен в силу неустойчивости государства, обусловленной продолжением территориальной экспансии, борьбой с внутренней оппозицией, необходимостью консолидации племенных элит вокруг правящей династии, а также отсутствием стабильных и эффективных институтов управления государством³⁴³. Основными задачами саудовского руководства на внешнеполитическом направлении в то время стали 1) *обеспечение целостности и безопасности границ*, 2) *признание на международной арене* и 3) *поиск источников финансовых поступлений*.

Здесь следует отметить, что, по большей части, молодое королевство было практически полностью окружено территориями, находившимися в прямой или косвенной зависимости от Великобритании. **На западе** по Красному морю Саудовская Аравия граничила с Египтом, получившим формальный суверенитет лишь в 1936 г. по «Договору о союзе Его Величества из Соединённого Королевства и Его Величества Короля Египта»³⁴⁴, и англо-египетским кондоминиумом – Суданом. **К северу** располагались Эмират Трансиордания и Королевство Ирак, которые, будучи мандатными территориями Лондона,

³⁴³ Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2003. – С. 11.

³⁴⁴ The Treaty of Alliance Between His Majesty, in Respect of the United Kingdom, and His Majesty, the King of Egypt (1936) // Foreign, Commonwealth & Development Office UK. URL: <https://web.archive.org/web/20120924110414/http://www.fco.gov.uk/resources/en/pdf/treaties/TS1/1937/6> (дата обращения: 10.01.2025).

управлялись представителями династии Хашимитов – противниками Саудитов, изгнанными Абд аль-Азизом ибн Абд ар-Рахманом из Хиджаза по итогам Второй саудовско-хашимитской войны 1924–1925 гг.³⁴⁵ Восточнее, в зоне Персидского залива, находились Кувейт, Бахрейн, Катар и Договорной Оман (в будущем – ОАЭ), являвшиеся британскими протекторатами ещё с XIX в. и получившие независимость только во второй половине XX в. С юга к границам Саудовской Аравии выходили Оман, находившийся под косвенным управлением англичан до 1970 г., и Йемен, значительная часть которого в 1886–1963 гг. включалась в состав Протектората Аден и Аденской колонии Великобритании³⁴⁶. Прочие арабские страны, с которыми у КСА не было общих границ, также находились под контролем европейских держав – Франции (Сирия, Ливан, Тунис, Алжир и Марокко), Испании (Мавритания) и Италии (Ливия).

Саудиты понимали, что при таком положении обеспечить территориальную целостность, найти источники финансов и технологий, а также добиться признания на международной арене без установления отношений с ведущими государствами Запада было бы невозможно. Первые шаги на этом направлении Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман стал предпринимать ещё на этапе объединения Аравии в период экспансии третьего саудовского государства (1902–1932 гг.)³⁴⁷. Например, он, будучи в статусе султана Неджда, подписал соглашения о границах с подмандатными Ираком (1 ноября 1925 г.) и Трансиорданией (2 ноября 1925 г.) через представителя местной британской администрации сэра Гилберта Фолкингхэма Клейтона³⁴⁸, чем на время обезопасил свои территории с севера. Схожие гарантии со стороны англичан позже распростра-

³⁴⁵ Сенченко И.П. Королевство Саудовская Аравия. История страны, народа и правящей династии Аль Сауд. СПб.: Алетейя, 2022. – С. 315–316.

³⁴⁶ Герасимов О.Г. Йеменская революция 1962–1975 гг. Проблемы и суждения. М.: «Наука», 1979. – С. 24–25.

³⁴⁷ Сенченко И.П. Королевство Саудовская Аравия. История страны, народа и правящей династии Аль Сауд. СПб.: Алетейя, 2022. – С. 189.

³⁴⁸ Наумкин, В.В. Несостоявшееся партнёрство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. М.: ИВ РАН, 2018. – С. 140–141.

нились и на восточные земли будущего королевства, которые, как уже говорилось ранее, находились под протекторатом Великобритании. Завершившееся к декабрю того же 1925 г. завоевание Хиджаза стало крайне важным этапом в развитии саудовской внешней политики, т.к. династия Аль Сауд обрела контроль над главными мусульманскими святынями – Меккой и Мединой, а также над Джиддой, где исторически размещались консульские миссии немусульманских стран, что в дальнейшем значительно упростило задачу по установлению контактов с западными державами.

Примечательно, что с 1924 г. в «дипломатической столице» Аравии, благодаря договорённостям между делегациями НКВД и Хашимитов на полях Лозаннской конференции 1922–1923 гг., функционировало представительство Советской России³⁴⁹. 16 февраля 1926 г. агент и генеральный консул СССР в Хиджазе К.А. Хакимов в рамках личной инициативы направил Абд аль-Азизу ибн Абд ар-Рахману ноту следующего содержания:

«По поручению моего правительства честь имею уведомить Ваше Величество, что правительство Союза ССР, исходя из принципа самоопределения народов глубоко уважая волю хиджазского народа, выразившуюся в избрании Вас своим королём, признает Ваше Величество королём Хиджаза, султаном Неджда и присоединённых областей. В силу этого Советское Правительство считает себя в состоянии нормальных дипломатических отношений с правительством Вашего Величества. В заключение позвольте выразить Вашему Величеству моё искреннее уважение»³⁵⁰.

³⁴⁹ Там же: С. 79.

³⁵⁰ Послание дипломатического агента и генерального консула СССР в г.Джидде [К.А.Хакимова] о признании правительством СССР Абдель Азиза Аль Сауда королем Хиджаза, султаном Неджда и присоединенных областей с предложением установить дипломатические отношения (на русском и арабском языках) 16 февраля 1926 г. // Историко-документальный департамент МИД России. URL: [https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/3ed/6zhpxg3czsvpt9ida1hxtqr37wgsirvz/ПОСЛАНИЕ%20ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО%20АГЕНТА%20И%20ГЕНЕРАЛЬНОГО%20КОНСУЛА%20СССР%20В%20Г.ДЖИДДЕ%20\[К.А.ХАКИМОВА\].pdf](https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/3ed/6zhpxg3czsvpt9ida1hxtqr37wgsirvz/ПОСЛАНИЕ%20ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО%20АГЕНТА%20И%20ГЕНЕРАЛЬНОГО%20КОНСУЛА%20СССР%20В%20Г.ДЖИДДЕ%20[К.А.ХАКИМОВА].pdf) (дата обращения: 10.01.2025).

2 апреля 1926 г. Г.В. Чичерин, занимавший должность народного комиссара иностранных дел в период 1923–1930 гг., подтвердил установление отношений с саудовским государством в официальном письме, где высоко оценил инициативу К.А. Хакимова:

«...Мы убеждены, что в силу благожелательного и внимательного отношения Вашего Величества к представителю Союза Советских Социалистических Республик работа последнего в общих интересах будет облегчена и что дружественные отношения, столь счастливо установившиеся между двумя странами, будут укрепляться на благо арабского народа и народов Союза Советских Социалистических Республик...»³⁵¹.

Таким образом, несмотря на то, что до провозглашения территорий подвластных Абд аль-Азизу ибн Абд ар-Рахману единым королевством оставалось ещё 6 лет, де-юре и де-факто первым неарабским государством, признавшим независимость Саудовской Аравии, стал СССР.

Советско-саудовские отношения получили достаточно интенсивное развитие в 1930-х гг. Москва, следуя идеологическим установкам по «борьбе с мировым империализмом», поддерживала стремления династии Аль Сауд, рассчитывая использовать их для противодействия Великобритании и Франции в регионе. Саудиты, в свою очередь, стремились укрепить положение королевства за счёт расширения внешнеполитических связей и получить доступ к необходимым технологиям через советских специалистов. Ключевую роль здесь сыграл личностный фактор, и поэтому следует отметить заслуги двух советских дипломатов – Карима Абдрауфовича Хакимова и Назира Тюрякуловича Тюрякулова, которых арабы прозвали «Красными пашами»³⁵².

³⁵¹ Письмо народного комиссара иностранных дел СССР Г.В. Чичерина королю Хиджаза, султану Неджда и присоединённых областей Ибн Сауду // СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961. – С. 62–63.

³⁵² Беленькая М.Б. Красные паши саудовского короля. Взлеты и падения отношений Москвы и Эр-Рияда // Коммерсантъ. 11.10.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4119995> (дата обращения: 10.01.2025).

К.А. Хакимов (1890–1938 гг.) родился в 1890 г. в Уфимской губернии, учился в медресе с 1910 по 1911 гг., в годы революции примкнул к большевикам, занимал должность генконсула РСФСР в Иране в 1921–1924 гг., свободно владел арабским языком и прекрасно разбирался в исламе³⁵³, что позволило ему установить крепкие личные отношения с Абд аль-Азизом и его сыновьями. Н.Т. Тюрякулов (1892–1937 гг.) происходил из семьи зажиточных торговцев хлопком, проживавших в Ферганской долине, с детства был приобщен к мусульманской традиции, посещал школу при мечети, позже окончил Кокандское коммерческое училище, а после революции работал в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока и возглавлял Центральное издательство народов СССР³⁵⁴.

В 1928 г. Тюрякулов сменил на должности в Джидде Хакимова, которого до 1936 г. перевели на работу в Йемен. Однако оба дипломата продолжали работать «в связке» друг с другом и пользовались определённой автономией от «генеральной линии партии», т.к. НКВД под руководством Г.В. Чичерина, по выражению В.В. Наумкина, «исходил из примата прагматических интересов государства перед классовыми»³⁵⁵. В частности, Хакимов и Тюрякулов, будучи представителями мусульманских народов, совершили *умру* (малое паломничество) в Мекку и Медину, благодаря чему смогли нивелировать негативный эффект антирелигиозной политики советского руководства и укрепить авторитет представительства, которое в 1930 г. повысило свой статус с генконсульства до посольства.

³⁵³ Личный листок ответственного работника НКВД СССР К.А. Хакимова (25 апреля 1924 г.) // Историко-документальный департамент МИД России. – URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/c4c/3cik7628qzrz5qzem5dxd1sgbbwpbsq/ЛИЧНЫЙ%20ЛИСТОК%20РАБОТНИКА%20НКВД%20СССР%20К.А.ХАКИМОВА%2025%20АПРЕЛЯ%201924%20г..pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁵⁴ Назир Тюрякулов. Биография // “Nazir Turekulov” International Charitable Foundation. Алма-Ата, 2023. URL: <https://fnt.kz/biografiya> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁵⁵ Наумкин, В.В. Несостоявшееся партнёрство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. М.: ИВ РАН, 2018. – С. 451.

Основными конкурентами представителей СССР по дипломатической игре в Джидде выступала Великобритания. Здесь также не обошлось без личного фактора. Ключевым оппонентом К.А. Хакимова и Н.Т. Тюрякулова выступал Гарри Сент-Джон Бриджер Филби (1885–1960 гг.) – отец известного разведчика и члена «кембриджской пятёрки» Кима Филби (1912–1988 гг.)³⁵⁶. Начиная с 1925 г. С.-Дж. Филби состоял при дворе Саудитов в качестве неофициального советника, в 1930 г. принял ислам под именем Абдалла, а в 1945 г. взял в наложницы арабку Рузи, которая родила ему 4 сыновей³⁵⁷. В частности, в мае 1933 г. Филби-старший убедил Абд аль-Азиза предоставить американской компании Standard Oil of California (Socal) эксклюзивные концессионные права на разведку и добычу нефти в мухафазе аль-Ахса, что положило начало развитию энергетического сектора всей Саудовской Аравии³⁵⁸.

Так или иначе, в период 1920-х – 1930-х гг. англичане навязывали себя в качестве основного и безальтернативного партнёра, пытаясь превратить саудовское государство в свой очередной протекторат. По Даринскому пакту от 26 декабря 1915 г., заключённому Абд аль-Азизом и сэром Перси Коксом от имени британской короны, Великобритания, в обмен на финансовые субсидии, имела полный контроль над внешнеполитическими связями султаната Неджд³⁵⁹. При этом Саудиты были вынуждены обращаться к английскому правительству исключительно через колониальную администрацию в Индии. Тем не менее, в процессе объединения Аравийского полуострова Абд аль-Азиз старался придерживаться навязанного ему соглашения. Однако после завоевания западных земель в 1925 г. он получил формальный повод нарушить унизительные условия.

³⁵⁶ H. Saint John Philby // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/H-Saint-John-Philby> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁵⁷ Macintyre Ben. A Spy Among Friends: Kim Philby and the Great Betrayal. New York: Crown, 2015. – P. 24–25.

³⁵⁸ Yergin Daniel. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power. New York: Free Press, 2008. – P. 290.

³⁵⁹ Silverfarb Daniel. The Anglo-Najd treaty of December 1915 // Middle Eastern Studies. 1980. Vol. 16, No. 3. – P. 169–170.

Расширение титула до короля Хиджаза и султана Неджда и присоединённых областей дало возможность выступать на международной арене в качестве де-юре другого государства³⁶⁰. Дополнительным рычагом давления на англичан стали набеги *ихванов*³⁶¹ на южные территории подмандатных Трансиордании и Ирака. Так, 20 мая 1927 г. Великобритания была вынуждена подписать в Джидде новый договор, по которому Лондон признал суверенитет Саудитов над всеми их территориальными приобретениями в Аравии, а будущее королевство, гарантируя прекращение набегов, наконец-то получило право самостоятельно вступать в прямые отношения с другими государствами³⁶².

Немаловажным фактором здесь также выступило и официальное признание со стороны СССР от 16 февраля 1926 г. Британское правительство проводило антисоветскую политику, в том числе, и на Ближнем Востоке. Сближение Москвы с саудовским государством явно раздражало англичан, которые, несмотря на то, что Коминтерн никогда не рассматривал Аравию в качестве «очага революции», пытались давить на Абд аль-Азиза через мнимую «красную угрозу», делая особый акцент на атеистической составляющей коммунистической идеологии³⁶³. Однако последнее нивелировалось хорошими личными отношениями короля с К.А. Хакимовым и Н.Т. Тюрякуловым, совершавшими *умру* в статусе дипломатов НКВД, а также тем, что, в своё время, при подготовке Всемусульманского конгресса 1926 г. советское руководство поддержало инициативу Саудитов, предлагавших провести мероприятия в Мекке, а не, как настаивали британцы, в Каире³⁶⁴. Более того, от СССР на съезд

³⁶⁰ Официальное сообщение Абдель Азиза Аль Сауда о принятии титула короля Хиджаза, султана Неджда и присоединённых областей (на арабском языке) 6 января 1926 г. // Историко-документальный департамент МИД России. URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/2d1/yil0mr09ptxcg9pii122m5gwa70231an/ОФИЦИАЛЬНОЕ%20СООБЩЕНИЕ%20АБДЕЛЬ%20АЗИЗА%20АЛЬ%20САУДА%206%20ЯНВАРЯ%201926%20г..pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁶¹ *Ихваны* (араб. الإخوان) – иррегулярные формирования объединённых ваххабитским учением племён, которые составляли основную военную мощь Абд аль-Азиза ибн Абд ар-Рахмана на этапе объединения Аравии в период 1900-х – 1930-х гг.

³⁶² Treaty Between Great Britain and Hedjaz // Advocate of Peace through Justice. 1927. Vol. 89, No. 11. – P. 631–633.

³⁶³ Наумкин В.В. Несостоявшееся партнёрство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. М.: ИВ РАН, 2018. – С. 219

³⁶⁴ Там же: С. 191–194.

прибыла официальная делегация во главе с верховным муфтием Центрального духовного управления Уфы Ризой Фахретдиновым, куда также вошли представители мусульманских общин из Крыма, Астрахани, Татарстана, Башкирии, Сибири и Туркестана. Более того, как отмечает в своей монографии В.В. Наумкин, советское консульство в Джидде имело предписание поддерживать позиции Абд аль-Азиза на Мусульманском Востоке, где «он рассматривался как один из немногих лидеров, стремящихся проводить независимую от Англии политику»³⁶⁵.

Весной 1932 г. глава саудовского МИД принц Фейсал ибн Абд аль-Азиз совершил дипломатическое турне, маршрут которого включал Великобританию, Францию, Италию, Германию и Польшу. Несмотря на все препятствия со стороны Лондона, поездка Фейсала завершилась визитом в СССР, где будущий король в сопровождении К.А. Хакимова в период с 29 мая по 7 июня посетил Москву и Ленинград³⁶⁶. Во время своего пребывания в Советском Союзе делегация Фейсала провела встречи с председателем ЦИК М.И. Калининым, главой Совнаркома В.М. Молотовым и наркомом по военным и морским делам К.Е. Ворошиловым. Также в программу входило посещение ряда промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Основная задача принца состояла в том, чтобы добиться от советского руководства товарного кредита размером в 1 млн фунтов стерлингов сроком на 10 лет, а также получить разрешение на организацию транзита через СССР мусульманских паломников из третьих стран, т.к. на тот момент *хадж* являлся важнейшим источником пополнения саудовской казны. Москва, в свою очередь, стремилась заключить с Саудитами договор о дружбе и торговле, что позволило бы укрепить международный статус государства. И хотя практических результатов в ходе 10-дневного визита добиться не удалось, обе стороны, тем не менее, выразили «уверенность, что дружба между ... государствами в

³⁶⁵ Там же: С. 175.

³⁶⁶ Сенченко И.П. Королевство Саудовская Аравия. История страны, народа и правящей династии Аль Сауд. СПб.: Алетея, 2022. – С. 373–374.

полной степени отвечает интересам ... народов и их взаимному благу», а сам факт приезда Фейсала в Советский Союз «будет способствовать дальнейшему укреплению этой дружбы»³⁶⁷.

После возвращения Фейсала король Абд аль-Азиз изъявил готовность подписать договор о дружбе, исключив из него часть про торговлю, которую снова предложил заменить отдельным кредитным соглашением в том же размере, но с увеличением срока с 10 до 15 лет³⁶⁸. Такое решение было обусловлено тем, что саудовское государство в тот момент остро нуждалось не в долгосрочном торговом партнёрстве, а в быстрых финансовых поступлениях, т.к. внешний долг составлял почти 220 тыс. фунтов стерлингов и продолжал расти каждый месяц.

16 февраля 1933 г. с целью продемонстрировать расположение отца Фейсал уведомил Н.Т. Тюрякулова о готовности снять ограничения с советской торговли на территории королевства³⁶⁹. Однако СССР, находясь на этапе выполнения первого (1928–1932 гг.) и второго (1933–1937 гг.) пятилетних планов, не имел возможности организовать поставки технических, энергетических и продовольственных ресурсов на обозначенную сумму, из-за чего всё ограничилось отдельными немногочисленными сделками и командировками специалистов. Таким образом, место основного кредитора вплоть до окончания Второй мировой войны сохранялось за Великобританией, которая в 1942 г. смогла включить Саудовскую Аравию в свою валютную зону, и только за один 1944 г. предоставила королевству «помощь» в размере 4 млн фунтов стерлингов³⁷⁰.

³⁶⁷ Речь Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина на завтраке в честь принца Фейсала – главы делегации правительства Хиджаза, Неджда и присоединенных областей // Историко-документальный департамент МИД России. – URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/ae6/trhnumw05yq3a5q6t5gs9nzeennuxch3/РЕЧЬ%20ПРЕДСЕДАТЕЛЯ%20ЦИК%20СССР%20М.И.КАЛИНИНА%2029%20МАЯ%201932%20г..pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁶⁸ Сенченко И.П. Королевство Саудовская Аравия. История страны, народа и правящей династии Аль Сауд. СПб.: Алетейя, 2022. – С. 376.

³⁶⁹ Там же: С. 378

³⁷⁰ Валькова Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях (1955–1977). М.: «Наука», 1979. – С. 55.

Настоящим испытанием на прочность для государства Саудитов и его международных контактов стала война с Йеменом 1933–1934 гг. Конфликт начался на фоне притязаний йеменского принца Ахмада на провинции Наджран и Асир. После неудачной попытки саудовской делегации решить проблему путём переговоров Абд аль-Азиз отдал приказ о наступлении, завершившегося тем, что войско под началом Фейсала заняло без боя один из важнейших портов Южной Аравии – город Ходейду³⁷¹. Примечательно, что Йемен получил поддержку со стороны фашистской Италии, которая в то время активно готовилась к аннексии Эфиопии. Саудовская Аравия, в свою очередь, имела лишь предложения о посредничестве в урегулировании со стороны СССР и Великобритании. При этом, если Москва заключила с Йеменом договор о дружбе и торговле ещё в 1928 г.³⁷², то Лондон, воспользовавшись ситуацией, навязал имаму Яхье соглашение «О дружбе и взаимном сотрудничестве» лишь в 1934 г., чтобы впоследствии с его помощью укрепить свои позиции в Аденском протекторате³⁷³.

Тем не менее, обе стороны конфликта понимали, что, в силу экономической слабости и внутренних проблем, довести войну до окончательной победы на поле боя никому не получится. Поэтому 20 мая 1934 г. Саудовская Аравия и Йемен подписали договор «О мусульманской дружбе и арабском братстве», по которому имам Яхья выплатил Саудитам 100 тыс. фунтов стерлингов золотом в качестве контрибуции, а Абд аль-Азиз обязался вывести все войска и завершить демаркацию границ до 1936 г.³⁷⁴

Война 1933–1934 гг. стала своего рода реперной точкой в выполнении основных задач внешней политики молодого государства Саудитов. *Во-первых*, договор с Йеменом 1934 г. на несколько десятилетий закрыл вопрос об

³⁷¹ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 324.

³⁷² Договор о дружбе и торговле между Союзом ССР и Йеменом // СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961. – С. 69–72.

³⁷³ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 324.

³⁷⁴ Treaty of Islamic friendship and Arab brotherhood (Treaty of Taif) // UN Peacemaker. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/SA%20YE_340520_Treaty%20of%20Islamic%20friendship%20and%20Arab%20brotherhood%2028Treaty%20of%20Taif%29.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

обеспечении безопасности границ. *Во-вторых*, к окончанию конфликта Саудовской Аравии удалось добиться признания и установить отношения с ключевыми игроками международной арены того периода (с СССР и Францией в 1926 г., с Великобританией в 1927 г., с Германией в 1929 г., с США в 1931 г. и с Италией в 1932 г.). *В-третьих*, основным приоритетом стал поиск источников поступления финансов, т.к. Москва не имела возможности предоставить товарный кредит, и королевство рисковало попасть в глубокую экономическую зависимость от Лондона. К тому же, после расстрела К.А. Хакимова (в 1938 г.) и Н.Т. Тюрякулова (в 1937 г.) по делу о шпионаже и участии в контрреволюционной деятельности Абд аль-Азиз отказался принимать новых послов, из-за чего советская дипмиссия в Джидде была свёрнута.

«Эпоха нефти» и сближение с США

Впервые большие запасы нефти на Ближнем и Среднем Востоке были обнаружены в Иране ещё в 1908 г., но для арабских стран «Эпоха нефти» открылась уже после Первой мировой войны на рубеже 1920-х – 1930-х гг., когда в 1927 г. «черное золото» удалось найти в Ираке, а затем в 1931 г. на территории современных Кувейта, Бахрейна и ОАЭ³⁷⁵. Однако Саудовская Аравия, которая сегодня является одним из крупнейших игроков мирового энергетического рынка, присоединилась к числу нефтяных монархий Залива с определённым опозданием, на что имелись свои причины. В частности, на протяжении всего Интербеллума ведущие позиции в добыче нефти в регионе занимала Великобритания, а Саудиты, как уже говорилось, всеми силами старались избежать экономической зависимости от Лондона, в связи с чем Абд аль-Азиз сосредоточился на поиске альтернативных иностранных партнёров, которыми, по итогу, стали энергетические компании из США.

³⁷⁵ Роган Ю. Арабы. История. XVI–XXI вв. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – С. 500–501.

Поиск месторождений на территории королевства вёлся с начала 1930-х гг., но первые экспедиции, проводимые специалистами британских Anglo-Iraqian Oil Company (AIOC) и Iraq Petroleum, не увенчались успехами. К тому же, как отметила в своей монографии Э. Уолд, интересы этих компаний, по всей видимости, сводились к тому, чтобы по максимуму ограничить американским конкурентам доступ к недрам ближневосточного региона³⁷⁶. Однако Абд аль-Азиз, понимая финансовое положение королевства, не оставлял попытки привлечь иностранных предпринимателей к геологической разведке на условиях временных концессий. При этом Саудиты не особо верили, что на их территории получится обнаружить нефть и рассчитывали, скорее, воспользоваться ситуацией, чтобы получить «быстрые деньги» для облечения экономической ситуации в молодом государстве.

В начале 1933 г. интерес к Саудовской Аравии проявила американская компания Standard Oil of California (Socal). К тому моменту у США не было ни дипломатического представительства в Джидде, ни постоянных контактов с королевством. Переговоры затянулись на несколько месяцев. Филби-старший выступал в качестве основного посредника и, несмотря на британское подданство, активно продвигал интересы Саудитов в будущей сделке³⁷⁷. Окончательное соглашение было подписано 9 мая 1933 г. По условиям документа, стоимость эксклюзивных прав на разведку обошлась Socal в 55000 фунтов стерлингов, ежегодная рента составила 5000, а, в случае обнаружения нефти, компания обязалась единовременно выплатить ещё 50000, а также начать отчислять роялти с любой продажи «чёрного золота»³⁷⁸.

Из-за тяжёлых условий аравийского климата и сложного ландшафта геологоразведочные работы затянулись на несколько лет. В 1936 г. руководство Socal, желая компенсировать издержки, заключило партнёрскую сделку с другой американской компанией – The Texas Company (Техасо), которая на тот

³⁷⁶ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – С. 24.

³⁷⁷ Yergin Daniel. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power. New York: Free Press, 2008. – P. 290.

³⁷⁸ Lacey Robert. The Kingdom. London: Hutchinson, 1981. – P. 236–237.

момент владела несколькими перерабатывающими предприятиями в странах Азии и Африки³⁷⁹. Объединив усилия под эгидой California-Arabian Standard Oil Company (Casoc), Socal и Техасо продолжили финансировать поиск месторождений в концессионных районах Восточной провинции. Наконец, в марте 1938 г. старания экспедиции увенчались успехом, скважина №7 в прибрежном городе Даммам начала давать почти 4000 баррелей в день, и 1 мая 1939 г. в присутствии королевской семьи и представителей американских компаний Абд аль-Азиз торжественно открыл кран первого нефтепровода, соединившего месторождение с портом Рас-Таннура³⁸⁰.

Тем не менее, вступление Саудовской Аравии в «Эпоху нефти» совпало с началом Второй мировой войны, которая повлияла на королевство как экономически, так и политически. Развитие нефтяного сектора сильно замедлилось из-за возникших у американских компаний проблем в сфере финансов и логистики. Лучше всего это иллюстрируют изменения годового уровня добычи: если в 1940 г. показатель достиг 5,1 млн баррелей, то в 1941 г. он снизился до 4,3 млн, зато по окончании войны в 1945 г. уровень резко вырос до 21,3 млн по сравнению с 7,8 млн в 1944 г.³⁸¹ Также ощутимо по казне ударило и сокращение числа паломников с довоенных 50–100 тыс. до 20–30 тыс. в год³⁸², т.к. *хадж*, даже после обнаружения нефти, оставался одним из важнейших финансовых источников.

Что касается политического аспекта, то здесь он был напрямую связан с экономическим фактором. Саудовская Аравия, несмотря на объявленный нейтралитет, была вынуждена занять проанглийскую позицию, т.к. Великобритания в то время доминировала на Красном море и в Персидском заливе, а вдоль границ королевства находились её протектораты и подмандатные тер-

³⁷⁹ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – С. 30.

³⁸⁰ Lacey Robert. The Kingdom. London: Hutchinson, 1981. – P. 256.

³⁸¹ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 366.

³⁸² Mikesell R.F., Chenery H.B. Arabian Oil: America's Stake in the Middle East. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2011. – P. 77.

ритории. Весь экспорт и импорт, по сути, осуществлялся с разрешения Лондона, и даже въезд паломников был невозможен без ведома англичан. Сбыт саудовской нефти искусственно ограничивался, т.к. британские компании, прежде всего, продвигали продукт своих предприятий в Ираке и Иране. Более того, Великобритания стремилась всячески удерживать доминирующее положение в регионе, что было бы невозможно без экономического и политического контроля над Саудовской Аравией, финансовая система которой в то время, как и у большинства других арабских стран, была привязана к фунту стерлинга.

Американские компании были обеспокоены сложившейся ситуацией и для того, чтобы сохранить свои активы, стали сотрудничать с правительством США. Изначально планировалось выделить Абд аль-Азизу финансовую помощь из займа Великобритании размером в \$425 млн, но позже, 18 февраля 1943 г., Франклин Делано Рузвельт подписал указ о включении де-юре нейтральной Саудовской Аравии в программу ленд-лиза³⁸³, после чего она за 2 года получила \$99 млн, из которых лишь около \$27 млн подлежало возврату.

Весной 1943 г. в королевство для проверки состояния нефтяных предприятий была направлена делегация во главе с бригадным генералом Патриком Хёрли. По итогам визита запасы саудовского «чёрного золота» были оценены в 20 млрд баррелей, что равнялось всем разведанным на тот момент запасам США³⁸⁴. Это помогло руководству Casoc добиться выделения правительственных средств на строительства трансаравийского нефтепровода и первых перерабатывающих заводов. Для контроля над проектом США назначили послом опытного разведчика и арабиста Уильяма Эдди, который возглавлял дипмиссию в Джидде с 1944 по 1946 гг., а затем в период 1947–1952 гг.

³⁸³ President Roosevelt to the Lend-Lease Administrator Stettinius (February 18, 1943) // The Historian of the U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1943v04/d893> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁸⁴ Mikesell R.F., Chenery H.B. *Arabian Oil: America's Stake in the Middle East*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2011. – P. 88–89.

занимал пост главного консультанта Casos, переименованной позже в Аг-атсо³⁸⁵. Эдди стал знаковой фигурой в истории американо-саудовских отношений, т.к. именно за время его работы в королевстве был сформирован фундамент дальнейшего взаимодействия Эр-Рияда и Вашингтона.

14 февраля 1945 г. в Красном море на борту американского крейсера «Куинси» состоялась знаковая встреча короля Абд аль-Азиза с президентом Рузвельтом³⁸⁶. Официальных документов или протокольных записей тех переговоров не сохранилось. Основным источником здесь является брошюра 1954 г. «F.D.R. meets Ibn Saud» за авторством У. Эдди, который присутствовал на встрече в качестве переводчика. Также в 2020 г. Госдепартамент США опубликовал стенограмму личной беседы двух лидеров, составленную на английском и арабских языках всё тем же Эдди. Согласно тексту, Абд аль-Азиз и Рузвельт обсудили три основные темы: проблему еврейских переселенцев в Палестине, независимость Ливана и Сирии от Франции, а также развитие сельского хозяйства в Саудовской Аравии³⁸⁷.

Что касается практических результатов встречи, то президент США согласился начать поставки оружия и заявил, что Вашингтон не будет менять курс относительно Палестины без предварительных консультаций как с евреями, так и с арабами. Король, в свою очередь, согласился обеспечить для кораблей США и Великобритании свободный доступ к своим портам, выделить участок под строительство американской военно-воздушной базы на условиях пятилетней аренды с дальнейшей передачей объекта в полное владение Саудитов, а также объявить войну государствам «оси»³⁸⁸. Также стороны подтвердили заинтересованность в развитии американских концессий и окончательно

³⁸⁵ Lippman T.W. *Arabian Knight: Colonel Bill Eddy USMC and the Rise of American Power in the Middle East*. Chicago: Selwa Press, 2008. – P. 112, 133.

³⁸⁶ The Historic Meeting between Saudi King Abdulaziz, US President Roosevelt // Asharq Al-Awsat. 14.02.2022. URL: <https://english.aawsat.com/home/article/3474531/historic-meeting-between-saudi-king-abdulaziz-us-president-roosevelt> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁸⁷ Memorandum of Conversation Between the King of Saudi Arabia (Abdul Aziz Al Saud) and President Roosevelt, February 14, 1945, Aboard the U.S.S. “Quincy” // The Historian of the U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v08/d2> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁸⁸ Eddy William. *F.D.R. meets Ibn Saud*. New York: American Friends of the Middle East, 1954. – P. 42.

согласовали строительство трансаравийского нефтепровода, который должен был связать Восточную провинцию с побережьем Средиземного моря. При этом, как отметил в своей брошюре У. Эдди, Абд аль-Азиз воспринял встречу с Рузвельтом как гарантию независимости Саудовской Аравии от Великобритании, а все прозвучавшие заверения для короля «были равны союзу»³⁸⁹.

В марте 1945 г. Саудиты объявили войну гитлеровской Германии и её союзникам, благодаря чему королевство получило приглашение на Сан-Францисскую конференцию и 24 октября вошло в состав ООН в числе первых 50 государств³⁹⁰. Таким образом, заручившись поддержкой со стороны США и став полноправным общепризнанным членом мирового сообщества, Саудовская Аравия смогла не только избавиться от угрозы попадания в зависимость от Великобритании, но и максимально приблизиться к выполнению основных задач на внешнеполитическом направлении:

1. *обеспечение целостности и безопасности границ* – за счёт подписания соответствующих соглашений с соседними странами и начала военного сотрудничества с США;
2. *признание на международной арене* – за счёт установления официальных отношений с иностранными государствами и вступления в ООН;
3. *поиск источников финансовых поступлений* – за счёт предоставления концессий американским компаниям.

Тем не менее, завершение Второй мировой войны, как выразился в своей монографии Г.Г. Косач, «внесло в уже, казалось бы, сложившийся абрис саудовской внешнеполитической деятельности принципиально новые нюансы»³⁹¹.

«Холодная война» и концептуализация внешнеполитических принципов

³⁸⁹ Ibid.: P.35.

³⁹⁰ Charter of the United Nations and Statute of the International Court of Justice // UN Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁹¹ Косач Г.Г. Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2008. – С. 32.

Начало глобальной конфронтации США и СССР в послевоенный период задало вектор развития международных отношений на несколько десятилетий вперёд. Саудовская Аравия была вынуждена подстраивать свой внешнеполитический курс под реалии «холодной войны», в рамках которой Эр-Рияд, имея крайне близкие отношения с государствами «западного блока», всё-таки стремился отстаивать самостоятельность, как минимум, в решении внутренних и региональных вопросов. При этом после окончания Второй мировой войны руководство королевства, в силу состояния экономики и государственного аппарата, ещё долгое время опиралось на инструменты ситуационного управления, т.к. для долгосрочного планирования откровенно не хватало ресурсов, а динамика процессов на Ближнем Востоке с конца 1940-х гг. постоянно ставила перед Саудитами новые вызовы и задачи.

Одними из ключевых факторов политического развития Саудовской Аравии во второй половине XX в. стали нефть и отношения с США:

1. **Нефть:** В 1943 г. Casoc была преобразована в консорциум под названием **Arabian American Oil Company (Aramco)**, а к владевшим концессиями Socal и Техасо – позже объединённые в Chevron – присоединились Standard Oil of New Jersey (Esso, затем Exxon) и Standard Oil Company of New York (Socony, затем Mobil), которые потом также прошли слияние в ExxonMobil³⁹². К концу 1940-х гг. Aramco удалось наладить экспорт саудовской нефти на глобальный рынок, в результате чего годовой уровень добычи резко вырос с 89,9 млн баррелей в 1947 г. до 142,9 – в 1948 г. и продолжал только увеличиваться несколько десятилетий подряд вплоть до четырёхзначных показателей³⁹³. К началу 1980-х гг. Саудовская Аравия заняла третье место в мире по добыче нефти, что превратило её в одного из крупнейших игроков не только глобального энергетического рынка, но и международной политической арены.

³⁹² Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – С. 34.

³⁹³ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 366–367.

2. **Отношения с США:** В 1946 г. Вашингтон направил в Саудовскую Аравию первого официального посла. Должность занял опытный дипломат – Джеймс Райвз Чайлдз, который в 1920-х гг. занимался поставками продовольствия в Советскую Россию, а с 1941 по 1945 гг. работал в Марокко³⁹⁴. Основными задачами Дж. Райвза Чайлдза, как он писал в своих мемуарах, было наладить работу посольства и «задать нужный тон» американо-саудовским отношениям³⁹⁵. К тому моменту уже стали возникать первые противоречия между амбициями Саудитов и интересами американского бизнеса, т.к. в казну поступало не более 20% от реальной прибыли с продажи нефти. Однако в 1950 г. при посредничестве Райвза Чайлдза было заключено соглашение, по которому отчисления увеличились до 50%³⁹⁶. После этого дипмиссия США стала играть роль регулятора отношений между саудовским руководством и американскими нефтяными компаниями.

Вместе с тем, в Государственном департаменте США, как верно отметила Э. Уолд, «никогда не забывали о подлинной цели своей работы», которая заключалась в обеспечении лояльности Эр-Рияда и постоянного доступа к саудовской нефти для ведения «холодной войны»³⁹⁷.

Содержание внешнеполитического курса Саудовской Аравии во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. наиболее ёмко отражено в закрытой инструкции 1947 г., подготовленной для наследного принца Сауда перед его визитом в США³⁹⁸. Документ впервые был опубликован в работе известного арабского националиста и историка Хайр ад-Дина аз-Зирикли (1893–1976 гг.), состоявшим на службе в МИД королевства с 1946 по 1960 гг. Сама инструкция состояла из 10 пунктов, среди которых, помимо формальных и

³⁹⁴ James Rives Childs (1893–1987) // The Office of the Historian of the U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/departments/history/people/childs-james-rives> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁹⁵ Rives Childs James. Foreign Service Farewell: My Years in the Near East. Charlottesville: University Press of Virginia, 1969. – P. 20.

³⁹⁶ Валькова Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях (1955–1977). М.: «Наука», 1979. – С. 11.

³⁹⁷ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – С. 37–38.

³⁹⁸ دار العلم للملايين بيروت – شبه الجزيرة العربية في عهد الملك عبد العزيز. خير الدين الزركلي. 1992. – ص. 775–781.

протокольных фрагментов, можно обнаружить изложение позиции Эр-Рияда по ключевым вопросам международной и региональной повестки:

1. **США:** в тексте подчёркивалась готовность королевства «обеспечить улучшение отношений, укрепление дружбы и продвижение взаимных экономических и культурных интересов»³⁹⁹, при этом отдельные пункты (3-й, 6-й и 10-й) отводились дружбе, взаимопониманию и экономическому сотрудничеству.
2. **Великобритания:** в 4-м пункте говорилось о сохраняющемся недоверии к англичанам из-за их стремления удержать своё влияние на Ближнем Востоке, а в 5-м – об опасениях, связанных с прямой и косвенной поддержкой Лондоном «врагов Саудовской Аравии»⁴⁰⁰.
3. **СССР:** 7-й пункт свидетельствует о том, что в королевстве на тот момент слабо понимали суть начавшегося противостояния СССР и США. Саудовское руководство расценивало политику Москвы как «косвенную угрозу», видело «прочную связь» между коммунизмом и сионизмом, а также утверждало, что «православная церковь может стать средством русской пропаганды в арабских странах»⁴⁰¹.
4. **Палестина и сионизм:** в 8-м пункте утверждалось, что сионизм «противоречит интересам арабских стран» и угрожает им «с военной и стратегической точек зрения», а в 9-м говорилось о «необходимости освободить американскую политику от влияния местных евреев и сионистской пропаганды», чтобы Вашингтон смог «отличить проблему угнетённых беженцев от политического сионизма»⁴⁰².

В целом же, данный документ можно расценивать как свидетельство о попытках саудовского руководства концептуализировать внешнюю политику королевства. Однако в этих попытках угадывается стремление скорее к решению конкретных задач в рамках *ситуационного управления*, чем к выстраиванию

³⁹⁹ Ibid.: ص. 775.

⁴⁰⁰ Ibid.: ص. 776–777.

⁴⁰¹ Ibid.: ص. 776–778.

⁴⁰² Ibid.: ص. 779–780.

долгосрочных планов на основе государственных интересов и национальных ценностей.

Период правления второго короля – **Сауда ибн Абд аль-Азиза (1953 – 1964 гг.)** – имеет достаточно противоречивые оценки, что связано, прежде всего, с личностью монарха, который прославился неподобающим, по меркам саудовской морали, поведением и, в целом, считался менее способным правителем, чем его младший брат Фейсал⁴⁰³. Однако, несмотря на внутренние проблемы и начавшуюся между двумя братьями борьбу за власть, именно при Сауде развитие внешней политики королевства вышло на следующий уровень.

В 1955 г. Саудовская Аравия приняла участие в Бандунгской конференции, благодаря чему в 1961 г. одной из первых присоединилась к Движению неприсоединения (ДН). В 1957 г. – стала членом Международного валютного фонда (МФВ), эксперты которого предложили программу стабилизации финансового сектора, что спасло королевство от экономического кризиса⁴⁰⁴. В 1960 г. – совместно с Ираном, Ираком, Кувейтом и Венесуэлой создала Организацию стран-экспортёров нефти (ОПЕК), что в будущем дало Эр-Рияду возможность стать одним из ключевых игроков мирового энергетического рынка. В 1962 г. – учредила Лигу исламского мира (ЛИМ), за счёт королевства значительно укрепило своё влияние среди государств Мусульманского Востока.

Тем не менее, в полной мере реализовать свой внешнеполитический потенциал и занять, как того желал Абд аль-Азиз, «ведущую роль в окружающем мировом пространстве»⁴⁰⁵ в период правления Сауда королевство не могло из-за региональных процессов Ближнего Востока, продолжающейся экономической модернизации и проблем, связанных с разногласиями среди членов правящей династии. При этом борьба за власть между Саудом и Фейсалом в конце 1950-х гг. была обусловлена не только внутренними, но и внешнеполитическими факторами.

⁴⁰³ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – С. 77.

⁴⁰⁴ Lacey Robert. The Kingdom. London: Hutchinson, 1981. – P. 319–320.

⁴⁰⁵ عبد العزيز حسين الصويغ / الاسلام في السياسة الخارجية السعودية. عبد العزيز حسين الصويغ. 1992. – ص. 38.

В частности, вскоре после образования Объединённой Арабской Республики (ОАР) в 1958 г. глава сирийской разведки Абд аль-Хамид ас-Саррадж заявил, что представители саудовского короля предложили ему деньги за то, чтобы он послал истребитель сбить самолёт с Гамалем Абд ан-Насером на борту, и в качестве доказательства передал в прессу три чека из Эр-Рияда с суммой почти в 2 млн фунтов стерлингов⁴⁰⁶. Это вызвало огромный резонанс в Саудовской Аравии, недовольство стали проявлять государственные служащие и армейские офицеры, что, как отметил А.М. Васильев, «в высшей степени встревожило» правящую элиту⁴⁰⁷. Противоречия между братьями достигли апогея, для стабилизации ситуации Фейсал, занимавший тогда должность главы совета министров, потребовал от Сауда всю полноту власти и невмешательства в дела исполнительной власти, но получил отказ и подал в отставку. Тогда за Фейсала вступилась группа эмиров во главе с Фахдом ибн Абд аль-Азизом, который 24 марта 1958 г. выдвинул Сауду ультиматум, чтобы тот согласился на требования брата. Король надеялся на поддержку США, но американцы, недовольные внешней и экономической политикой Сауда, остались в стороне, в следствие чего ультиматум был принят, и 31 марта 1958 г. был подписан соответствующий указ⁴⁰⁸.

Фейсал, получив «полную ответственность в наблюдении над осуществлением всей административной власти, касающейся внешних, внутренних и финансовых дел» и став главнокомандующим армии, выступил 18 апреля 1958 г. по радио с заявлением, в котором впервые были обозначены принципы внешней политики Саудовской Аравии⁴⁰⁹:

1. стремление установить дружбу с каждым невраждебным государством;
2. позитивный нейтралитет и внеблоковый статус;
3. сочетание принципов ООН с исламскими традициями.

⁴⁰⁶ De Gaury Gerald. Faisal: King of Saudi Arabia. London: Barker, 1966. – P. 90.

⁴⁰⁷ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 411.

⁴⁰⁸ De Gaury Gerald. Faisal: King of Saudi Arabia. London: Barker, 1966. – P. 93.

⁴⁰⁹ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 413.

Также в речи упоминались сохранявшиеся разногласия с Великобританией и желание наладить контакты с Францией, если Алжиру будет предоставлена независимость.

За достаточно короткий срок Фейсал смог добиться разрядки в отношениях с ОАР, частично стабилизировать финансовое положение и инициировать ряд важных реформ государственного аппарата. Однако возможность в полной мере определять курс внутренней и внешней политики королевства он обрёл лишь после второго этапа борьбы за власть 1960–1962 гг., окончившегося, по сути, дворцовым переворотом и окончательным низложением Сауда в ноябре 1964 г.⁴¹⁰

Период правления **Фейсала ибн Абд аль-Азиза (1964 – 1975 гг.)** весьма подробно описан как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Третий король по праву считается не только выдающимся реформатором, благодаря которому страна «совершила скачок из средневековья в XX век»⁴¹¹, но и «одним из величайших арабских лидеров своего времени»⁴¹². Под его руководством доходы от нефти начинают активно использоваться не только для внутреннего развития королевства, но и для продвижения интересов на международной арене. Также при Фейсале происходит концептуальное оформление саудовской внешней политики, в которой утвердились три базовых принципа: 1) «*арабская солидарность*», 2) «*исламская солидарность*» и 3) «*позитивный нейтралитет*».

С одной стороны, данный выбор был обусловлен саудовским видением конъюнктуры «холодной войны». В одной из своих монографий Г.Г. Косач отметил, что система международных отношений того периода, проходя через призму исламской традиции, трансформировалась в *дар ас-салям* – Мусульманский Восток, *дар аль-'ахд* – «западный блок» во главе с США и *дар аль-*

⁴¹⁰ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – С. 133.

⁴¹¹ Яковлев А.И. Фейсал: Король-реформатор. М.: Российский центр стратегических и международных исследований, 1999. – С. 4.

⁴¹² Васильев А.М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М.: «Восточная литература», 2010. – С. 2.

харб – «сил коммунизма, сионизма и империализма», центрами которого для Саудитов были, прежде всего, СССР и Израиль⁴¹³. С другой же, ориентация на Движение неприсоединения и арабо-мусульманское сообщество отвечало прагматическим задачам Эр-Рияда, т.к. «позитивный нейтралитет» и неучастие в военных блоках глобальной конфронтации Москвы и Вашингтона давали Саудовской Аравии возможность сохранять значительную долю свободы в принятии внешнеполитических решений и не ограничивать себя идеологическими рамками в развитии двусторонних связей.

Таким образом, отличительной чертой внешнеполитического курса КСА к началу 1970-х гг. становится «*живое сочетание морали и реализма*», суть которого подробно описана в одной из работ Низара ибн Убейда Мадани – выдающегося саудовского дипломата и учёного-международника, занимавшего пост государственного министра иностранных дел в 2005–2018 гг. Согласно статье Мадани от 1981 г., все три базовых принципа внешней политики королевства «опирались на то, что оно является частью арабской и мусульманской *уммы*» и «занимает центральное положение в исламском мире», что «обязывает нести знамя исламской солидарности»⁴¹⁴. Также в тексте говорится, что «саудовская дипломатия постоянно работает в направлении сохранения общеарабской солидарности как в *Магрибе*, так и в *Машрике*», однако основной целью внешней политики называется обеспечение «взаимодействия с другими государствами на основе искреннего взаимоуважения» и «реализации собственных национальных интересов»⁴¹⁵. Особое место в статье отводится «позитивному нейтралитету», который, по словам Мадани, обязывал Саудовскую Аравию «препятствовать иностранному вмешательству в дела стран третьего мира» и «удерживать арабские и мусульманские государства от участия в американо-советском противостоянии»⁴¹⁶.

⁴¹³ Косач Г.Г. Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2008. – С. 33.

⁴¹⁴ مجلة الدبلوماسية // المراكز الأساسية لسياسة المملكة العربية السعودية الخارجية. نزار بن عبيد مدني. – 1981. – № 1. – ص. 67–72.

⁴¹⁵ Ibid.

⁴¹⁶ Ibid.

Вместе с тем, Фейсал, который де-факто был ключевой фигурой в развитии саудовской дипломатии с 1930 г., понимал, что сохранить полный нейтралитет в условиях «холодной войны» не получится, но даже при явном крене в сторону США король стремился диверсифицировать связи. В частности, в 1970-е гг. Эр-Рияд, помимо укрепления сотрудничества на арабо-мусульманском направлении, активно развивал торгово-экономические отношения с Великобританией, Францией и ФРГ. Однако основным партнёром Саудовской Аравии всё-таки оставались США.

Даже «нефтяное эмбарго» 1973–1974 гг. не сказалось существенным образом на американо-саудовском партнёрстве. Как минимум, согласно свидетельствам генерального директора Aramco Фрэнка Джангера, высшее руководство королевства не планировало национализацию компании, а лишь хотело обрести долю и «стать серьёзным участником правления»⁴¹⁷. Также, по утверждениям на слушаниях Конгресса зампредседателя правления Social Джорджа Мэтью Келлера, в мае 1973 г. на встрече акционеров Aramco в Женеве Фейсал предупредил собравшихся, что, в случае начала очередной региональной войны, Эр-Рияд будет вынужден занять антиизраильскую позицию, но не по идеологическим соображениям, а из-за «угрозы изоляции со стороны своих арабских друзей»⁴¹⁸. Более того, в своих мемуарах, опубликованных только в 2013 г., Ф. Джангерс писал, что Саудовская Аравия тайно нарушила эмбарго и разрешила использовать свою нефть силам ВМФ США, находившимся в Персидском заливе⁴¹⁹.

Основным результатом развития американо-саудовских отношений стала активизация военно-технического сотрудничества между странами. К 1977 г. Саудовская Аравия, как отметил в своём исследовании А.И. Ас-Самак, стала

⁴¹⁷ Jungers F. American perspectives of Aramco, the Saudi-Arabian oil-producing company, 1930s to 1980s: oral history transcript. Los Angeles: University of California Press, 1995. – P. 89.

⁴¹⁸ Multinational Corporations and US Foreign Policy: Hearings before the Subcommittee on Multinational Corporations of the Committee of Foreign Relations, United States Senate, Ninety-Third Congress (Part 7). Washington D.C.: US Government Printing Office, 1974. – P. 416.

⁴¹⁹ Jungers F. The Caravan Goes On: How Aramco and Saudi Arabia Grew Up Together. Medina: Medina Publishing, 2013. – P. 157.

одним из крупнейших покупателей вооружения из США⁴²⁰. В частности, в 1973 г. при Организации содействия безопасности США (OPM-SANG – Office of the Program Manager, Saudi Arabian National Guard Modernization Program) в КСА был открыт функционирующий по сей день офис программы модернизации саудовской Национальной гвардии⁴²¹.

Знаковым событием стала состоявшаяся в Вашингтоне 6 июня 1974 г. встреча эмира Фахда с госсекретарём Генри Киссинджером, по итогам которой между сторонами было подписано знаковое соглашение о широкомасштабном военном и экономическом сотрудничестве, которое, по словам Фахда и Киссинджера, «ознаменовало начало эпохи более тесных отношений»⁴²². Немногим позже, 14 июня, состоялся визит Ричарда Никсона в Саудовскую Аравию, где он провёл переговоры с королём. В письме от 25 июня 1974 г. Никсон также отметил значимость соглашения: «Ваше Величество, я убежден, что в последние месяцы мы стали свидетелями поворотного момента в истории Ближнего Востока — поворота к почётному, справедливому и прочному миру — и открыли новую эру в американо-арабских отношениях»⁴²³.

И хотя король Фейсал, как отметил А.И. Яковлев, попытался определить границу «особых отношений» между Саудовской Аравией и США, заявив, что Эр-Рияд не хочет «ничего, что задевало бы Америку», а «США не должны делать ничего, что задевало бы нас и арабский мир»⁴²⁴, именно активизация военно-технического сотрудничества в рамках соглашения 1974 г. заложила основу модели «нефть в обмен на безопасность», которая, во многом, определила вектор дальнейшего развития внешней политики королевства и, несмотря

⁴²⁰ Ас-Самак, А.И. Фейсал и внешняя политика Королевства Саудовская Аравия: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Москва: ИВ РАН, 2014. – С. 109.

⁴²¹ Останин-Головня В.Д., Стукалов Е.Н. Структура, задачи и основные направления деятельности национальной гвардии Саудовской Аравии // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2020. №2 (4). – С. 30.

⁴²² Memorandum of Conversation Between Secretary of State Henry A. Kissinger and Prince Fahd ibn Abd al-Aziz Al Saud, June 6, 1974, The Oval Office, The White House // Gerald R. Ford Presidential Library. URL: https://www.fordlibrarymuseum.gov/sites/default/files/pdf_documents/library/document/0314/1552718.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

⁴²³ Letter from President Nixon to King Faisal of Saudi Arabia (Washington, June 25, 1974) // The Historian of the U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve09p2/d114> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴²⁴ Яковлев А.И. Фейсал: Король-реформатор. М.: Российский центр стратегических и международных исследований, 1999. – С. 214.

на недовольство и публичную критику со стороны саудовских элит, сохраняет свою актуальность по сей день⁴²⁵.

2.2. Развитие ключевых направлений внешней политики Саудовской Аравии

В наши дни Саудовская Аравия является членом многих международных, региональных и религиозных организаций, что отвечает стратегии продвижения национально-государственных интересов в рамках *«живого сочетания морали и реализма»* и, во многом, соотносится с базовыми концептуальными принципами внешней политики королевства (*«арабская солидарность»*, *«исламская солидарность»* и *«позитивный нейтралитет»*). При этом, приоритетными задачами на протяжении нескольких десятилетий остаются укрепление престижа среди государств «исламского мира», а также утверждение лидерства на Арабском Востоке за счёт т.н. «нефтедолларовой политики»⁴²⁶. Однако развитие ключевых направлений внешней политики Эр-Рияда прошло несколько этапов, каждый из которых обладал своей спецификой и находился под влиянием факторов, обусловленных как динамикой региональных процессов, так и изменениями международной конъюнктуры.

Развитие арабо-мусульманского направления

1979 г., как уже говорилось в третьем параграфе первой главы, допустимо рассматривать не только в качестве нижней хронологической границы «исламского пробуждения», но и как отправную точку трансформации политико-идеологического ландшафта Ближнего и Среднего Востока. События этого года – революция в Иране, теракт в Мекке и ввод советского контингента в Афганистан – ознаменовали перемены и в политическом развитии Саудов-

⁴²⁵ Останин-Головня В.Д. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях на современном этапе // Геоэкономика энергетики. 2022. Т. 19, № 3. – С. 61–62.

⁴²⁶ Валькова Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях (1955–1977). М.: «Наука», 1979. – С. 162.

ской Аравии. После убийства короля Фейсала в марте 1975 г. на престол вошёл его сводный брат – **Халид ибн Абд аль-Азиз (1975–1982 гг.)**, и, хотя, по оценке американского политолога Уильяма Б. Квандта, он не был «эффективным лидером», именно при его правлении под фактическим руководством наследного принца Фахда ибн Абд аль-Азиза во внутренней и внешней политике королевства произошли коренные изменения⁴²⁷.

С одной стороны, в период правления Халида снизился уровень противоречий внутри правящей династии, продолжались начатые Фейсалом реформы, происходило бурное развитие гражданской инфраструктуры, росло общее благосостояние королевства. К началу 1980-х гг. Саудовская Аравия стала одной из самых развитых стран Арабского Востока и вошла в число богатейших государств мира, чему способствовало постоянное увеличение нефтяных доходов с \$40 млрд в 1977 г. до \$90 млрд в 1980 г.⁴²⁸ Важнейшим событием здесь стало завершение покупки Aramco 9 марта 1980 г., которая, тем не менее, ещё 8 лет функционировала в соответствии с корпоративным правом США, что, по словам первого саудовского гендиректора компании Али ан-Наими, создало «забавную ситуацию, когда Саудиты законно владели Aramco, но та продолжала работать согласно законам штата Делавэр»⁴²⁹. Так или иначе, в 1988 г. компания окончательно перешла под контроль КСА, получив своё современное название – Saudi Aramco, и начала трансформацию из концессионной экспортоориентированной добывающей корпорации в «интегрированное нефтяное предприятие»⁴³⁰.

С другой стороны, на правление Халида пришлось и крупные потрясения, которые вынудили руководство королевства пересмотреть практически весь политический курс. 26 ноября 1979 г. в Аль-Хасе и Аль-Катифе начались

⁴²⁷ Quandt William B. Saudi Arabia in the 1980s: Foreign Policy, Security, and Oil. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1981. – P. 79–80.

⁴²⁸ Ochsenwald William. Saudi Arabia and The Islamic Revival // International Journal of Middle East Studies. 1981. Vol. 13, No. 3. – P. 271.

⁴²⁹ Al-Naimi Ali. Out of the Desert: My Journey from Nomadic Bedouin to the Heart of Global Oil. London: Portfolio Penguin, 2016. – P. 119.

⁴³⁰ Our history: Driven by the curiosity to explore // Saudi Aramco. URL: <https://www.aramco.com/en/about-us/our-history#transformation> (дата обращения: 10.01.2025).

демонстрации местных шиитов, недовольных запретом на публичное празднование Дня Ашура и требовавших обеспечения прав на религиозную свободу и улучшения качества жизни⁴³¹. Достаточно быстро стихийные протесты переросли в вооружённые столкновения, что вынудило власть действовать куда решительнее, и по королевству прокатилось несколько волн массовых арестов. Выяснилось, что за беспорядками стояла «Организация за Исламскую революцию на Аравийском полуострове» (ОИРАП) во главе с шиитским шейхом Хасаном ас-Саффаром. После разгона демонстраций лидеры ОИРАП бежали из королевства в Иран и Европу, а в 1980 г. активисты Организации начали издавать в Лондоне «Журнал Исламской революции», в котором публиковались программные тексты, явно вдохновлённые идеями хомейнизма⁴³². Для саудовских властей всё это было явным свидетельством если не прямой вовлечённости Ирана, то, как минимум, его заинтересованности в развитии протестного движения среди шиитов королевства.

При этом, жёсткий ответ со стороны руководства КСА был спровоцирован тем, что протесты шиитов в Восточной провинции происходили на фоне вооружённого восстания в Хиджазе, количество участников которого достигало 3,5 тыс.⁴³³ Однако, если наступление мятежников на Медину удалось остановить, то события в Мекке обернулись настоящей катастрофой, грозившей не только падением имиджа Саудитов в «исламском мире», но и полномасштабной внутренней дестабилизацией.

События 20 ноября – 4 декабря 1979 г. вошли в историю как крупнейший теракт за всё время существования Саудовской Аравии. Около 500 радикальных салафитов во главе с фанатиком-махдистом Джухайманом аль-Утайби захватили Мечеть аль-Харам и взяли в заложники почти 6 тыс. человек. Король Халид находился в Эр-Рияде, но наследный принц Фахд, который де-факто

⁴³¹ Федорченко А.В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос» // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2 (29). – С. 109.

⁴³² Al-Mdaires F.A. Islamic Extremism in Kuwait: From the Muslim Brotherhood to Al-Qaeda and other Islamic Political Groups. Abingdon: Taylor & Francis, 2010. – P. 200.

⁴³³ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 463.

руководил правительством, и глава Службы общей разведки Турки ибн Фейсал в тот момент были в Тунисе на 10-ом саммите ЛАГ, им пришлось срочно вернуться. Для проведения контртеррористической операции на территории важнейшего для всех мусульман культового объекта потребовалось две «чрезвычайные *фетвы*» от ведущих *алимов* королевства, т.к. исламская традиция запрещает прибегать к насилию и использовать оружие близ *Каабы*. По итогу осады и штурма 63 террориста, включая Джухаймана аль-Утайби, были взяты живым, и 9 января 1980 г. всех их публично обезглавили на площадях восьми крупнейших городов.

Примечательно, что ключевую роль в организации казни сыграл губернатор Эр-Рияда эмир Салман ибн Абд аль-Азиз – нынешний король Саудовской Аравии. Британский историк Роберт Лейсли, проживавший в конце 1970-х гг. в Джидде, отметил в своей монографии, что показательная экзекуция несла народу недвусмысленное послание – «мятежники являются не героями, а предателями страны и веры», для элиты королевства это стало напоминанием – «лояльность Саудитам важнее родственных и племенных связей»⁴³⁴. Во многом, эти сигналы определили суть и содержание последовавших реформ, в ходе которых, по словам бывшего американского посла Дж.Б. Смита, «Саудовская Аравия начала становиться ультраконсервативным государством»⁴³⁵.

В марте 1980 г. по указу короля Халида под началом эмира Наифа ибн Абд аль-Азиза, занимавшего пост министра внутренних дел в 1975–2011 гг., был учреждён комитет по кодификации законов и разработке Основного *низама* [уложения – *В.Д.*] правления (араб. *النظام الأساسي للحكم*) на базе «исламских ценностей»⁴³⁶. Работа затянулась на 12 лет и окончательный вариант документа был утверждён уже при правлении следующего короля – **Фахда ибн**

⁴³⁴ Lacey Robert. The Kingdom. London: Hutchinson, 1981. – P. 35.

⁴³⁵ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – С. 145.

⁴³⁶ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 553.

Абд аль-Азиза (1982 – 2005 гг.). Однако сама инициатива по разработке Основного *низама* правления ознаменовала собой начало кардинальных перемен в политическом развитии королевства:

1. **Во внутренней политике** процессу «*исламизации снизу*», сопровождавшемуся радикализацией шиитских движений и подъёмом радикальных салафитов, был противопоставлена «*исламизации сверху*», в рамках которой Саудиты стремились усилить контроль государства над религиозными институтами.
2. **Во внешней политике** началось отхождение от «позитивного нейтралитета» в рамках «живого сочетания морали и реализма» в сторону активизации регионального курса и утверждения лидерства на арабо-мусульманском направлении.

Примечательно, что для обеих тенденций характерной чертой стало то, что позже в научном дискурсе назовут «*секьюритизация религии*», т.к., с учётом этноконфессиональной и культурно-исторической специфики королевства, Саудитам было крайне трудно сохранить внутреннюю стабильность и обеспечить национальную безопасность без пересмотра подхода к религиозной политике как во внутренней, так и во внешней сферах.

Также важным этапом начавшихся реформ стали преобразования в МИД Саудовской Аравии, которые, по выражению Г.Г. Косача, «во многом приблизили эту структуру к её современной форме»⁴³⁷. По указу №77/1 от 1980 г. увеличивалась численность штата, отделения в Мекке и Джидде дополнились филиалом в Даммаме – центральном городе нефтяной индустрии королевства, а вместо небольших отделов в министерстве были сформированы семь департаментов (политический, экономический, дипломатический, консульский, протокольный, международных организаций и стратегического планирования), которые функционируют по сей день⁴³⁸. Немногим позже был издан указ

⁴³⁷ Косач Г.Г. Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2008. – С. 39.

⁴³⁸ وزارة الخارجية السعودية // الهيكل التنظيمي للوزارة. URL: <https://www.mofa.gov.sa/ar/ministry/Pages/hierarchy.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

№77/2, расширивший канцелярию главы МИД управлениями беспроводной связи, информации и финансового контроля, а также передавший под контроль министра Институт дипломатических исследований⁴³⁹. В целом же, всё это было направленно на повышение эффективности главного внешнеполитического ведомства королевства.

ССАГЗ и пересмотр регионального вектора:

Что касается практических шагов и пересмотра регионального курса Саудовской Аравии, приоритетной задачей которого стало поддержание стабильности и утверждение лидерства Эр-Рияда в зоне Залива, то центральным событием здесь стало создание Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), куда вошли все страны титульного субрегиона, за исключением Ирана и баасистского Ирака.

25 мая 1981 г. в Абу-Даби на саммите шести государств – Саудовской Аравии, ОАЭ, Омана, Катара, Кувейта и Бахрейна – был принят Основной устав ССАГЗ, в преамбуле которого особый акцент был сделан на «узах особых отношений», «схожих системах, основанных на вероучении ислама», а также желании «осуществлять координацию сотрудничество и интеграцию» ради «возвышенным целей арабской *уммы*»⁴⁴⁰. Также в официальных документах Совета, посвящённых принципам и целям, говорится, что «решение [о создании организации – *В.Д.*] было не сиюминутным, а институциональным воплощением исторической, социальной и культурной реальности, где страны ССАГЗ обладают глубокими религиозными связями и родственной близостью граждан», однако «Совет представляет собой практический ответ на вызовы безопасности и развития, а также на стремление народов к региональному

⁴³⁹ 52. ص. – 1990، مركز الخليج للابحاث: جدة. – محمد عمر مدنى / العلاقات الدبلوماسية للمملكة العربية السعودية. محمد عمر مدنى

⁴⁴⁰ مجلس التعاون لدول الخليج العربية // النظام الأساسي لمجلس التعاون URL: <https://gcc-sg.org/ar-sa/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

арабскому единству после того, как его оказалось невозможным достичь на общеарабском уровне»⁴⁴¹.

С одной стороны, подобные формулировки отражают изменения в политико-идеологическом ландшафте Арабского Востока. К началу 1980-х гг., после начала «Исламистского восстания» 1976–1982 гг. в Сирии, провозглашения Ливийской Джамахирии в 1977 г., подписания Египтом мирного договора с Израилем в марте 1979 г. и окончательного захвата власти в Ираке Саддамом Хусейном в июле 1979 г., панарабский проект, как отметил В.В. Наумкин, стал терять свою привлекательность и мобилизующую силу⁴⁴². Усиление конкуренции между несколькими арабскими республиками – Египтом, Ливией, Сирией и Ираком – за право считаться лидером общеарабского дела явно сыграло не последнюю роль в повороте арабских монархий Залива от «классического» панарабизма к «региональному арабскому единству» на основе «глубоких религиозных связей и родственной близости».

С другой стороны, создание ССАГЗ имело практическую основу, которая обуславливалась рядом факторов. Во-первых, окончательный уход Великобритании из Персидского залива в 1971 г. дал Саудовской Аравии возможность вывести отношения со своими соседями на новый уровень, фундаментом будущего интеграционного проекта стала значительная экономическая и политическая поддержка со стороны Эр-Рияда получившим независимость Оману, ОАЭ, Катару и Бахрейну⁴⁴³. Во-вторых, помимо очевидных взаимных интересов на мировом рынке нефти, арабские монархии Залива, в силу общих политических, экономических и культурных свойств, обладали схожими позициями относительно региональной безопасности⁴⁴⁴. Прежде всего, опасения

⁴⁴¹ مجلس التعاون لدول الخليج العربية // المنطلقات والأهداف URL: <https://www.gcc-sg.org/ar-sa/AboutGCC/Pages/StartingPointsAndGoals.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁴² Наумкин В.В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти // Полит. Политические исследования. 2021. № 6. – С. 56.

⁴⁴³ Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2003. – С. 78.

⁴⁴⁴ Демченко Д.А. Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива: автореф. дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04. – Пятигорск: ПГУ, 2020. – С. 18.

у членов Совета вызвала активизация исламистских движений в лице «Братьев-мусульман» и местных шиитов, а также резкого обострения отношений между Багдадом и Тегераном в начале 1980 г., которое позже приведёт к затяжной Ирано-иракской войне 1980–1988 гг.

Таким образом, наличие общей концептуальной платформы, взаимных экономических интересов и схожих позиций в сфере региональной безопасности заложили прочную основу для создания ССАГЗ. Однако, как отметила в одной из своих работ Е.С. Мелкумян, если на подписание документов об экономическом сотрудничестве ушло несколько месяцев, то подготовка соглашения о единой оборонной стратегии, несмотря на приоритетность данного направления, затянулась до ноября 1984 г.⁴⁴⁵ Задержка была обусловлена как возникшими разногласиями вокруг вопроса об участии иностранных государств (прежде всего, США и Великобритании) в обеспечении безопасности членов Совета, так и тем, что Саудовская Аравия, имея наибольший военный потенциал среди монархий Залива, стремилась ускорить процесс и навязывала соседям своё видение итогового результата, который предполагал создание единого командования и унификацию вооружения, т.е. де-факто интеграцию национальных вооружённых сил, что превратило бы ССАГЗ из интеграционного объединения в полноценный военно-политический блок.

Тем не менее, в 1981 г. по инициативе Совета министров ССАГЗ в Эр-Рияде была проведена встреча начальников штабов вооружённых, на которой было принято решение о проведении первых совместных учений на территории ОАЭ в октябре 1983 г., а также утверждены концептуальные основы сотрудничества в сфере безопасности⁴⁴⁶:

⁴⁴⁵ Мелкумян Е.С. Роль Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в обеспечении региональной безопасности // Ближний Восток: Проблемы региональной безопасности (сборник статей). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – С. 51–52.

⁴⁴⁶ مجلس التعاون لدول الخليج العربية // العمل العسكري المشترك: البدايات والأهداف URL: <https://www.gcc-sg.org/ar-sa/CooperationAndAchievements/Achievements/Pages/main.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

1. **реализация права на самооборону** в соответствии с уставами ООН и ЛАГ посредством **коллективной обороны** в случае вооружённого нападения или подобной угрозы против одного из членов ССАГЗ;
2. **повышение коллективного потенциала** в обеспечении безопасности путём **развития собственных вооружённых сил** в рамках двустороннего сотрудничества с региональным и внерегиональными союзниками.

Согласно изложенным принципам в 1982 г. был основан совместный контингент Объединённого военного командования государств ССАГЗ, который в 2005 г. по инициативе саудовского короля Абдаллы ибн Абд аль-Азиза был переименован в «Щит полуострова».

Во многом, данное решение носило характер компромисса и позволило Совету избежать превращения в военно-политический блок. Однако, с учётом обстановки в регионе и международной конъюнктуры того периода, образование ССАГЗ через призму внешнеполитического курса Саудовской Аравии допустимо расценивать как один из первых успехов Эр-Рияда на пути формирования «суннитского блока» в противовес иранской доктрине экспорта Исламской революции. В пользу подобной точки зрения свидетельствует тот факт, что до конца 1980-х гг. именно КСА играло ведущую роль в развитие совместного контингента, в то время как остальные члены Совета демонстрировали явное нежелание отказываться от национального контроля над оборонной политикой на фоне очевидного доминирования Саудовской Аравии в данной области.

Так или иначе, само наличие военной структуры при ССАГЗ и финансовая поддержка саддамовского Ирака в ходе Первой войны в Заливе 1980–1988 гг. позволили Саудитам не только сработать на ограничение влияния Исламской Республики в зоне Залива, но и продемонстрировать эффективность собственного варианта практической реализации принципа «арабской солидарности» в рамках отельного субрегиона.

ОИС и активизация религиозного вектора:

Вместе с тем, прямое военное столкновение двух конкурентов Саудовской Аравии за лидерство в зоне Залива в лице Ирака и Ирака на фоне актуализации исламского фактора на уровне государственной политики в период 1970-х – 1980-х гг. предоставило Саудовской Аравии возможность активизировать в своей внешней политике не только региональный, но и религиозный вектор. Знаковым событием здесь стала третья конференция ОИК (после 2011 г. – ОИС) на высшем уровне, которая проходила в Мекке и Эт-Таифе.

В общей сложности, участие приняли 39 стран из числа членов Организации и делегация ООП. Однако по геополитическим и идеологическим причинам не были представлены такие крупные мусульманские государства, как⁴⁴⁷:

1. **Египет:** членство в ОИК было приостановлено из-за подписания мирного договора с Израилем 26 марта 1979 г.
2. **Демократическая Республика Афганистан:** членство в ОИК было приостановлено из-за запроса военной помощи СССР после мятежа в Герате 15–22 марта 1979 г., поэтому, вместо официальной делегации ДРА, в конференции участвовали представители афганских моджахедов.
3. **Ливия:** публичная критика саудовского руководства со стороны Муаммара Каддафи привела к разрыву дипломатических отношений между странами незадолго до начала конференции.
4. **Иран:** официальное приглашение было направлено, но из-за острых противоречий с Саудовской Аравией, войны с Ираком и напряжённой внутренней обстановки Тегеран отказался от участия.

Таким образом, отсутствие основных конкурентов за влияние в «исламском мире» в лице Египта, Ливии и Ирана дало Саудитам возможность продвинуть собственную повестку и значительно укрепить имидж королевства среди членов Организации.

⁴⁴⁷ Валькова Л.В. Саудовская Аравия: нефть, ислам, политика (1975–1985). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – С. 80.

В данном контексте особый интерес вызывает пункты 32 и 33 заключительного коммюнике третьего саммита ОИК на высшем уровне, согласно которым *«Конференция постановила полностью соблюдать принципы отказа от прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела и воздерживаться от подстрекательства к мятежу и распространения розни...»*, а также *«...решила приложить все усилия для устранения идеологических и конфессиональных противоречий, сделав акцент на основных духовных, моральных и социальных ценностях, объединяющих всем мусульман...»*⁴⁴⁸. Суть и содержание данных пунктов раскрываются в Резолюция 4/3 под заголовком «Об исламской солидарности» из раздела политических решений саммита⁴⁴⁹.

Конечно, большинство формулировок в документе носит достаточно общий характер. Однако, с учётом сложившейся к тому времени ситуации в регионе, многие выражения обретают иную трактовку. Например, *«подстрекательства к мятежу и распространения розни»* в контексте конфронтации Саудовской Аравии и Ирана напрямую отсылают к доктрине экспорта Исламской революции, получившей юридическое оформление в качестве одной из приоритетных внешнеполитических задач Тегерана в преамбуле Конституции ИРИ 1979 г.⁴⁵⁰ В свою очередь, тезис об *«устранении идеологических и конфессиональных противоречий»* на основе *«духовных, моральных и социальных ценностях, объединяющих всем мусульман»* дал саудовскому руководству фундамент для дальнейшего развития инструментов «мягкой силы» и продвижения собственных религиозных нарративов в противовес политико-идеологической пропаганде оппонентов.

Можно сказать, что к началу 1980-х гг. религиозный вектор внешней политики Саудовской Аравии был нацелен на формирование своего имиджа в качестве, как это удачно сформулировано в монографии Г.Г. Косача и Е.С.

⁴⁴⁸ منظمة التعاون الإسلامي // البيان الختامي لمؤتمر القمة الإسلامي الثالث URL: https://ww1.oic-oci.org/arabic/conf/is/3/3rd-summit.htm#البيان_الختامي (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁴⁹ منظمة التعاون الإسلامي // قرار 3/4 س (ق أ) بشأن التضامن الإسلامي URL: https://ww1.oic-oci.org/arabic/conf/is/3/3rd-summit.htm#قرار_3/4_س (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁵⁰ Constitution of the Islamic Republic of Iran 1979 // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/7697> (дата обращения: 10.01.2025).

Мелкумян, ведущего «центра силы» Мусульманского Востока по праву «храмительницы» святынь Мекки и Медины⁴⁵¹. При этом особый акцент в продвижении позитивного образа королевства делался на противопоставлении саудовского пути поступательного развития при сохранении традиционной культуры и иранской «модели революционных изменений» с претензией на моральное лидерство среди государств «исламского мира»⁴⁵².

Региональный и религиозный векторы

Таким образом, события 1979 г. допустимо расценивать как отправную точку трансформации политического развития Саудовской Аравии, а создание ССАГЗ и проведение третьей конференции ОИК на высшем уровне в 1981 г. – в качестве символического утверждения новых приоритетов во внешнеполитическом курсе Эр-Рияда на двух основных векторах:

1. **Региональный вектор:** утверждение лидерства Саудовской Аравии на Арабском Востоке и поддержание стабильности в зоне Залива.
2. **Религиозный вектор:** продвижение имиджа королевства как ведущего «центра силы» Мусульманского Востока и главного защитника традиционных исламских ценностей.

Основным инструментом Эр-Рияда по развитию регионального вектора с середины 1980-х гг. стал ССАГЗ, являющийся многофункциональной организацией, целью которой является не только экономическая интеграция, но и обеспечение безопасности в рамках единой оборонной политики⁴⁵³. В частности, в период Второй войны в Заливе 1990–1991 г. Совет задействовал контингент «Щита полуострова» численностью около 3 тыс. человек в ходе операции по

⁴⁵¹ Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2003. – С. 81.

⁴⁵² Chubin Shahram, Tripp Charles. Iran-Saudi Arabia Relations and Regional Order: Iran and Saudi Arabia in the Balance of Power in the Gulf. Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 61.

⁴⁵³ Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 1. – С. 117.

освобождению Кувейта, что придало импульс к развитию механизмов коллективной защиты арабских монархий в данном регионе⁴⁵⁴.

Что касается религиозного вектора, то, после активизации исламской компоненты в политике Саудовской Аравии в период 1980-х гг., на которые пришлась финальная стадия «холодной войны», в 1990-х гг. перед Эр-Риядом открылись широкие возможности для реализации внешнеполитического курса. Распад СССР, а затем и Югославии, значительно расширил политическую географию «исламского мира» за счёт появления на карте новых государств с преимущественно мусульманским населением. Арабские монархии Залива, Иран и Турция начали устанавливать отношения с независимыми республиками Постсоветского Востока и мусульманскими общинами на Балканах и, что позволило им не только укрепить свой имидж, но и получить больше влияния за пределами традиционной сферы интересов⁴⁵⁵.

В контексте анализа внешней политики Саудовской Аравии необходимо отметить, что данное взаимодействие имело двойственный характер. С одной стороны, на уровне публичной дипломатии Саудиты демонстрировали щедрость посредством спонсирования строительства мечетей, деятельности духовных центров и религиозных образовательных учреждений. С другой стороны, инструменты и каналы финансирования перечисленных структур в ряде случаев использовались в целях поддержки различных экстремистских и террористических группировок радикальных исламистов, действовавших на Балканах, Ближнем и Постсоветском Востоке, что дало повод для критики руководства Саудовской Аравии и сильно ударило по имиджу королевства на международной арене.

Во многом, обвинения в адрес Саудовской Аравии относительно поддержки исламистского терроризма в 1990-х – 2000-х гг. опирались на тот факт, что в период Афганской войны 1979–1989 гг. королевство являлось вторым,

⁴⁵⁴ Singh R.S.N. Asian strategic and military perspective. New Dehli: Lancer, 2005. – P. 375.

⁴⁵⁵ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идеино-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: этноконфессиональный фактор и проблема экстремизма // Вестник Российской нации. 2022. № 6 (88). – С. 75–76.

после США, спонсором по объёму финансирования моджахедов. Известно, что с 1984 по 1986 гг. Эр-Рияд выделил повстанцам около \$525 млн, а в 1989 г. согласился взять на себя 61% (\$436 млн) от дотации в \$715 млн, анонсированной Вашингтоном⁴⁵⁶. По некоторым подсчётам за период 1980-х гг. Саудовская Аравия в общей сложности потратила на поддержку афганских моджахедов примерно \$3 млрд, а США – \$3,3 млрд. Однако на Постсоветском Востоке в 1990-х гг. активная политика Эр-Рияда, как отметил в одной из своих статей А.И. Яковлев, велась, прежде всего, «с целью упрочнения своего влияния», а исламская компонента играла в этом «сугубо демонстративную роль», в то время как ключевым фактором выступали экономические и политические интересы⁴⁵⁷.

Примечательно, что среди самых влиятельных членов Аль Сауд «главным гарантом приверженности королевской семьи ваххабизму» и «ответственным лицом» в сфере религиозной благотворительности долгое время выступал ныне правящий Салман ибн Абд аль-Азиз, который не редко жертвовал личные средства на строительство мусульманских школ по всему миру⁴⁵⁸. Однако в ходе совместного расследования ЦРУ и ФБР было установлено, что никто из числа высших должностных лиц Саудовской Аравии не имел прямого отношения к деятельности исламистских радикалов и экстремистов, что, тем не менее, не исключало предполагаемой причастности чиновников нижних рангов и влиятельных подданных королевства.

Отдельно в контексте развития внешнеполитического курса Саудовской Аравии в период 1990-х гг. следует упомянуть ситуацию в соседнем Йемене. Саудиты исторически рассматривали Йемен как зону своих стратегических интересов. Это объясняется не только географической близостью двух госу-

⁴⁵⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2021. – С. 432.

⁴⁵⁷ Яковлев А.И. Исламский фактор в политике Саудитов в 90-е годы XX в. // Ближний Восток: Проблемы региональной безопасности (сборник статей). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – С. 68.

⁴⁵⁸ Hope Bradley, Scheck Justin. Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. New York: Hachette Books, 2020. – P. 49.

дарств, но и их глубокими историческими, культурными и религиозными связями. Особое значение для Эр-Рияда всегда имел религиозный фактор, поскольку королевство позиционирует себя как защитник «истинного» ислама, а Йемен традиционно был местом, где пересекались различные течения ислама, включая зейдизм, шафиитский суннизм и суфизм⁴⁵⁹. В этом контексте события, связанные с объединением Йемена в 1990 г. и последующей гражданской войной 1994 г., стали важным этапом в развитии внешнеполитической стратегии Саудовской Аравии, особенно с точки зрения использования религиозного фактора для достижения своих целей.

До объединения Йемен представлял собой два отдельных государства: Йеменскую Арабскую Республику (Северный Йемен) и Народную Демократическую Республику Йемен (Южный Йемен). В то время как Северный Йемен был преимущественно зейдитским (шиитское течение), Южный Йемен находился под влиянием социализма и считался светским государством. Эти различия создавали сложную религиозно-политическую картину, которую Саудовская Аравия стремилась использовать в своих интересах. Северный Йемен получал финансовую помощь и инвестиции от Эр-Рияда, что способствовало укреплению позиций про-саудовских сил. В отношении Южного Йемена подход был иным: его социалистическая ориентация воспринималась как идеологическая угроза, и Саудовская Аравия стремилась минимизировать его влияние, поддерживая консервативные религиозные группы внутри страны⁴⁶⁰.

Объединение Йемена в 1990 г. произошло на фоне значительных изменений в мировой политике, включая окончание холодной войны и распад советского блока. Для Саудовской Аравии это событие стало двойственным вызовом. С одной стороны, формально объединённое государство могло стать более управляемым партнёром, способным противостоять региональным

⁴⁵⁹ Lacroix Stéphane. *Awakening Islam: The Politics of Religious Dissent in Contemporary Saudi Arabia*. Cambridge: Harvard University Press, 2011. – P. 238–240.

⁴⁶⁰ Halliday Fred. *Revolution and Foreign Policy: The Case of South Yemen, 1967–1987*. New York: Cambridge University Press, 1990. – P. 154–157.

угрозам, таким как влияние Ирана или марксистские движения. С другой стороны, внутренние противоречия между северным (зейдитским) и южным («суннитско-социалистическим») Йеменом создавали почву для дестабилизации, которая могла распространиться на территорию самого королевства. Именно в этот период религиозный фактор стал одним из ключевых инструментов внешнеполитического курса Саудовской Аравии, направленного на поддержание стабильности в регионе.

Саудовская Аравия стремилась использовать объединение как возможность укрепить своё влияние в Йемене, продвигая ваххабизм как альтернативу как зейдитскому шиитизму, так и марксистской идеологии. Королевство активно финансировало строительство мечетей, медресе и других религиозных учреждений на территории объединённого Йемена, что способствовало распространению суннитского ислама и ослаблению позиций зейдитов⁴⁶¹. Важно отметить, что такие действия были частью более широкой стратегии Саудовской Аравии по противодействию шиитскому влиянию Ирана.

Гражданская война в Йемене 1994 г. стала логическим продолжением внутренних противоречий, возникших после объединения⁴⁶². Конфликт начался как попытка южных сил вернуть себе независимость, но быстро приобрёл религиозный и идеологический характер. Северный Йемен, где преобладали зейдиты, получил поддержку со стороны Саудовской Аравии, в то время как южные силы, ориентированные на светские и социалистические ценности, оказались в изоляции. Религиозный фактор сыграл ключевую роль в позиции Саудовской Аравии во время войны. Королевство, опасаясь усиления светских и марксистских тенденций на юге, поддержало правительство Али Абдаллы Салеха, которое контролировало северную часть страны. Финансовая и военная помощь Саудовской Аравии сыграла решающую роль в

⁴⁶¹ Hegghammer Thomas. *Jihad in Saudi Arabia: Violence and Pan-Islamism since 1979*. New York: Cambridge University Press, 2010. – P. 30–32.

⁴⁶² Phillips Sarah. *Yemen and the Politics of Permanent Crisis*. London: Routledge, 2011. – P. 75–77.

победе северных сил. Однако эта поддержка была обусловлена не только политическими интересами, но и стремлением укрепить влияние суннитского ислама в регионе.

После завершения войны Саудовская Аравия продолжила использовать религиозный фактор для укрепления своего влияния в Йемене. Королевство активно финансировало строительство мечетей и медресе, а также поддерживало религиозные организации, которые пропагандировали ваххабизм. Это позволило Саудовской Аравии не только укрепить свои позиции в Йемене, но и создать сеть лояльных религиозных лидеров, которые могли влиять на внутреннюю политику страны. Однако такой подход имел и свои недостатки. Распространение ваххабизма в Йемене привело к появлению радикальных групп, таких как «Аль-Каида на Аравийском полуострове», которые начали представлять угрозу как для Йемена, так и для самой Саудовской Аравии. Кроме того, религиозные противоречия между суннитами и шиитами в Йемене стали одной из причин возникновения конфликта, который продолжается по сей день.

Таким образом, религиозный фактор сыграл двоякую роль в формировании внешней политики Саудовской Аравии в отношении Йемена. С одной стороны, он позволил королевству укрепить своё влияние в регионе и противостоять угрозам, исходящим от Ирана и марксистских движений. С другой стороны, чрезмерная зависимость от религиозных инструментов привела к новым вызовам, которые продолжают влиять на ситуацию в регионе. Объединение Йемена и гражданская война 1994 г. стали важными этапами в развитии внешней политики Саудовской Аравии, особенно с точки зрения использования религиозного фактора.

Тем не менее, после терактов 11 сентября 2001 г. руководство Саудовской Аравии стало проявлять максимальную осторожность во всех делах, связанных с религией. Эр-Рияд вновь столкнулся со шквалом критики западных

СМИ, когда американские спецслужбы обнародовали информацию об угонщиках самолётов: 15 из 19 террористов имели саудовские паспорта⁴⁶³. Публичная дипломатия и медиа-ресурсы КСА сконцентрировали усилия на защите репутации правящей династии и религиозных институтов королевства. Какие-либо ассоциации официального ваххабизма с радикальными салафитами из «Аль-Каиды» в сложившейся на тот момент ситуации ставили под удар не только имидж Саудовской Аравии, но и её отношения с западными союзниками.

Вскоре, 25 сентября 2001 г., Саудовское агентство новостей (САН) опубликовало официальное заявление о разрыве отношений с правительством движения «Талибан», которое, согласно тексту документа, «использовало особый статус Афганистана не для укрепления братских связей, строительства, развития и достижения высоких целей ислама, а для превращения страны в центр привлечения, обучения и вербовки легковверных людей из разных стран, особенно граждан королевства», что «ведёт к дискредитации ислама и репутации мусульман в мире»⁴⁶⁴. Данный шаг позволил Эр-Рияду вступить в антитеррористическую коалицию под началом США и продемонстрировать стремление стать элементом «нового мирового порядка»⁴⁶⁵. Примечательно, что на официальном сайте посольства Саудовской Аравии в США до сих пор имеется отдельная страница под названием «September 2001», где собраны официальные заявления от 11 сентября 2001 г. – с осуждением «прискорбных и бесчеловечных терактов» и выражением «искренних соболезнования семьям погибших, президенту США Джорджу Бушу-младшему и американскому народу в целом», от 17 сентября 2001 г. – об отмене «запланированных на 23 сентября

⁴⁶³ Complete 9/11 Commission Report // National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. URL: <https://govinfo.library.unt.edu/911/report/911Report.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁶⁴ Saudi announcement severing ties with Afghanistan's Taliban // The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/text-of-saudi-announcement-severing-ties-with-afghanistan-s-taliban-9195281.html> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁶⁵ Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2003. – С. 144.

по всему миру празднований» Национального дня КСА, и от 25 сентября 2001 г. – о разрыве отношений с талибами⁴⁶⁶.

Что касается религиозного вектора саудовского внешнеполитического курса в начале 2000-х гг., то важным этапом в реализации его задач стала инициированная Эр-Риядом Чрезвычайная сессия ОИС на уровне министров иностранных дел по вопросам борьбы с терроризмом, которая прошла в столице Малайзии 1–3 апреля 2002 г. По итогам встречи была принята Куала-Лумпурская декларация о международном терроризме, состоявшая из 17 пунктов и отдельного плана действий⁴⁶⁷. Документ был призван «заявить о коллективной решимости бороться с терроризмом и реагировать на события, затрагивающие мусульман и исламские страны, после терактов 11 сентября», а также дать правовую основу для учреждения Комитета ОИС по борьбе с международным терроризмом, во главе которого встала «Тройка саммита», включающая по 3 профильных министра от Африканской, Азиатской и Арабской групп Организации⁴⁶⁸. Саудовская Аравия вошла в состав «Тройки» в качестве председателя Арабской группы, что позволило королевству значительно укрепить свои позиции среди государств «исламского мира».

В частности, благодаря этому КСА стала инициатором и принимающей стороной следующего Чрезвычайного саммита ОИС на высшем уровне, который проходил 7–8 декабря 2005 г. в Мекке под названием «Ответы на вызовы XXI века, солидарность в действии»⁴⁶⁹. Ключевыми вопросами повестки стали совместное противодействие терроризму и проведение реформ по модернизации мусульманских государств. В тексте Мекканской декларации утверждалась приверженность участников встречи таким принципам, как⁴⁷⁰:

⁴⁶⁶ September 2001 // The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia, Washington, D.C. 2023. URL: <https://www.saudiembassy.net/archive/200109> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁶⁷ Kuala Lumpur Declaration on International Terrorism // Organization of Islamic Cooperation. URL: https://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/11_extraordinary/declaration.htm (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁶⁸ Ibid.: https://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/11_extraordinary/declaration.htm (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁶⁹ Final Communiqué of the Third Extraordinary Session of the Islamic Summit Conference «Meeting the Challenges of the 21st Century, Solidarity in Action» // Organization of Islamic Cooperation. URL: <https://ww1.oic-oci.org/ex-summit/english/fc-exsumm-en.htm> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁷⁰ Makkah al-Mukarramah Declaration, 5–7 Dhul Quidah 1426H (7–8 December 2005) // Organization of Islamic Cooperation. URL: <https://ww1.oic-oci.org/ex-summit/english/Makka-dec-en.htm> (дата обращения: 10.01.2025).

1. «защита исламской идентичности, основных идеалов и высших ценностей *уммы*»;
2. позиционирование «исламской цивилизации» в качестве «неотъемлемой части общечеловеческой цивилизации»;
3. «прославление и почитание идеалов диалога, умеренности, справедливости, праведности и терпимости» против «фанатизма, изоляционизма, тирании и отчуждения»;
4. «решение проблем XXI века с помощью стратегического видения и планирования будущего *уммы* с опорой на коллективную волю и совместные действия»;
5. «непоколебимый отказ от терроризма, всех форм экстремизма и насилия»;
6. противодействие «растущему по всему миру явлению исламофобии как форме расизма и дискриминации».

Мекканская декларация сопровождалась документом под названием «Десятилетняя программа действий по ответу на вызовы мусульманской уммы в XXI веке», которая «была разработана для решения наиболее важных проблем современного исламского мира в интеллектуальной, политической, экономической, социальной и культурной сферах»⁴⁷¹.

Конечно, оценка степени реализации данной программы по прошествии почти 20 лет с момента её принятия является темой отдельного исследования. Однако, в контексте данной работы, следует отметить, что в обоих упомянутых выше документах, а также в заключительном коммюнике, особый акцент делается на вкладе Саудовской Аравии и лично короля Абдаллы ибн Абд аль-Азиза (2005–2015 гг.), который взошёл на трон за 4 месяца до мероприятия - 3 августа 2005 г., в подготовку и проведение III чрезвычайного саммита ОИС на высшем уровне. При этом в каждом из трёх документов упоминается Эр-

⁴⁷¹ Ten-year Programme of Action to Meet the Challenges Facing the Muslim Ummah in the 21st Century // Organization of Islamic Cooperation. URL: <https://www.oic-oci.org/ex-summit/english/10-years-plan.htm#:~:text=has%20been%20developed%2C%20which%20reviews%20the%20most%20prominent%20challenges> (дата обращения: 10.01.2025).

Риядская декларация Международной конференции по борьбе с терроризмом, состоявшейся в столице КСА 5–8 февраля того же года.

Примечательно, что в самом начале текста Эр-Риядской декларации участники конференции, среди которых значится и Российская Федерация, «выражают глубокую признательность Королевству Саудовская Аравия за со- зыв и проведение у себя этой Конференции под высоким патронажем Его Ко- ролевского Высочества наследного принца Абдаллы ибн Абд аль-Азиза, заме- стителя премьер-министра и главы Национальной гвардии»⁴⁷². Также в раз- деле рекомендаций для четвёртой рабочей первым пунктом значилась под- держка инициативы будущего короля «о создании Международного центра по борьбе с терроризмом, которая будет заниматься ... разработкой механизма межгосударственного обмена информацией и специальными знаниями в обла- сти борьбы с терроризмом, а также о налаживании связей между националь- ными контртеррористическими центрами и базой данных в целях обеспечения оперативного обновления информации»⁴⁷³.

Крайне важно отметить, что в период 2000-х гг. инициатива Абдаллы ибн Абд аль-Азиза, несмотря на поддержку участников саммита в Эр-Рияде, так и не была реализована. Основанный в 2010 г. Международный центр по борьбе с терроризмом (ICCT – International Centre for Counter-Terrorism) со штаб-квартирой в Гааге является европейским «*think-and-do tank*», действующим при поддержке правительства Нидерландов и в тесном сотрудничестве с рядом агентств ООН, НАТО, ОБСЕ и Еврокомиссией⁴⁷⁴. Самостоятельный проект Саудовской Аравии – Глобальный центр по борьбе с экстремистской идеологией «И’тидаль» (Global Center for Combating Extremist Ideology «Etidal») – будет запущен лишь в 2017 г., спустя 12 лет после предложения короля Абдаллы. Однако анализ деятельности данного проекта и степени его

⁴⁷² Эр-Риядская декларация Международной конференции по борьбе с терроризмом // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1719597/ (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁷³ Ibid.: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1719597/ (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁷⁴ About ICCT: Key Partners // International Centre for Counter-Terrorism (ICCT). URL: <https://www.icct.nl/about> (дата обращения: 10.01.2025).

влияния на современную внешнюю политику КСА относится уже к теме следующего параграфа.

Подводя же итог этому разделу представленной работы, можно констатировать, что после терактов 11 сентября 2001 г. внешнеполитический курс Саудовской Аравии был направлен, прежде всего, на сохранение имиджа королевства, а ключевым принципом поведения Эр-Рияда на международной арене в начале XXI в. стала «умеренность»⁴⁷⁵, или по-арабски «и'тидаль» (араб. اعتدال) – слово, которое, собственно, и является кратким названием уже упомянутого Глобального центра по борьбе с экстремистской идеологией. Также по завершении острой фазы иракского кризиса в середине 2000-х гг. и на фоне усиления военного присутствия США в зоне Заливе Саудиты сосредоточились на вопросах национальной безопасности, внутренних преобразованиях и дальнейшем развитии нефтяного сектора. Актуализация проблемы проблемы международного терроризма в повестке мирового сообщества вынудила Эр-Рияд проявлять максимальную осторожность во всех делах, связанных с религией, и снизить градус антииранской риторики со стороны официальных лиц и государственных СМИ: Иран в саудовском дискурсе постепенно превратился из «центра шиитского радикализма» в «стратегического соперника», что позволило избежать нежелательных обвинений в связях с радикальными исламистами.

2.3. Влияние глобальных и региональных трансформаций на внешнюю политику Саудовской Аравии

«Арабская весна» стала поворотным моментом в политическом развитии государств Северной Африки и Ближнего Востока. Саудовская Аравия не стала исключением, хотя волна массовых протестов начала 2010-х гг. затронула членов ССАГЗ в гораздо меньшей степени, нежели Тунис, Ливию, Египет, Йемен и Сирию. Только на Бахрейне, где большинство населения является

⁴⁷⁵ Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений. М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2003. – С. 160.

шиитами, февральские демонстрации 2011 г. обрели серьёзный характер и переросли в полноценное гражданское восстание после того, как одна из оппозиционных групп, поддерживаемых Ираном, начала призывать к свержению «суннитского королевского режима»⁴⁷⁶.

Власти Бахрейна, воспользовавшись предложением поддержки протестов извне, запросили у Совета ввода сил «Щита полуострова» для «обеспечения безопасности и порядка» на своей территории⁴⁷⁷. События вызвали широкий резонанс среди шиитского меньшинства в Саудовской Аравии. В марте 2011 г. в Восточной провинции, где расположены одни из крупнейших нефтяных месторождений королевства, шииты провели несколько демонстраций. Серьёзной угрозы для Саудитов они не представляли, однако власти жёстко разогнали протестующих, более 100 человек было арестовано⁴⁷⁸. Протесты с ярко выраженным шиитским характером сыграли Эр-Рияду на руку, который получил возможность снова открыто обвинять Тегеран в поддержке антисистемных сил и террористических группировок на территории арабских странах.

Тем не менее, очередной виток эскалации геополитической конфронтации Саудовской Аравии и Ирана пришёлся уже на направление следующего короля – Салмана ибн Абд аль-Азиза, занявшего трон после кончины Абдаллы 23 января 2015 г. К тому моменту ИРИ и КСА уже находились по разные стороны «баррикад» по вопросу сирийского урегулирования, а 25 марта 2015 г. по инициативе Мухаммада ибн Салмана, ставшего в 2017 г. наследным принцем и фактическим руководителем королевства, началась военная операция «Буря решимости» против поддерживаемого Тегераном шиитского движения «Ансар Аллах» в Йемене. Данный эпизод вполне допустимо расценивать как начало опосредованной войны между Саудовской Аравией и Ираном, острая

⁴⁷⁶ Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 1. – С. 124.

⁴⁷⁷ أمين عام مجلس التعاون لـ«الشرق الأوسط»: دخول القوات الخليجية للبحرين ليس بدعة // Asharq Al-Awsat. 16.03.2011. URL: <https://archive.aawsat.com/details.asp?section=4&article=612744&issueno=11796#.XGq-hJMzb3Q> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁷⁸ Saudi arrests 100 Shi'ite protesters – rights group // Reuters. 23.03.2011. URL: <https://www.reuters.com/article/2011/03/23/oukwd-uk-saudi-arrests-idAFTRE72M24G20110323/> (дата обращения: 10.01.2025).

фаза которой пришлась на вторую половину 2010-х гг. В частности, подобная точка зрения изложена в одном из документов Центра передового опыта стратегических коммуникаций НАТО (NATO StratCom COE – NATO Strategic Communications Centre of Excellence)⁴⁷⁹ и ряде научных работ, вроде монографии Бернда Каусслера и Кита Гранта⁴⁸⁰.

«Суннитско-шиитский конфликт» Саудовской Аравии и Ирана

Символическим моментом, ознаменовавшим поворот саудовского внешнеполитического курса от «умеренности» 2000-х гг. к резкому ужесточению во второй половины 2010-х гг., стало выступление Салмана ибн Абд аль-Азиза на открытии XV саммита ССАГЗ 5 мая 2015 г. Спустя всего три месяца после прихода к власти, саудовский монарх публично заявил, что «регион сталкивается с гегемонистскими амбициями, подрывом безопасности и стабильности, разжиганием религиозной вражды и созданием благодатной почвы для экстремизма», а Иран является «причиной расползания терроризма»⁴⁸¹.

Примечательно, что под «гегемонистскими амбициями» саудовский истеблишмент подразумевает не территориальную экспансию своего ключевого «стратегического соперника», а претензии на лидерство среди стран «исламского мира» и поддержку проиранских формирований вроде «Хизбаллы» в Ливане, «Ансар Аллах» в Йемене или ХАМАС в Палестине. Наиболее ёмко представления ряда арабских лидеров о региональной политике Ирана передаёт придуманный в 2004 г. Абдаллой II термин «шиитский полумесяц», под которым король Иордании подразумевал потенциальное попадание в зависи-

⁴⁷⁹ Iran's Proxy War in Yemen: The Information Warfare Landscape // NATO StratCom COE. URL: https://stratcomcoe.org/cuploads/pfiles/web_stratcom_coe_iran_proxy_war_against_yemen_13-02-2020.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁸⁰ Kaussler Bernd, Grant Keith A. Proxy War in Yemen. London: Routledge, 2024. – P. 5–6.

⁴⁸¹ خادم الحرمين يحذّر من الأطماع الخارجية.. وهولاند: أمن الخليج من أمن فرنسا // Asharq Al-Awsat. 05.05.2015. URL: <https://aawsat.com/home/article/353301/خادم-الحرمين-يحذّر-من-الأطماع-الخارجية-وهولاند-أمن-الخليج-من-أمن-فرنسا> (дата обращения: 10.01.2025).

мость от Исламской Республики арабских стран со значительной долей шиитского населения – Ливана, Сирии, Ирака и Бахрейна⁴⁸². Однако если большинство лидеров региона расценивало «шиитский полумесяц» в качестве «виртуальной угрозы», то Саудиты видели здесь вполне реальную опасность для своих позиций на Ближнем Востоке⁴⁸³. В частности, в январе 2016 г. один из приближённых Мухаммада ибн Салмана в интервью для издания The Economist заявил, что из-за укрепления позиций Ирана в регионе после «арабской весны» Арабский Восток «столкнулся не просто с шиитским полумесяцем, а с шиитским полнолунием»⁴⁸⁴.

После прихода к власти короля Салмана и стремительного возвышения его сына Мухаммада внешняя политика королевства совершает резкий поворот от «умеренности» 2000-х гг. к жёсткому и проактивному курсу, который был отличительной чертой поведения Эр-Рияда на международной арене в 2015–2019 гг. Во многом, данный поворот был обусловлен последствиями «арабской весны» и изменениями в позиции Вашингтона по наиболее острым проблемам Ближнего Востока.

В период президентства Барака Обамы (2009 –2017 гг.) ближневосточный курс США – ключевого союзника Саудовской Аравии в сфере безопасности – заметно смягчился. «Сланцевая революция» 2010-х гг. снизила зависимость американского рынка от экспорта нефти, что позволило администрации Обамы, вопреки позиции арабских монархий Залива, начать процесс «разрядки» в отношениях с Ираном. С целью продемонстрировать отказ «демократов» от жесткой политики «республиканца» Джорджа Буша-младшего на Ближнем Востоке Обама выступил 4 июня 2009 г. с трибуны Каирского уни-

⁴⁸² The Interview with King Abdullah II of Jordan on the current state of U.S.-Arab relations // NBC News. 08.12.2004. URL: <https://www.nbcnews.com/id/wbna6679774> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁸³ Пуховая Е.Д. «Шиитский полумесяц» как современный геополитический феномен: виртуальная или реальная угроза? (по материалам канала «Ал-Джазира») // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2013. № 4. – С. 82–90.

⁴⁸⁴ Young prince in a hurry // The Economist. 09.01.2016. URL: <https://www.economist.com/briefing/2016/01/09/young-prince-in-a-hurry> (дата обращения: 10.01.2025).

верситета со знаменитой речью «Новое начало», в которой обозначил намерение наладить отношения между США и государствами «исламского мира»⁴⁸⁵. Одним из важнейших шагов на данном пути стало заключение Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы, принятого 14 июля 2015 г. при участии России, Китая, Великобритании, Франции и Германии⁴⁸⁶.

Саудовская Аравия восприняла решение Белого дома как, своего рода, нарушение стратегического союза. Конечно, выносить недовольство в публичное пространство Эр-Рияд не стал, и во время совместной пресс-конференции с Обамой король Салман выразил поддержку «ядерной сделке»⁴⁸⁷, но годом позже, 14 июня 2016 г., в ходе официального визита в США принц Мухаммад заявил в беседе с Джоном Керри, что администрация «демократов» совершила на Ближнем Востоке три ошибки: выступили против Хосни Мубарака во время революции 2011 г., отказались от полномасштабной военной операции в Сирии и пошли на соглашение с Ираном без учёта мнения Саудовской Аравии⁴⁸⁸.

Драйвером очередного витка эскалации в конфронтации между КСА и ИРИ в период 2010-х гг. послужили события «арабской весны». В марте 2011 г., после череды протестов в Восточной провинции, где традиционно проживают шиитские общины, саудовское правительство запретило любые митинги, заявив при этом об иностранном вмешательстве, прежде всего, со стороны Ирана. Полиция и Национальная гвардия получили разрешение на применение любых средств для пресечения незаконных собраний. Одним из лидеров протестного движения тогда был шиитских проповедник Нимр ан-Нимр, который под предлогом солидарности единоверцами в Бахрейне, куда ССАГЗ

⁴⁸⁵ The President's Speech in Cairo: A New Beginning // The White House (President Barack Obama). URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/issues/foreign-policy/presidents-speech-cairo-a-new-beginning> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁸⁶ Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1511905/ (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁸⁷ Obama's chilly reception in Saudi Arabia hints at mutual distrust // The Guardian. 20.04.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/apr/20/barack-obama-saudi-arabia-visit-king-salman-relationship> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁸⁸ Hope Bradley, Scheck Justin. Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. New York: Hachette Books, 2020. – P. 79.

ввёл контингент «Щита полуострова», призвал сторонников к акциям «ненасильственного сопротивления», но достаточно быстро демонстрации переросли в массовые беспорядки, обернувшиеся столкновениями с полицией и, как следствие, жертвами с обеих сторон.

8 июля 2012 г. Нимр ан-Нимр был арестован. Интенсивность протестов в Восточной провинции стала постепенно снижаться. Без лидера выступления обрели полустихийный характер и, несмотря на свою яркость, пресекались достаточно быстро и жестоко. Тем не менее, повышенное внимание со стороны мировых СМИ и международных правозащитных организаций к протестной активности на Ближнем Востоке в период «арабской весны» превратили «шиитский вопрос» Саудовской Аравии не только в одну из самых обсуждаемых тем, но и в ключевой элемент критики в адрес властей королевства как со стороны Ирана, так и ряда стран Запада.

Широкий резонанс вызвал смертный приговор Специализированного уголовного суда КСА от 15 октября 2014 г. в отношении Н. ан-Нимра. Заместитель директора программы Amnesty International по Ближнему Востоку и Северной Африке Саид Бумедуха заявил, что данный шаг «является частью кампании властей Саудовской Аравии по подавлению любого инакомыслия, в том числе тех, кто защищает права мусульман-шиитов королевства»⁴⁸⁹. В ноябре 2015 г. 15 правозащитных организаций передали через Госсекретаря США королю КСА коллективную петицию с призывом отменить решение суда, однако документа остался без внимания со стороны саудовских властей⁴⁹⁰. Надежда на пересмотр приговора появилась после кончины 90-летнего Абдаллы 23 января 2015 г., но приход к власти Салмана ничего не изменил, и 2 января 2016 г. ан-Нимр был казнён с 46 другими заключёнными, что стало

⁴⁸⁹ Saudi Arabia: Appalling death sentence against Shi'a cleric must be quashed // Amnesty International. 15.10.2014. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2014/10/saudi-arabia-appalling-death-sentence-against-shi-cleric-must-be-quashed/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁹⁰ NGOs Urge Sec. Kerry to Act in Case of Sheikh Nimr al-Nimr // Americans for Democracy & Human Rights in Bahrain. 19.11.2015. URL: <https://www.adhrb.org/2015/11/ngos-urge-sec-kerry-to-act-in-case-of-sheikh-nimr-al-nimr/> (дата обращения: 10.01.2025).

самой массовой экзекуцией в истории королевства с 1980 г., когда были казнены участники захвата Мечети аль-Харам.

Казнь шейха вызвала очередное обострение в отношениях между Саудовской Аравией и Ираном. 3 января 2016 г. в Тегеране толпа демонстрантов при попустительстве полиции разгромила посольство КСА, консульство в Мешхеде также подверглось нападению, что дало формальный повод для разрыва дипломатических отношений. Тем не менее, «шиитский вопрос» в ирано-саудовских отношениях, несмотря на попытки сближения 2000-х гг., не ограничивался положением меньшинства в самом королевстве. После «арабской весны» к числу арен *проху*-противостояния Саудовской Аравии и Ирана добавился Йемен, где, начиная с 25 марта 2015 г., Саудовская Аравия совместно с ОАЭ провела ряд крупных военных операций против повстанцев-хуситов, в то время как Иран выступил на стороне движения «Ансар Аллах».

ИВАК и участие Саудовской Аравии в йеменском конфликте

Первыми шагами на пути ужесточения внешней политики в начале правления короля Салмана стали начало военной операции Саудовской Аравии в Йемене и создание Исламской военной антитеррористической коалиции (ИВАК), которая является первым крупным проектом на международной арене принца Мухаммада, занимавшего в то время пост министра обороны. При этом перемены на внешнеполитическом треке сопровождались изменениями и во внутренней жизни королевства, что, во многом, определило модель поведения Саудовской Аравии в условиях дестабилизации ближневосточного региона и трансформации миропорядка.

Исламская военная антитеррористическая коалиция:

Инициатива Мухаммада ибн Салмана по созданию Исламской военной антитеррористической коалиции была поддержана 32 государствами – Иорданией, ОАЭ, Пакистаном, Бахрейном, Бангладеш, Бенином, Турцией, Чадом,

Того, Тунисом, Джибути, Сенегалом, Суданом, Сьерра-Леоне, Сомали, Габон, Гвинеей, Палестиной, Коморскими Островами, Катаром, Кот-д'Ивуаром, Кувейтом, Ливаном, Ливией, Мальдивами, Мали, Малайзией, Египтом, Марокко, Мавританией, Нигером и Йеменом⁴⁹¹.

Все 32 государства являются членами ОИС, а 17 из них состоит ещё и в ЛАГ. С учётом такого состава можно сказать, что в рамках своего первого проекта Мухаммад стремился объединить региональный и религиозный векторы внешней политики под эгидой совместной борьбы с терроризмом не только на Арабском Востоке, но и во всём «исламском мире». В частности, в «Совместном заявлении о формировании Исламского военного альянса» от 15 декабря 2015 г. прямо говорится, что инициатива реализуется «на основании принципов и целей Устава и Конвенции о борьбе с терроризмом Организации исламского сотрудничества»⁴⁹².

На первом саммите ИВАК, прошедшем в Эр-Рияде в марте 2016 г., была принята декларация, в которой основной целью Коалиции указаны «объединение и координация усилий её участников в областях идеологии, межправительственной коммуникации, финансирования и военного сотрудничества в сфере борьбы со всеми существующими формами терроризма и экстремизма»⁴⁹³. Уже в декабре 2016 г. состав участников организации увеличился с 32 до 41 государств, а США, Великобритания и Франция получили статус «государств поддержки», т.е. не-военных союзников⁴⁹⁴. Что касается стратегических целей ИВАК, то они сформулированы лишь в общих чертах без какой-либо конкретики⁴⁹⁵:

⁴⁹¹ Joint Statement on the Formation of the Islamic Military Alliance // Saudi Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://embassies.mofa.gov.sa/sites/usa/EN/PublicAffairs/Statements/Pages/Joint-Statement-on-the-Formation-of-the-Islamic-Military-Alliance.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁹² Ibid.: <https://embassies.mofa.gov.sa/sites/usa/EN/PublicAffairs/Statements/Pages/Joint-Statement-on-the-Formation-of-the-Islamic-Military-Alliance.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁹³ الرؤية الإستراتيجية // IMCTC. URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/Vision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁹⁴ الدول الداعمة // IMCTC. URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/SupportCountries/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁹⁵ الأهداف الإستراتيجية // IMCTC. URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/goals/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

1. «интеллектуальные и образовательные усилия по опровержению тезисов террористической мысли и укреплению исламские принципы и ценности терпимости»;
2. «совместное выступление в средствах массовой информации для привлечения внимания общественности к опасностям терроризма и противодействия террористической пропаганде»;
3. «эффективные меры по усилению мер по предотвращению, выявлению и сокращению масштабов финансирования терроризма»;
4. «координация военной поддержки и оказание чрезвычайной помощи государствам-членам, с тем чтобы они могли нанести поражение вооруженным террористическим группам и облегчить страдания населения».

С учётом динамики региональных процессов в середине 2010-х гг., создание ИВАК стало логичной реакцией сообщества мусульманских стран на угрозу «Исламского государства», державшего в то время под своим контролем значительные территории в Сирии и Ираке, а также активизации иных террористических группировок. Однако, в контексте развития внешнеполитического курса Саудовской Аравии, абстрактные формулировки стратегических целей Коалиции дали возможность Эр-Рияду для продвижения собственной повестки.

После первых сообщений о намерении Мухаммада ибн Салмана собрать собственную международную военную организацию министр иностранных дел КСА Адель аль-Джубейр выступил с рядом публичных заявлений, в которых утверждал, что Коалиция не будет «суннитским или шиитским блоком», т.к. «его задача – борьба с общей для всех мусульман угрозой в лице терроризма»⁴⁹⁶. Однако декларируемый «общемусульманский» характер ИВАК вызывает серьёзные сомнения, как минимум, по той причине, что к участию не был приглашён Иран, а также Сирия и Ирак – арабские страны со значительной долей шиитского населения.

⁴⁹⁶ МИД Саудовской Аравии: исламская военная коалиция не привязана к суннитам или шиитам // ТАСС. 15.12.2015. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2530334> (дата обращения: 10.01.2025).

Также, говоря о составе Коалиции, следует отметить, что в него вошло абсолютное большинство (41 из 57) государств-членов Организации исламского сотрудничества, где правительства возглавляются преимущественно суннитами. В определённой степени, это можно назвать попыткой Эр-Рияда сформировать просаудовское объединение или «суннитский блок» для противостояния Ирану в рамках опосредованного конфликта в регионе и политической конфронтации на международной арене. Однако по сей день ИВАК нигде себя в качестве международной военной организации не проявила, за исключением нескольких учений в 2016–2018 гг. и регулярных встреч на уровне министров обороны или начальников штабов⁴⁹⁷. В этой связи Коалицию следует расценивать именно как политический, а не военный проект, который имеет значение прежде всего для укрепления имиджа Саудовской Аравии и развития её двусторонних отношений с членами ОИС.

Участие Саудовской Аравии в йеменском конфликте:

Здесь важно отметить, что хронологически заявление о создании «Исламского военного альянса» было озвучено через 9 месяцев после первой военной операции Саудовской Аравии в Йемене. В дальнейшем ни «Буря решимости», начавшаяся 25 марта 2015 г. с авиаударов по позициям «Ансар Аллах», ни последовавшая 22 апреля 2015 г. операция «Возрождение надежды» и дальнейшие действия не получили прямой военной помощи со стороны членов ИВАК. Саудовская Аравия была вынуждена действовать при поддержке США, Великобритании, Канады, Австралии и Нидерландов в составе т.н. «Арабской коалиции», в которой основным союзником Эр-Рияда выступили ОАЭ, хотя временное участие до 2019 г. в ней также принимали Марокко, Египет, Судан, Сенегал, Иордания, Кувейт, Бахрейн и Катар (до 2017 г.)⁴⁹⁸.

⁴⁹⁷ الغاليات // IMCTC. 2023. URL: <https://www.imctc.org/ar/MediaCenter/Events/Pages/default.aspx#> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁹⁸ Saudi-led Coalition // Armed Conflict Location & Event Data (ACLED). 2023. URL: <https://acleddata.com/yemen-conflict-observatory/actor-profiles/saudi-led-coalition/> (дата обращения: 10.01.2025).

Анализ хода и результатов боевых действий в Йемене не относится напрямую к заявленной теме работы. Однако в рамках исследования современной внешней политики Саудовской Аравии здесь необходимо отметить ряд нюансов. *Во-первых*, несмотря на то, что Эр-Рияд так и не смог получить прямую военную со стороны участников ИВАК, само создание Коалиции позволило Саудитам обеспечить себе если не международную поддержку, то, как минимум, отсутствие острой критики со стороны целого ряда членов ОИС и ЛАГ. *Во-вторых*, хотя Йемен и стал площадкой прокси-войны между КСА и ИРИ, саудовская дипломатия смогла добиться помощи США в обмен на обещание не препятствовать переговорам по иранской ядерной программе и заключению СВПД. *В-третьих*, при отсутствии крупных военных успехов в самом Йемене Саудовской Аравии удалось усилить контроль в приграничных районах, что было необходимо из соображений внутренней безопасности, т.к. в прилегающем к границе Наджране значительную часть населения составляют шииты-исмаилиты⁴⁹⁹, и руководство королевства опасалось массовых волнений в этой провинции.

Визит Дональда Трампа и Катарский дипломатический кризис

Во время президентства Б. Обамы 2009–2017 гг. в америкно-саудовских отношениях наметился разлад по целому ряду вопросов, связанных с Ближним Востоком. По свидетельствам очевидцев, в 2015 г., когда Обама прибыл в Саудовскую Аравию на прощание с покойным королём Абдаллой, в ходе встречи на уровне министров Мухаммад ибн Салман встал со своего места и обрушился с критикой на лидера США, упрекая его в том, что он «отвернулся от королевства»⁵⁰⁰. И хотя при администрации «демократов», несмотря на очевидные расхождения в сфере публичной дипломатии, объёмы военного сотрудничества между КСА и США оставались на высоком уровне, приход к

⁴⁹⁹ Echagüe, Ana. 'Strong Foundations'? The Imperative for Reform in Saudi Arabia. Madrid: FRIDE, 2009. 36 p.

⁵⁰⁰ Hope Bradley, Scheck Justin. Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. New York: Hachette Books, 2020. – P. 141.

власти Дональда Трампа наследный принц воспринял как возможность заручиться поддержкой американцев для своих будущих амбициозных проектов и смелых решений в области региональной политики королевства.

Конечно, противники Д. Трампа нередко упрекали его в исламофобии. Противники упрекали 45-го президента США и его администрацию за резкие выпады в адрес мусульман и мусульманских государств из-за ряда весьма спорных публичных заявлений⁵⁰¹. Однако Мухаммад ибн Салман понимал, что всё это относится прежде всего к внутривластной конъюнктуре Штатов и, с учётом опыта после 2001 г., не видел какой-либо угрозы для двусторонних отношений Эр-Рияда и Вашингтона. Наоборот, наследный принц рассчитывал компенсировать «издержки» взаимодействия с предыдущей администрацией Белого дома. Примечательно, что в этом ключевую роль сыграл личностный фактор, т.к. позже Мухаммаду удалось установить тесные и доверительные отношения с Джаредом Кушнером – зятем и старшим советником Д. Трампа, который был одним из ведущих лоббистов «Соглашений Авраама» между Израилем, ОАЭ, Бахрейном, Суданом и Марокко⁵⁰².

Визит Дональда Трампа:

20 мая 2017 г. Дональд Трамп прибыл в Саудовскую Аравию, что стало его первым официальным зарубежным визитом на посту президента США. Принимающая сторона организовала ряд крупных мероприятий, которые символизировали выход американо-саудовских отношений на новый этап.

Важнейшим пунктом программы был специально подготовленный к приезду Трампа Арабо-мусульманский (Эр-Риядский) саммит, который проходил 20–21 мая в самом роскошном отеле Эр-Рияда. На нём присутствовали лидеры и представители 54 государств, входящих в состав ОИС, ЛАГ и

⁵⁰¹ Patel Faiza, Levinson-Waldman Rachel. The Islamophobic Administration // Brennan Center for Justice. 2017. URL: <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/islamophobic-administration> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁰² The Abraham Accords Declaration // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/the-abraham-accords/> (дата обращения: 10.01.2025).

ССАГЗ, хотя одни из крупнейших региональных игроков Ближнего Востока в лице Ирана и Турции бойкотировали встречу⁵⁰³. В своей речи Трамп отказался от прежней критики в адрес ислама, отверг идею о том, что *«борьба с терроризмом – это не битва между разными конфессиями, разными сектами или разными цивилизациями»*, пообещал собравшимся *«не ругать за права человека в их странах»*, а также заявил, что государства «исламского мира» должны *«взять на себя часть бремени борьбы с экстремистами и террористами»*, а *«нации Ближнего Востока больше не могут ждать американской помощи, чтобы победить этого врага»*⁵⁰⁴.

Саудовское руководство восприняло эти слова в качестве заверений, что новая администрация Белого дома готова признать их самостоятельность в вопросах обеспечения безопасности в регионе при сохранении союзнических отношений в военной сфере. В частности, на полях Арабо-исламского (Эр-Риядского) саммита 2017 г. состоялось подписание оборонного контракта между США и КСА на рекордную сумму в \$460 млрд., из которых \$110 млрд. выплачивались сразу, а \$350 млрд. предполагалось освоить до 2027 г.⁵⁰⁵

Примечательно, что накануне приезда Трампа в Восточной провинции начались массовые протесты местных шиитов, которые не утихали вплоть до 2020 г. Формальным поводом послужил инцидент 12 мая 2017 г., когда в ходе перестрелки в г. Аль-Авамия погибли малолетний ребёнок и пакистанский мигрант. Ситуация обрела столь серьёзный характер, что для подавления беспорядков Нацгвардии КСА потребовалось применить тяжёлое вооружение и, по сути, взять город «в осаду», обнеся его заградительными сооружениями⁵⁰⁶.

⁵⁰³ Riyadh summit discusses ways of rooting out terrorism // Al Jazeera. 21.05.2017. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/5/21/riyadh-summit-discusses-ways-of-rooting-out-terrorism> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁰⁴ Baker, Peter. Trump Softens Tone on Islam but Calls for Purge of 'Foot Soldiers of Evil' / Peter Baker // The New York Times. 21.05.2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/05/21/world/middleeast/trump-saudi-arabia-islam-speech.html?_r=0 (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁰⁵ David, Javier E. US-Saudi Arabia seal weapons deal worth nearly \$110 billion immediately, \$350 billion over 10 years // CNBC. 22.05.2017. URL: <https://www.cnbc.com/2017/05/20/us-saudi-arabia-seal-weapons-deal-worth-nearly-110-billion-as-trump-begins-visit.html> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁰⁶ Inside the Saudi town that's been under siege for three months by its own government // The Independent. 04.08.2017. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/saudi-arabia-siege-town-own-citizens-government-kingdom-military-government-awamiyah-qatif-a7877676.html> (дата обращения: 10.01.2025).

На таком фоне противники Трампа и Мухаммада ибн Салмана обрушились на них с резкой критикой, т.к., по их мнению, оружейная сделка означала поддержку США действий саудовского руководства в отношении протестующих в Восточной провинции подданных-шиитов. Однако негативная реакция ряда западных СМИ и бойкот Арабо-исламского (Эр-Риядского) саммита со стороны Ирана и Турции не помешали провести 21 мая 2017 г. торжественную церемонию открытия Глобального центра по борьбе с экстремистской идеологией с говорящим названием «*И'атидаль*», на которой была сделана знаменитая фотография Дональда Трампа, короля Салмана и египетского лидера Абд аль-Фаттаха ас-Сиси, держащихся за светящийся глобус⁵⁰⁷.

Катарский дипломатический кризис:

На следующий день после Арабо-исламского (Эр-Риядского) саммита, 22 мая 2017 г., Дональд Трамп прибыл с двухдневным визитом в Израиль⁵⁰⁸, по окончании которого, 24 мая, рядом арабских СМИ стала распространяться информация о том, что эмир Катара Тамим ибн Хамад Аль Тани на церемонии выпуска военной академии выступил в поддержку Ирана, отметив вклад Исламской Республики в поддержании региональной безопасности и назвав «Хизбаллу» в Ливане «легитимной силой». Позже появились новости, что Тамим Аль Тани также заявил о напряженности в американо-катарских отношениях из-за нового президента, который, по мнению шейха, может потерять пост до окончания официального срока.

Данные сообщения крупных арабских СМИ на фоне пребывания Трампа в Израиле, с учётом поддержки ряда других исламистских организаций от ХАМАС в Газе до «Братьев-мусульман» в Египте со стороны Катара⁵⁰⁹, вызвали широкий резонанс. Как оказалось, что информация являлась *фейком*. Эмир

⁵⁰⁷ Штаб-квартира Центра по борьбе с экстремистской идеологией будет находиться в Эр-Рияде // ТАСС. 21.05.2017. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4269098> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁰⁸ Trump lands in Israel: What to watch // CNN. 22.05.2017. URL: <https://edition.cnn.com/2017/05/22/politics/trump-israel-what-to-watch/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁰⁹ Мелкумян, Е.С. Арабские монархии Залива в XXI веке. Региональные и глобальные аспекты внешней политики. М.: ИВ РАН, 2023. – С. 69.

был вынужден выступил с официальным опровержением, заявив о взломе ресурсов Qatar News Agency (QNA) российскими хакерами по заказу КСА и ОАЭ⁵¹⁰. Однако международной репутации Дохи был нанесён ощутимый ущерб, в ходе информационной спецоперации, драйверами которой выступили саудовская Al Arabiya и эмиратская Sky News Arabia⁵¹¹. Всё это было подготовкой к дипломатической блокаде Катар.

Уже 5 июня 2017 г. Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет одновременно разорвали дипломатические отношения с Дохой, а также запретили самолётам и судам, зарегистрированным в Катаре, использовать их суверенную территорию по воздуху, суше и морю⁵¹². Позже к бойкоту присоединились Иордания, Мавритания, Мальдивы, Джибути, Коморы, Нигер, Габон, Сенегал и Чад. Катар, с учётом его географического положения, оказался в положении фактической блокады, что грозило стране не просто репетиционными издержками, но и острым дефицитом товаров первой необходимости, т.к. основная их часть поставлялась в государство через сухопутную границу с Саудовской Аравией.

Среди поводов для начала конфликта принято выделять сближение Катар с Ираном, поддержка Дохой террористических и экстремистских организаций, а также вмешательство во внутренние дела соседних государств. В принципе, с учётом близости правящих кругов Катар с исламистами и роли медиа-холдинга Al Jazeera в поддержке массовых протестов «арабской весны», претензии Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна, Иордании и Египта были обоснованы. Особые опасения у Эр-Рияда, Абу-Даби и Каира вызвало сближение Катар с Турцией по целому ряду региональных вопросов, касавшихся поддержки «Братьев-мусульман», ХАМАС и ряда других радикальных

⁵¹⁰ Qatar news agency claims it was hacked after Emir quoted saying ties with Israel 'good' // The Times of Israel. 24.05.2017. URL: <https://www.timesofisrael.com/qatar-news-agency-claims-it-was-hacked-after-emir-says-ties-with-israel-good/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵¹¹ Hope Bradley, Scheck Justin. Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. New York: Hachette Books, 2020. – P. 159.

⁵¹² Wintour, Patrick. Gulf plunged into diplomatic crisis as countries cut ties with Qatar // The Guardian. 05.06.2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jun/05/saudi-arabia-and-bahrain-break-diplomatic-ties-with-qatar-over-terrorism> (дата обращения: 10.01.2025).

исламистских группировок. Однако конкретных требований или условий для нормализации отношений никто из организаторов «дипломатической блокады» Дохи так официально и не выдвинул.

19 сентября 2017 г. шейх Тамим Аль Тани, выступая на Генеральной Ассамблее ООН, попытался «контратаковать» своих оппонентов и заявил, что «страны, которые ввели блокаду Катар, сами вмешиваются во внутренние дела многих государств и обвиняют в терроризме всех, кто противостоит им внутри страны и за рубежом»⁵¹³. Последнее саудовская Al Arabiya и эмиратская Sky News Arabia преподнесли своей аудитории как косвенное признание эмира Дохи в поддержке протестного движения и антисистемных элементов в арабских странах, что только усугубило ситуацию.

Лишь через четыре года Саудовская Аравия и Катар договорились о восстановлении дипломатических отношений. 4 января 2021 г. при посредничестве Кувейта и США между Эр-Риядом и Дохой было заключено соглашение о возобновлении транспортного сообщения, а 5 января 2021 г. на саммите ССАГЗ в Аль-Уле состоялась встреча Тамима ибн Хамада с Мухаммадом ибн Салманом, на которой они подписали декларацию «О единстве и стабильности», которая положила конец Катарскому дипломатическому кризису 2017–2021 гг.⁵¹⁴ Однако, как отметил в одной из своих статей Самюэль Рамани, нормализация ситуации носила формальный характер, т.к. разногласия между КСА и Катаром сохранились, а Доха, по итогу, стала налаживать более тесные контакты с Турцией и Ираном⁵¹⁵.

Пик ужесточения и дальнейшее смягчение внешней политики Эр-Рияда

⁵¹³ Qatari emir condemns 'unjust blockade' in UNGA speech // Al Jazeera. 19.09.2017. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/9/19/qatari-emir-condemns-unjust-blockade-in-unga-speech> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵¹⁴ Saudi ends blockade but Qatar gives up little // The Independent. 05.01.2021. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/qatar-saudi-arabia-gulf-arab-b1782751.html> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵¹⁵ Ramani, Samuel. The Qatar Blockade Is Over, but the Gulf Crisis Lives On // Foreign Policy. 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/27/qatar-blockade-gcc-divisions-turkey-libya-palestine/> (дата обращения: 10.01.2025).

Ещё одним ярким эпизодом на этапе ужесточения внешней политики Саудовской Аравии в период возвышения Мухаммада ибн Салмана было «пленение» премьер-министра Ливана Саада Харири. 4 ноября 2017 г. в самый разгар Катарского дипломатического кризиса арабские СМИ стали распространять видеообращение с заявлением Харири об уходе в отставку⁵¹⁶. Данное заявление вызвало широкий резонанс реакцию как внутри Ливана, так и за его пределами, поскольку ливанский премьер находился на территории КСА и в своём выступлении указал на существующие угрозы региональной безопасности со стороны Ирана и движения «Хизбалла».

9 ноября 2017 г. генсек «Хизбаллы» Хасан Насралла обвинил Саудовскую Аравию в организации похищения Харири и потребовал его немедленного возвращения в Бейрут, обвинив Эр-Рияд в «беспрецедентном вмешательстве» во внутренние дела страны, назвав это «объявлением войны»⁵¹⁷. Возник международный скандал, и особенно положение дел усугублялось близостью Ливана к Сирии, где уже несколько лет бушевала гражданская война, и к Израилю, с которым «Хизбалла» с момента своего возникновения в 1982 г. находится в состоянии открытого конфликта. Лидеры государств региона характеризовали ситуацию как геополитический кризис. По мнению ряда экспертов, дестабилизация обстановки в Ливане являлась очередным проявлением конфронтации между КСА и ИРИ, которая вышла на этап обострения после возвышения Мухаммада ибн Салмана⁵¹⁸.

Если же говорить о мотивах наследного принца, то у «пленения» Саада Харири было две цели:

1. *С одной стороны*, провоцирование кризисной ситуации в Ливане должно было отвлечь силы Ирана от Йемена, где Саудовская Аравия так

⁵¹⁶ خطاب استقالة سعد الحريري // Al Arabiya. 04.10.2017. URL: <https://www.alarabiya.net/2017/11/04/خطاب-استقالة-سعد-الحريري> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵¹⁷ Saudi Arabia 'has declared war' on Lebanon, says Hezbollah leader // The Washington Times. 10.10.2017. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2017/nov/10/saudi-arabia-has-declared-war-lebanon-says-hezbollah/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵¹⁸ Hope Bradley, Scheck Justin. Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. New York: Hachette Books, 2020. – P. 218.

и не смогла добиться каких-либо значительных успехов в ходе операций «Арабской коалиции». Харири с 2005 г. возглавлял «Движение Будущего», которая входила «Альянс 14 марта» – коалицию партий, добившихся вывода сирийских войск и выступавшей за разоружение «Хизбаллы». Резкое ослабление «Альянса 14 марта» могло спровоцировать его оппонентов из числа «Альянса 8 марта» на решительные действия, что, по задумке Мухаммада ибн Салмана, наглядно продемонстрировало бы степень влияния Тегерана на политические силы Ливана.

2. *С другой стороны*, здесь не обошлось без личностного фактора. Незадолго до обращения Саада Харири наследный принц инициировал масштабную антикоррупционную кампанию в королевстве. Семья Харири была тесно связана с саудовским капиталом и королевской семьёй. Отец Саада – Рафик – построил бизнес (Saudi Oger) и политическую карьеру в 1960-х – 1970-х гг., благодаря поддержке династии Аль Сауд. По окончании гражданской войны Рафик Харири стал проводником саудовских интересов в Ливане⁵¹⁹. Однако после убийства Рафика и Революции кедров 2005 г. Саад, унаследовав пост премьер-министра, начал злоупотреблять отцовским капиталом в личных целях и проводить политику умиротворения в отношении проиранских сил в Ливане, что вызвало недовольство у принца Мухаммада.

Тем не менее, эскалации регионального масштаба удалось избежать. Во многом, это стало заслугой президента Франции, имеющий давние исторические связи с Ливаном.

10 ноября 2017 г. Эммануэль Макрон совершил незапланированный визит в Саудовскую Аравию, а ряд официальных США и ЕС в частном порядке призывали Эр-Рияд отказаться от «конфронтационной позиции»⁵²⁰. При этом,

⁵¹⁹ Seeberg Peter. *Fragmented loyalties. Nation and Democracy in Lebanon after the Cedar Revolution*. Odense: Centre for Contemporary Middle East Studies University of Southern Denmark, 2007. – 31 p.

⁵²⁰ Iran and Saudi Arabia take their rivalry to Lebanon // *The Economist*. 16.10.2017. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2017/11/16/iran-and-saudi-arabia-take-their-rivalry-to-lebanon> (дата обращения: 10.01.2025).

Макрон дал возможность Мухаммаду ибн Салману доказать, что ливанский премьер не является заложником, пригласив Саада Харири и его семью во Францию. С учётом остроты ситуации и наличия французского гражданства у Харири, наследный принц не стал отказывать. После Парижа Саад Харири вернулся в Бейрут, где он отложил свою отставку «до дальнейших консультаций» с президентом Ливана, опровергнув при этом предположения о своем похищении в КСА⁵²¹. Тем не менее, его действия и последовавшие за ними события продолжают вызывать дискуссии о влиянии Саудовской Аравии на политическую ситуацию в Ливане.

В марте 2018 г. состоялся визит Мухаммада ибн Салмана в США. По официальной версии основной задачей наследного принца было укрепление американо-саудовских отношений и обсуждение перспектив ядерной программы КСА, но, на самом деле, он преследовал иную цель – повысить личный имидж и имидж королевства среди крупных американских бизнесменов для привлечения инвестиций для реализации программы «Видение: 2030». Однако долгосрочного результата старания Мухаммада не принесли, и вскоре репутации Саудовской Аравии на международной арене был нанесён колоссальный ущерб, что отвернуло от Эр-Рияда целый ряд потенциальных экономических партнёров как из государственного, так и частного сектора.

2 октября 2018 г. в здании генконсульства КСА в Стамбуле был убит оппозиционный журналист Джамаль Хашукджи, который после «арабской весны» начал с жёсткой критикой в адрес Саудитов, а позже и курса Мухаммада ибн Салмана. Эпизод спровоцировал международный скандал. 8 октября 2018 г. турецкая полиция заявила о том, что в её распоряжении имеются видеозапись с наружных камер наблюдения и данные «умных часов» Хашукджи⁵²². Западные правозащитники и ряд официальных лиц Турции, США

⁵²¹ Saad Hariri: Lebanon PM 'suspends' resignation // BBC. 22.11.2017. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-42079999> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵²² Turkish police suspect Saudi journalist Khashoggi was killed at consulate // Middle East Eye. 08.10.2018. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkish-police-suspect-saudi-journalist-khashoggi-was-killed-consulate> (дата обращения: 10.01.2025).

и ЕС, не дожидаясь результатов расследования, возложили вину на наследного принца, назвав его основным интересантом и заказчиком убийства.

До сих пор достоверно не известно был ли Мухаммад ибн Салман причастен к убийству Хашукджи. Как минимум, доступ к уликам имели только турецкие спецслужбы, а в рамках международного расследования, которое проводилось под эгидой ООН с привлечением специалистов Колумбийского университета, ознакомиться с «доказательствами» Хакан Фидан, возглавлявший Национальную разведывательную службу ТР в 2015–2023 гг., разрешил только Аньес Калламар – французской правозащитнице, бывшей спецдокладчиком ООН по вопросам о внесудебных казнях и нынешнему генсеку Amnesty International⁵²³. При этом Калламар смогла ознакомиться лишь с 45 минутами семичасовой записи и не смогла сделать какие-либо копии или получить хотя бы расшифровку.

Саудовская Аравия, в свою очередь, инициировала собственное расследование. Через 18 дней после инцидента было арестовано 18 подданных королевства, а 25 октября 2018 г. прокуратура КСА признала, что убийство Хашукджи имело спланированный характер⁵²⁴. 26 сентября 2019 г. Мухаммад ибн Салман в интервью для документального фильма PBS заявил, что не является заказчиком убийства, но берёт на себя ответственность, т.к. это случилось «в его смену», но в королевстве «20 млн подданных и 3 млн госслужащих», за которыми невозможно следить в одиночку⁵²⁵. Во многом, данный шаг наследного принца был попыткой восстановить дипломатические отношения с Западом и минимизировать последствия для экономических и политических связей с ключевыми партнерами, особенно, с США.

⁵²³ Hope Bradley, Scheck Justin. Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. New York: Hachette Books, 2020. – P. 275–276.

⁵²⁴ Генпрокурор Саудовской Аравии: убийство Хашогги было умышленным // Вести. 25.10.2018. URL: <https://www.vesti.ru/article/1447394> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵²⁵ Frontline's "The Crown Prince of Saudi Arabia" and the murder of Jamal Khashoggi // PBS. URL: <https://www.pbs.org/newshour/classroom/daily-videos/2019/10/frontlines-the-crown-prince-of-saudi-arabia-and-the-murder-of-jamal-khashoggi> (дата обращения: 10.01.2025).

После убийства Хашукджи американо-саудовские отношения заметно ухудшились. В 2020 г. такие Штаты, как Техас, Луизиана, Северная Дакота и Аляска, обвинили Эр-Рияд в ведении «экономической войны» против нефтяного сектора США и разработали законопроект о немедленном выводе воинского контингента и сворачивании совместных «программ безопасности» в королевстве⁵²⁶. Конечно, подобный шаг был бы недопустим, поэтому закон так и застрял на уровне проекта. Тем не менее сигнал Эр-Риядом был получен. Именно в этот период руководство королевства пересмотрело некоторые приоритеты внешней политики: ряд военных и торговых сделок с Западом оказался под угрозой, что подвигло Саудитов смягчить позицию по целому ряду региональных проблем и интенсифицировать диверсификацию внешнеполитических связей⁵²⁷.

Первым шагом стало увеличение экспорта нефти на азиатском направлении, благодаря чему к концу 2021 г. для Саудовской Аравии сложилась новая экономическая реальность, в которой основным импортером нефти стали Китайская Народная Республика (22%) и Индия (11%). На китайский и индийский рынки теперь суммарно приходится более трети экспорта королевства, и хотя западные государства (США – 6%, ЕС – 10%, остальные – 27%) совокупно сохранили значительную долю, но тенденция к сокращению сохраняется⁵²⁸. С целью дальнейшего развития экономического сотрудничества с новыми партнерами Эр-Рияд подал заявление на вступление в БРИКС, которое было одобрено, и с 1 января 2024 г. Саудовская Аравия де-юре является равноправным участником организации, хотя де-факто пока что не предприняло активных шагов на данном направлении. Однако уже сам факт сближения

⁵²⁶ Gramer R. How the Bottom Fell Out of the U.S.-Saudi Alliance // Foreign Policy. 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/23/saudi-arabia-trump-congress-breaking-point-relationship-oil-geopolitics/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵²⁷ Мелкумян, Е.С. Арабские монархии Залива в XXI веке. Региональные и глобальные аспекты внешней политики. М.: ИВ РАН, 2023. – С. 213–215.

⁵²⁸ Останин-Головня В.Д., Афанасьев В.И. Энергетический фактор в развитии внешней политики Саудовской Аравии на современном этапе // Геоэкономика энергетики. 2024. №2 (26). – С. 38–51.

КСА с БРИКС свидетельствует о намерении Эр-Рияда развивать многовекторную внешнюю политику.

Вторым шагом стало расширение взаимодействия с Россией по линии ОПЕК+. Вводя эмбарго на российские энергоресурсы после начала украинского кризиса 2022 г. США рассчитывали, что им удастся компенсировать потерю импорта нефти и газа из России за счёт арабских монархий Залива. Однако 8 марта лидеры Саудовской Аравии и ОАЭ отказали американской стороне в обсуждении по телефону увеличения уровня добычи на 2023 г.⁵²⁹ Данное решение было обусловлено, с одной стороны, личными позициями наследного принца Мухаммада ибн Салмана и шейха Мухаммада ибн Заида Аль Нахайяна, а, с другой стороны, тем, что стоимость марки Brent на тот момент впервые с 2014 г. превысила отметку \$120, что было крайне выгодно в постпандемийный период для восстановления национальных экономик. Также КСА и ОАЭ хотели продемонстрировать недовольство решением Белого дома одобрить акта NOPEC (No Oil Producing and Exporting Cartels Act), позволяющего американскому правительству подавать антимонопольные иски против государств-членов ОПЕК. Для исправления сложившейся ситуации Джо Байден отправился в ближневосточное турне, перед которым опубликовал свою статью в The Washington Post с говорящим названием «Почему я еду в Саудовскую Аравию», основной посыл которой сводился к противодействию росту влияния России, Китая и Ирана в регионе⁵³⁰.

Третьим шагом на пути к смягчению внешней политики Саудовской Аравии стала нормализация отношений с Ираном в марте 2023 г., что стало результатом длительного и трудного подготовительного процесса обеих сторон. Например, 4 августа 2021 г. в Мекке прошёл форум Всемирной исламской лиги (ВИЛ) по вопросам межконфессиональных отношений в Ираке, во время

⁵²⁹ Saudi, Emirati Leaders Decline Calls with Biden During Ukraine Crisis // The Wall Street Journal. 08.03.2022. URL: <https://www.wsj.com/articles/saudi-emirati-leaders-decline-calls-with-biden-during-ukraine-crisis-11646779430> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵³⁰ Biden Joe. Why I'm going to Saudi Arabia // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/07/09/joe-biden-saudi-arabia-israel-visit/> (дата обращения: 10.01.2025).

которого, как считается, Саудовской Аравии озвучила новую позицию по «шиитскому вопросу». На открытии мероприятия генсек ВИЛ Мухаммад ибн Абд аль-Карим аль-Иса заявил, что «между суннитами и шиитами нет ничего, кроме братского взаимопонимания, образцового сосуществования, взаимопомощи и дополнения друг друга в искренней любви», а религиозные инстанции обеих общин должны «во имя ценностей религии и отечества» бороться с тем, кто «соскользнул в лабиринт такфиризма, столкновения и противостояния»⁵³¹. Также в качестве сигнала о готовности Саудовской Аравии вернуться к диалогу с умеренной частью шиитских общин Ближнего Востока была воспринята встреча наследного принца Мухаммада ибн Салмана с лидером «Национального движения мудрости» («Тайяр аль-Хикма аль-Уатаний») Аммаром аль-Хакимом – одним из ведущих шиитских шейхов Ирака⁵³².

Примечательно, что одной из площадок для предварительных переговоров о нормализации между Саудовской Аравией и Ираном в период 2021–2022 гг. стал именно Ирак – страна, в которой суннито-шиитский вопрос имеет особую специфику и крайне актуален, а ключевым посредником выступил Китай, который активно развивает торгово-финансовые связи с Эр-Риядом и военно-политические отношения с Тегераном. Однако с момента подписания соглашения о нормализации прошло ещё недостаточно времени, чтобы делать далёко идущие выводы, а сам процесс находится под угрозой из-за текущих событий в регионе и на международной арене.

* * *

Переходя к выводам по второй главе данной работы, следует сказать, что Саудовская Аравия, начиная с момента своего основания в 1932 году, прошла сложный путь от королевства, окружённого зависимыми и полузависимыми

⁵³¹ رابطة العالم الإسلامي // ملتقى المرجعيات العراقية URL: <https://www.themwl.org/ar/forum-of-iraqi-references> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵³² السعودية.. سبب زيارة عمار الحكيم ولقاء محمد بن سلمان يثير تفاعلا // CNN Arabic. 19.08.2022. URL: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2022/08/19/ammam-alhakeem-visit-saudi-mbs-meeting-social-reactions> (дата обращения: 10.01.2025).

территориями, до крупнейшей суннитской монархии Арабского Востока и одного из ключевых акторов международной арены, играющих ключевую роль в региональных процессах Ближнего Востока.

Внешняя политика КСА формировалась под влиянием этноконфессиональной и культурно-исторической специфики, которая заложила основу «высших идейных ценностей правящего класса»⁵³³. Более того, данное влияние чётко прослеживается в формировании концептуальных основ внешнеполитического курса Эр-Рияда:

1. Король-основатель **Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман (1932–1953 гг.)** позиционировал своё государство как «поборника ислама» и «защитника независимости арабов», которое должно занять «ведущую роль в окружающем мировом пространстве».
2. Третий король **Фейсал ибн Абд аль-Азиз (1964–1975 гг.)** на основе видения своего отца вывел ключевые принципы внешней политики КСА: «арабская солидарность», «исламская солидарность» и «позитивный нейтралитет».
3. Наследный принц **Мухаммад ибн Салман (2017 г. – н.в.)**, являющийся фактическим правителем, в своей амбициозной программе реформ «Видение: 2030», которая была утверждена в 2016 г., сформулировал образ будущего королевства, согласно которому Саудовская Аравия, будучи центром «исламского мира», должна стать «мировым центром инвестиций», занять место «глобального хаба, соединяющим три континента: Азию, Европу и Африку» и на основе «традиций, инноваций и устойчивого развития» открыть для себя «открыть «новую эру развития и процветания»⁵³⁴.

⁵³³ 59. ص. – الرياض، 1992. – عبد العزيز حسين الصويغ / الاسلام في السياسة الخارجية السعودية. عبد العزيز حسين الصويغ.

⁵³⁴ Leadership Messages // Saudi Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/en/leadership-messages> (дата обращения: 10.01.2025).

Тем не менее, если в эволюции концептуальных основ внешней политики Саудовской Аравии наблюдается определённая преемственность и последовательность, то на уровне практической реализации внешнеполитического курса можно выделить, как минимум, шесть условных периодов:

1. 1932–1958 гг. – период становления королевства;
2. 1958–1979 гг. – период *«живого сочетания морали и реализма»*;
3. 1979–2001 гг. – период активизации *регионального* и *религиозного* векторов;
4. 2001–2015 гг. – период вынужденной *«умеренности»*;
5. 2015–2019 гг. – период резкого ужесточения;
6. с 2019 г. – период смягчения в рамках многовекторности.

При этом на каждом развитии внешнеполитического курса Саудовская Аравия использовала различные стратегии для достижения своих целей и реализации национально-государственных интересов.

В период становления королевства (1932–1958 гг.) ключевыми задачами были обеспечение территориальной целостности, безопасности границ, признание на международной арене и поиск источников финансирования. Впоследствии, особенно после Второй мировой войны, фокус сместился на развитие нефтяного сектора и укрепление отношений с США, что позволило стране занять важное место на мировой арене. При этом отличительными чертами развития внешнеполитического курса КСА в этот период можно назвать ситуационное управление и решающую роль личностного фактора в процессе принятия решений, что, в принципе, сохранило свою актуальность и на следующих этапах вплоть до современного.

Период *«живого сочетания морали и реализма» (1958–1979 гг.)* пришёлся на самый разгар «холодной войны», что определило его специфику. Фейсал стремился к развитию союзнических отношений с США, ставшими для королевства «донором безопасности», и, при этом, придерживался политики «позитивного нейтралитета», т.к. Саудовская Аравия являлась членом Движение неприсоединения. Вместе с тем, уже в тот период Эр-Рияд ставил

перед собой задачи по диверсификации внешнеэкономических связей и укреплению позиций на арабо-мусульманском направлении, которое стало ключевым приоритетом на пути дальнейшего развития внешней политики КСА.

Отличительной чертой **третьего периода (1979–2001 гг.)** стала активизация *регионального* и *религиозного* векторов. На фоне региональных процессов Ближнего и Среднего Востока, о которых подробно говорилось в соответствующих разделах данной работы, Саудовская Аравия выдвинула альтернативные варианты двум основным идеологическим проектам прежних десятилетий: на смену панарабизму пришло «региональное арабское единство» в рамках интеграции монархий Залива, а панисламизм уступил место «суннитскому блоку», который, по сути, был коалицией союзников КСА, противостоявших экспансионистской политике ИРИ. Именно в этот период был сформирован ССАГЗ, ставший одним из основных инструментов Эр-Рияда по реализации лидерских амбиций в зоне Залива.

Четвёртый период (2001–2015 гг.) для внешней политики Саудовской Аравии стал этапом «умеренности», т.к. после терактов 11 сентября 2001 г. королевство было вынужденно защищать свою репутацию на международной арене в связи с обвинениями в поддержке исламистов. Эр-Рияд стал проявлять максимальную осторожность во всех делах, связанных с религией, и активно поддерживал все инициативы по борьбе с международным терроризмом, выступая с собственными инициативами в данной сфере по линии как ОИС, так и других организаций. К проактивной политике КСА вернулись лишь в период «арабской весны», которая спровоцировала дестабилизацию региона и обострила ирано-саудовские противоречия.

Пятый период (2015–2019 гг.) начался после прихода к власти Салмана ибн Абд аль-Азиза и был напрямую связан с резким возвышением его сына – Мухаммада ибн Салмана, который создал в королевстве принципиально новую политическую реальность. Ужесточение внешнеполитического курса КСА в первые годы правления наследного принца, ставшего фактическим руководителем государства, было обусловлено, с одной стороны, реакцией на

события «арабской весны», а, с другой, личными амбициями Мухаммада. Он перешёл к проактивной региональной политике, включая участие в Йеменском конфликте с 2015 г., дипломатическую блокаду Катар и «пленение» Саада Харири в 2017 г. Все эти действия были направлены, прежде всего, на противодействие Ирану и отстаивание лидерских позиций в зоне Заливе.

Тем не менее, после убийства Джамала Хашукджи в 2018 г. Мухаммад ибн Салман столкнулся с жёстким давлением со стороны Запада, что поставило под угрозу целый ряд торговых и оборонных соглашений, необходимых для реализации программы «Видение: 2030». Наследный принц сделал выбор в пользу смягчения внешней политики, после чего с 2019 г. Эр-Рияд придерживается нового умеренного курса, ориентированного на многовекторность и диверсификацию торгово-экономических партнёров.

В целом же, внешняя политика Саудовской Аравии всегда характеризовалась гибкостью и адаптивностью, что позволяло ей успешно реагировать на изменяющиеся условия в регионе и мире. В разные периоды истории страна использовала различные инструменты для достижения своих целей, включая дипломатические, военные и экономические средства. При этом среди детерминант внешнеполитического курса Эр-Рияда можно отметить культурно-историческую специфику страны и этноконфессиональный фактор, которые определили фундамент концептуальных основ. Что касается нефтяного фактора и союзнических отношений с США, то избавление зависимости от первого является одним из ключевых элементов программы развития до 2030 г., а относительно второго Эр-Рияд стремится преодолеть модель «нефть в обмен на безопасность» как путём двустороннего диалога, так и за счёт диверсификации внешнеполитических связей.

ГЛАВА 3. РЕЛИГИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

3.1. Особенности социально-политической системы Саудовской Аравии как конфессионального государства

Социально-политическое развитие Саудовской Аравии – это сложный и многофакторный процесс. В определённой степени, его можно охарактеризовать как устойчивый модернизационный проект, в рамках которого каждое поколение руководства королевства опирается на прогресс своих предшественников, т.е. развитие осуществляется эволюционным, а не революционным путём, что характерно для обществ традиционного типа. При этом, на протяжении десятилетий Саудовская Аравия прилагала усилия для улучшения жизни своих граждан, используя богатства, полученные за счет природных ресурсов, для финансирования социального и экономического развития страны⁵³⁵.

Саудовская Аравия является культурным и политическим центром современного «исламского мира», т.к. на её территории находятся два священных для всех мусульман города – Мекка и Медина. Зачастую КСА характеризуют как теократическую монархию, хотя, с учётом специфики как самого исламского вероучения, так и саудовской государственности, было бы корректнее называть её абсолютной монархией и конфессиональным государством. Как минимум, правящий монарх не является главой «церкви» (подобного института в исламе не существует) и носит титул не *халифа* (наместника Пророка и «повелителя правоверных»), а лишь Служителя Двух Святынь (араб. خادم الحرمين الشريفين), т.е. покровителя Мекки и Медины. Выражаясь иначе, правящий монарх Саудовской Аравии обладает всей полнотой политической

⁵³⁵ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: социально-экономическая трансформация // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. – С. 585–600.

власти, в то время как религиозные вопросы остаются в ведении корпуса *алимов* – богословов, что соответствует определению «конфессионального государства», приведённого в первой главе данной работы⁵³⁶.

Идея демократии в западном её понимании и ценности либерализма в значительной степени остаётся чуждой большинству поданных КСА. Консервативные семейные и исламские ценности остаются в центре внимания, а элементы народовластия реализуются согласно давним племенным традициям. В культурном плане Саудовская Аравия также сохраняет многие элементы племенного общества, а большинство людей глубоко религиозны и консервативны, хотя в демографии наблюдается сильный разрыв между старшим поколением и молодёжью, которая тяготеет к некоторым элементам западного образа жизни. Согласно данным переписи 2022 г., средний возраст в королевстве составляет 29 лет, а из 32 млн населения почти 23,5 млн являются людьми трудоспособного возраста от 15 до 64 лет⁵³⁷.

К тому же, впервые после смерти основателя Саудовской Аравии короля Абд аль-Азиза ибн Абд ар-Рахмана власть перешла к следующему (третьему) поколению, т.е. внукам первого короля. Мухаммад ибн Салман был провозглашён наследным принцем в 2017 г. и назначен премьер-министром в 2022 г. Он очень молод не только по меркам КСА, но и по меркам Запада — в 2015 г. ему было всего 30 лет, а его восхождение впервые отразило интересы его поколения, которое составляет более двух третей населения Саудовской Аравии⁵³⁸.

Королевская семья, количество членов которой, по признанию принцессы Басмы бинт Бандар в интервью 2011 г.⁵³⁹, насчитывает свыше 15 тыс.

⁵³⁶ **Конфессиональное государство** – наделение религии официальным статусом, предполагающим её инкорпорирование в механизм государства; *подчинение религии политической власти*.

⁵³⁷ السكان حسب الفئة العمرية // Saudi Census. URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal/public/1/17/1360?type=DASHBOARD> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵³⁸ Economic and Social Revolution in Saudi Arabia – September 2023 // New Zealand Foreign Affairs & Trade. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/mfat-market-reports/economic-and-social-revolution-in-saudi-arabia-september-2023> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵³⁹ HARDtalk: HRH Princess Basma bint Saud bin Abd Al-Aziz al Saud // BBC. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/b012t5nd> (дата обращения: 10.01.2025).

человек, имеет привилегированное положение, но реальной властью обладают лишь немногие её представители. Король назначает наследного принца, который помогает ему в исполнении его обязанностей. Наследный принц является вторым в очереди на престол. Король правит страной с помощью Совета министров, также называемого Кабинетом. В состав Кабинета входят 22 правительственных министерства. Каждое министерство отвечает за определённую сферу деятельности правительства, например, за международные отношения, образование и финансы⁵⁴⁰.

Королю также даёт советы законосовещательный орган под названием Консультативный совет – Маджлис аш-Шура (араб. مجلس الشورى), который был создан в 1993 г. Совет предлагает новые законы и вносит поправки в существующие. Он состоит из 150 членов, которые назначаются на четырёхлетний срок, который может быть продлён или, наоборот, сокращён по усмотрению правящего монарха. На современном этапе Маджлис аш-Шура подразделяется на 15 специализированных комитетов⁵⁴¹:

1. «Исламские и судебные дела»;
2. «Торговля и инвестиции»;
3. «Энергетика и промышленность»;
4. «Безопасность и военные вопросы»;
5. «Иностранные дела»;
6. «Человеческие ресурсы и социальное развитие»;
7. «Образование и научные исследования»;
8. «Культура, спорт и туризм»;
9. «СМИ и медиа-пространство»;
10. «Финансы и экономическое развитие»;
11. «Здравоохранение»;

⁵⁴⁰ Government // The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia. URL: <https://www.saudiembassy.net/government/?id=Skunk-3593-6229-42-4733> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁴¹ Members of the Shura Council according to the Specialized Committees of the Council for the 4th year of the 8th term // The Shura Council. URL: <https://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/shuraen/internet/committees> (дата обращения: 10.01.2025).

12. «Транспорт, связь и информационные технологии»;
13. «Права человека»;
14. «Организация *хаджа*»;
15. «Водные ресурсы, сельское хозяйство и экология».

Каждый комитет включает, как минимум, 10 членов Консультативного совета и несколько представителей профильных ведомств. Примечательно, что религиозными делами занимаются сразу два комитета – «Исламских и судебных дел» и «Организации *хаджа*».

Поскольку Саудовская Аравия является исламским государством, её судебная система основана на системе исламского права – *фикхе* и *шариате*. Судейский корпус состоит из шариатских судей – *кади*, и наиболее авторитетных богословов-законоведов – *факихов*. Самыми крупными являются шариатские суды, которые рассматривают большинство дел в правовой системе Саудовской Аравии. Также действуют правительственные «светские» суды, которые рассматривают спорные моменты, связанные с конкретными королевскими указами. Король занимает высшую ступень в правовой системе: окончательное обжалование решений как шариатских, так и правительственных судов осуществляется только по решению правящего монарха. Он выступает в качестве высшей апелляционной инстанции и может издавать указы о помиловании.

Однако с середины 2010-х гг. руководство королевства проводит крупные правовые реформы. В частности, 5 января 2018 г. был издан сборник правовых принципов и прецедентов, основанных на изучении более 20 тыс. решений Верховного суда за период 1971–2016 гг.⁵⁴² Кодификация законов продолжается в Саудовской Аравии до сих пор, а общий вектор преобразований правовой системы направлен на модернизацию и «упрощение» существующего законодательства, особенно в гражданской и экономической сфере, что должно способствовать улучшению внутренней обстановки и привлечению

⁵⁴² Saudi justice minister inaugurates book on legal precedents // Arab News. 05.01.2018. URL: <https://www.arab-news.com/node/1219391/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).

иностранных инвестиций. Ожидается, что в результате реформ для компаний, работающих на территории королевства, правовая среда начинает соответствовать ключевым целям, таким как определенность, прозрачность и последовательность⁵⁴³.

Также за последние 10 лет в Саудовской Аравии произошли кардинальные реформы в социальной и культурной сферах:

1. упразднена религиозная полиция;
2. женщины получили право на самостоятельное управление автомобильным транспортом;
3. отменены наиболее спорные законы об опеке со стороны мужчин;
4. прекращена сегрегация в заведениях общепита и досуга по половому признаку.

Однако текущие преобразования социально-политического ландшафта Саудовской Аравии носят двойственный характер: королевство стало как никогда прежде открытым в социальном и культурном плане, в то время как политическая власть сосредоточилась в руках одного человека – Мухаммада ибн Салмана.

В апреле 2016 г. Мухаммад ибн Салман представил программу «Видение: 2030» – амбициозный план развития королевства, предусматривавший не просто экономическую и социальную модернизацию, а вывод страны на принципиально иной уровень развития. Один миллиард долларов, треть запланированной суммы, предположительно уже потрачен на гигантские инфраструктурные инициативы, такие как «прорывной» инфраструктурный проект NEOM на северном побережье Красного моря, в основе которого лежит концепция «умного» города «The Line»⁵⁴⁴. Как и предыдущие правительственные инициативы, «Видение: 2030» также направлено на «саудизацию», то есть на

⁵⁴³ Saudi Arabia: Political, Economic & Social Development – May 2017 Report // Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.saudiembassy.net/sites/default/files/WhitePaper_Development_May2017.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁴⁴ Saudi Arabia Country Report 2024 // BTI. URL: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/SAU> (дата обращения: 10.01.2025).

сокращение в производственном секторе доли трудовых мигрантов и, соответственно, увеличение количества в нём подданных королевства. Более трети населения страны, насчитывающего свыше 32 млн человек, составляют мигранты, которые планируют вернуться в свои страны. Согласно переписи 2022 г. соотношение саудовцев к не-саудовцам составляет 58,4% к 41,6%⁵⁴⁵.

«Видение: 2030» направлено на то, чтобы сделать страну более независимой от нефтяных доходов, которые в настоящее время составляют 80% ВВП. После нескольких лет небольших бюджетных излишков и даже дефицита непредвиденные доходы от продажи нефти в 2022 г. и рекордные темпы роста около 8%. Королевство начало новую кампанию по привлечению иностранных инвестиций и, впервые в своей истории, нерелигиозных туристов. Почти так же важна, как экономическая реформа, социальная и культурная либерализация в Саудовской Аравии⁵⁴⁶.

Либерализация общества не сопровождается какой-либо формой политической либерализации. Напротив, любая форма политического инакомыслия подавляется. Правительство продолжает преследовать активисток, выступающих за права женщин, шиитов и в целом всех, кто высказывает малейшее несогласие и не желает быть кооптированным. В Саудовской Аравии участие в политическом процессе ограничено относительно небольшой частью населения. В стране выборы проводятся только в органы местного самоуправления, а политические партии объявлены вне закона. Участие женщин в политике традиционно ограничено, хотя с 2015 г. женщинам было разрешено баллотироваться в муниципальные советы. Власть в основном находится в руках королевской семьи, которая управляет страной посредством процесса, который, несмотря на политические и экономические изменения, произошедшие с конца XX в., мало отличается от традиционной системы племенного правле-

⁵⁴⁵ 2022 السعودية // Saudi Census. URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁴⁶ Vision 2030 // Digital Government Authority. URL: <https://www.my.gov.sa/wps/portal/snp/content/sau-division/?lang=en> (дата обращения: 10.01.2025).

ния. Племенная идентичность остается сильной и по-прежнему является важной опорой социального контроля. Несмотря на существование современной государственной бюрократии, политическое влияние часто определяется принадлежностью к племени.

Племенная иерархия в стране сложна. Есть несколько небольших, менее влиятельных племен и горстка очень влиятельных крупных племен. Хотя правящая семья пришла к власти во многом благодаря своему военному мастерству и религиозным связям, ее продолжающаяся гегемония была основана на традиционном для арабского общества представлении о том, что лидеры обязаны своим положением умению управлять делами. Точно так же, как шейх племени возглавляет племя, семья Аль Сауд правит страной, умиротворяя соперничающие группировки, добиваясь широкого консенсуса и подавляя экстремистские настроения. Посредником в этом процессе является традиционный *диван*, неофициальный совет, на котором старший мужчина (будь то шейх на уровне племени или король на национальном уровне) заслушивает нерешенные жалобы и осуществляет правосудие и щедрость. Теоретически, любой гражданин мужского пола может заявить о себе в *диване*.

В этой системе наследование трона не является прямым, хотя в соответствии с Основным *низама* правления король должен быть сыном или внуком короля-основателя – Абд аль-Азиза ибн Абд ар-Рахмана. Традиционно наследник престола, который также является заместителем премьер-министра, определяется консенсусом королевской семьи, но с 1992 г. он назначается королём, а утверждение происходит только после смерти монарха с согласия лидеров семейных кланов Аль Сауд. В 2006 г. для участия в выборе наследного принца была сформирована Комиссия по лояльности – совет, состоящий из 35 членов королевской семьи. Королевская семья также может единогласно принять решение о низложении монарха, как это было в случае низложения короля Сауда в 1964 г. При этом низложение Сауда стало возможным только после издания

коллективной *фетвы* самых авторитетных *алимов*, которые поддержали эмиров, выступавших на стороне Фейсала⁵⁴⁷.

Династия Аль Сауд с самого начала своего возвышения в Аравии полагалась на союзнические отношения с религиозными авторитетами ваххабитского движения для поддержания социального и политического контроля. Корона назначает всех основных религиозных функционеров, которые почти исключительно избираются из числа ваххабитов; в свою очередь, правящий монарх пользуется публичной поддержкой со стороны консервативных суннитских богословов. Большинство серьезных угроз политическому статус-кво исходят либо от диссидентских (умеренных) группировок внутри религиозной элиты, либо от исламистов как из числа салафитов-экстремистов, так и радикальных шиитов. Многие из этих групп действуют за рубежом, а некоторые из них были вовлечены в политическое насилие не только на территории королевства, но и в других государствах региона.

Сама концепция программы «Видение: 2030» направлена на развитие сильных сторон Саудовской Аравии как инвестиционной державы, расположенной в самом сердце арабского и исламского мира, с прочными географическими связями с Европой, Азией и Африкой. В Концепции до 2030 года изложены 24 конкретные цели, которых Королевство должно достичь в области экономического, политического и социального развития. В Концепции до 2030 года также сформулированы 18 обязательств по достижению этих целей, включая конкретные инициативы в области возобновляемых источников энергии, производства, образования, электронного управления, развлечений и культуры.

В экономическом секторе были усовершенствованы нормативные акты, направленные на стимулирование иностранных инвестиций. Особое внимание было уделено малым и средним предприятиям. Система образования Саудов-

⁵⁴⁷ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – С. 133.

ской Аравии нацелена на ликвидацию дефицита навыков и подготовку студентов к работе на рынке труда. Программа привела к значительному росту международных инвестиций в Королевство. Инвесторы уже давно рассматривают Королевство как привлекательное место для ведения бизнеса благодаря появлению ключевых возможностей для партнерства в ряде отраслей, включая здравоохранение, производство и технологии⁵⁴⁸.

Экономический рост, связанный с этими инициативами, привел к расширению возможностей трудоустройства саудовских женщин. Важнейшей из этих экономических инициатив является амбициозная попытка превратить Aramco из нефтедобывающей компании в глобальный промышленный конгломерат. Частичная приватизация Saudi Aramco превратит Государственный инвестиционный фонд КСА в крупнейший в мире суверенный фонд благосостояния, который будет инвестировать в передовые мировые технологии. Политическое и государственное развитие имеет важное значение для реализации потенциала «амбициозной нации». С момента основания Королевства обязанности государственных органов значительно возросли. Королевство приступило к реализации программы реструктуризации на всех уровнях государственного управления⁵⁴⁹. Такие инициативы направлены на формирование эффективного, прозрачного и подотчетного правительства, хотя о реальных результатах из-за отсутствия объективных показателей и открытых источников судить крайне трудно.

Вместе с тем, следует отметить, что определяющие политические события в Саудовской Аравии разворачиваются вокруг фигуры Мухаммада ибн Салмана, который в 2017 г. занял пост наследного принца и быстро выступил против многих представителей королевской, политической и деловой элиты страны, ранее сформировавшихся в стране. Его решительная и масштабная ан-

⁵⁴⁸ Vision 2030 // Digital Government Authority. URL: <https://www.my.gov.sa/wps/portal/snp/content/sau-division/?lang=en> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁴⁹ Косач Г.Г. Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 3. – С. 97–108.

тикоррупционная кампания 2017 г., хоть и получила в западных СМИ название «sheikhdawn», что созвучно со словом «вымогательство» (англ. shakedown) и может быть переведено на русский как «шейхтаж» (от слияния слов «шейх» и «шантаж»), но всё-таки помогла вернуть в казну свыше \$1 млрд и подчинить молодому поколению Саудитов старые элитные группы, лишив их прежнего влияния⁵⁵⁰.

Также Мухаммад ибн Салман перестраивает систему власти королевства, предпринимая шаги по ограничению влияния наиболее консервативных религиозных деятелей и традиционной бизнес-элиты, в то же время уделяя больше внимания международным инвесторам и многочисленной, но политически аморфной молодежной группе. Всё это направлено, прежде всего, на укрепление государственных институтов, которые исторически играли меньшую роль, чем «столпы Дома Саудитов», представляющих три соглашения: 1) *с ваххабитами* (для укрепления позиций в качестве хранителей Мекки и Медины), 2) *с племенами* (щедрые дары в обмен на лояльность абсолютистскому правлению) и 3) *с США* («нефть в обмен на безопасность»)⁵⁵¹.

При этом последнее соглашение США с 2015 г. несколько раз оказывалось под угрозой из-за действий Мухаммада ибн Салмана. Например, в июне 2017 г. Салман назначил его наследным принцем вместо своего двоюродного брата Мухаммада ибн Наифа, который в 2012–2017 гг. занимал должность министра внутренних дел, с 2014 г. возглавлял разведку, считался ключевой фигурой КСА в сфере борьбы с терроризмом и имел тесные связи с силовыми структурами и спецслужбами США⁵⁵². В частности, незадолго до своей отставки в 2017 г. и ареста по обвинению в коррупции Мухаммад ибн Наиф был награждён руководством ЦРУ медалью «Джорджа Тенета», при этом на церемонии вручения, проходившей в Эр-Рияде, присутствовали Майк Помпео и

⁵⁵⁰ Hope Bradley, Scheck Justin. Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. New York: Hachette Books, 2020. – P. 203–207.

⁵⁵¹ Young prince in a hurry // The Economist. 09.01.2016. URL: <https://www.economist.com/briefing/2016/01/09/young-prince-in-a-hurry> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁵² Stenslie Stig. Regime Stability in Saudi Arabia: The Challenge of Succession. London: Routledge, 2012. – P. 39.

Мухаммад ибн Салман⁵⁵³. Так что наследный принц, выступая против своего дяди сильно рисковал, но, как показало время, тот риск был оправдан.

С целью смягчения ситуации и недопущения конфликта между кланами правящей династии новым министром внутренних дел был назначен Абд аль-Азиз ибн Сауд ибн Наиф – племянник Мухаммада ибн Наифа. Таким образом контроль над Министерством внутренних дел КСА был формально сохранён за кланом Аль Джилуви, но само ведомство лишилось многих своих полномочий, поскольку силы специального назначения и ключевые функции по борьбе с терроризмом были переданы новому агентству национальной безопасности, напрямую подчиняющемуся королю.

Благодаря подобным действиям Мухаммад ибн Салман зарекомендовал себя, в частности, как защитник интересов саудовской молодежи, которая хочет больше социальных свобод, а также более равных условий в экономике. Некоторые молодые люди, безусловно, приветствовали его шаги по снижению социальных ограничений и борьбе с коррупцией, но он также столкнулся с критикой темпов и характера изменений. Никакой организованной оппозиции не возникло, отчасти потому, что ряд высокопоставленных исламистских деятелей находятся в тюрьме с 2016 г., что удерживает других от активного сопротивления происходящим переменам⁵⁵⁴.

Трансформация Саудовской Аравии на современном этапе не ограничивается внутренней сферой. Программа «Видение: 2030» также меняет отношение королевства к корудающему миру. В своём внешнеполитическом курсе Эр-Рияд, как было показано в предыдущей главе данной работы, стремится к снижению напряжённости в регионе, в том числе поддерживая прекращение огня в Йемене, выступая в роли миротворца в Судане и демонстрируя готовность к сближению с давними соперниками, такими как Иран, Сирия и Турция.

⁵⁵³ CIA honors Saudi Crown Prince for efforts against terrorism // Al Arabiya. 10.02.2017. URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2017/02/10/CIA-awards-Saudi-Crown-Prince-for-efforts-against-terrorism-> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁵⁴ Дербенев А.С. Саудовская Аравия в жерновах политической турбулентности // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3 (13). – С. 273–285.

Кроме того, Саудовская Аравия углубляет и расширяет свои контакты с новыми партнёрами в лице России и Китая, сохраняя традиционные отношения с такими партнёрами, как США и Великобритания.

Вместе с тем, модернизация и социально-политические изменения повлияли на многие основополагающие религиозные традиции Саудовской Аравии. Некоторые религиозные деятели раздвигают границы в переосмыслении социально-религиозных вопросов (несмотря на резкую критику со стороны других). В конечном счете, сохраняется сильное политическое и социальное давление, требующее соблюдения санкционированной государством версии ислама⁵⁵⁵. До 2016 г. исламские идеалы общественного поведения могли строго соблюдаться «шариатскими патрулями» *мутавааинов* (араб. مطوعين) – исламской полицией, которая была особенно строгой в Эр-Рияде. Однако правительство Саудовской Аравии внесло определенные изменения в реформу и смягчение религиозных правил поведения, чтобы отразить социально-политические изменения. Сегодня их в основном можно увидеть патрулирующими улицы только для того, чтобы призвать мужчин к посещению мечетей во время молитв.

Так или иначе, дальнейшее социально-политическое развитие Саудовской Аравии, как и в предыдущие десятилетия, сильно зависит от личностного фактора Мухаммада ибн Салмана Аль Сауда. Должность премьер-министра, которую он занимает с 21 июня 2017 г., формально делает его главой правительства, но он уже является фактическим правителем Саудовской Аравии, поскольку курирует важнейшие экономические, оборонные и внешнеполитические вопросы. Скорее всего, он еще больше укрепит свою власть, прежде чем сменить своего отца на посту короля, но внутренние (раскол внутри правящей династии) и внешние (региональная нестабильность и турбулентность системы международных отношений) создают новые риски для устойчивого

⁵⁵⁵ Саватеев А.Д., Хайруллин Т.Р. Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2019. Т. 15, № 3. – С. 165–180.

развития королевства, вектор которого определён в программе «Видение: 2030».

3.2. Трансформация роли ислама в политической системе Саудовской Аравии

Саудовская Аравия позиционирует себя как «родину ислама», и большинство её жителей (свыше 90% по официальной статистике) являются приверженцами суннитской ветви ислама. Руководство королевства, которое, согласно законодательству, является исламским государством, использует религию как основной инструмент легитимизации своей политики. При этом, исторически доминирующее положение в саудовском обществе занимает ваххабитское течение суннитского ислама, а корпус *алимов*, придерживающиеся этого течения, стал важной социальной и политической силой.

Ваххабизм является строгой интерпретацией ханбалитского *мазхаба* – одной из самых строгих и консервативных богословско-правовых школ ислама, которая возникла ещё в IX в. и, во многом, заложила основу современного мусульманского традиционализма⁵⁵⁶. Основоположник данного течения – Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (1703–1792 гг.) – в своей проповеди продвигал концепцию искажения «чистого» ислама времён Пророка негативными «нововведениями» – *бид'а* (араб. بدعة), которые, по мнению самого богослова, были привнесены сначала различными *тарикатами* (суфийскими «орденами»), а затем и властями Османской империи⁵⁵⁷. *Бид'а* в рамках ваххабитского учения рассматривается как главная причина раскола *уммы*, социальных проблем и прочего зла.

Подобно прочим салафитам, Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб утверждал, что единственным выходом из такой ситуации является «реформа» религии с целью возврата к её изначальному «чистому» варианту, который исповедовали

⁵⁵⁶ Ермаков Д.В. Ибн Ханбал и начало ханбалитства // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1984. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – С. 175–189.

⁵⁵⁷ Ашуров М.Д. Религиозные институты в Саудовской Аравии: история, эволюция и особенности развития // Ислам в современном мире. 2024. Т. 20, № 1. – С. 137.

ас-саляф ас-салихун (араб. السلف الصالحون), т.е. праведные предки. В период ан-Нахды середины XIX – начала XX вв. в мусульманской общественной мысли доминировали две идеи реформирования *уммы*: *ислах* (араб. إصلاح) – «качественное улучшение, преодоление расколов, дисгармонии и разобщённости», и *тадждид* (араб. تجديد) – «обновление как возврат к норме»⁵⁵⁸. При этом *ислах* и *тадждид*, как отметили в своём докладе В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов, «указывают на две принципиально разные логики возрождения», которые «раскрываются через изменения в самоидентификации обществ, государств и региона в целом»⁵⁵⁹.

Ваххабизм, по большей части, опирается именно на второй вариант, т.е. *тадждид*. Подобный подход обеспечил проповеди Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба особенную популярность среди бедных племён Аравии XIX в., что со временем привело к заключению союза между богословом и эмиром – Мухаммадом ибн Саудом (1687–1765 гг.) – в середине 1740-х гг. Именно это событие принято считать началом становления саудовской государственности, которая дважды претерпела неудачу – в 1744–1818 гг. и в 1824–1891 гг. – на пути к обладанию большей части территорий Аравийского полуострова в современных своих границах, провозглашённых в 1932 г.

Несмотря на неудачные попытки построения первых двух государств, династии Аль Сауд и Аль аш-Шейх сохранили верность друг другу и смогли образовать своеобразный «правлящий тандем», где в руках первых находится вся полнота политической власти, в то время как за вторыми закреплена ведущая роль в религиозно-богословских делах. При этом Абд аль-Азиз ибн Сауд (1932–1953 гг.) – выстраивал систему власти, исходя из традиционных для кочевнической аристократии ценностей: солидарности – *ат-тадамун* (араб.

⁵⁵⁸ Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Ближний Восток в поисках утраченного возрождения. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2021. – 31 с.

⁵⁵⁹ Там же: С. 7.

التضامن), взаимопомощи – *ат-таавун* (араб. التعاون) и совещательность – *аш-шура* (араб. الشورى)⁵⁶⁰.

Тем не менее, сегодня королевство, несмотря на свою ваххабитскую суть, позиционирует себя если не в качестве «родины ислама», то как один из центров «исламского мира» по праву защитника двух главных святынь всех мусульман. Наследуя уникальную историческую традицию покровительства Мекке и Медины, король Фахд ибн Абд аль-Азиз (1982–2005 гг.) принял 27 октября 1986 г. титул Служителя Двух Святынь (араб. خادم الحرمين الشريفين), и именно при нём завершился процесс разработки Основного *низама* правления, где в первой статье значится, что «Королевство Саудовская Аравия – арабское исламское государство с полным суверенитетом», а «его религия – ислам, его конституция – Книга Всевышнего Аллаха и Сунна Посланника Его (да благословит его Аллах и приветствует)»⁵⁶¹.

Правительство Саудовской Аравии в значительной степени опирается на связи страны с исламом, а также на свое толкование и обеспечение соблюдения исламского законодательства для обеспечения своей политической легитимности⁵⁶². Между тем, правовая система основана на нормах шариата, и, в частности, ханбалитского мазхаба. Свобода вероисповедания законом не предусмотрена, и для любого, кто прямо или косвенно бросает вызов религии, предусмотрена уголовная ответственность.

Закон запрещает пропаганду атеизма в любой форме, попытки поставить под сомнение основы ислама, публикации, которые противоречат положениям исламского права, и другие действия, включая публичные неисламские богослужения, демонстрацию неисламских религиозных символов, обращение мусульманина в другую религию и пропаганду иных конфессий. Верховный комиссар ООН по правам человека выразила обеспокоенность в связи с тем, что

⁵⁶⁰ Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Саудовская внешняя политика: к вопросу о национальной интерпретации курса страны // Ближний Восток и современность. 2002. №16. – С. 68.

⁵⁶¹ النظام الأساسي للحكم // النظام الأساسي للحكم – URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/16b97fcb-4833-4f66-8531-a9a700f161b6/1> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁶² Чичаев Д.С. Религиозный фактор на Ближнем Востоке: возможные сценарии развития // Человеческий капитал. 2022. № 5–1 (161). – С. 28–33.

некоторые судебные процессы не соответствовали гарантиям справедливого судебного разбирательства и надлежащей правовой процедуры, а также в связи с тем, что преступления, за которые были осуждены эти люди, не соответствовали наиболее тяжким преступлениям, предусмотренным международным правом для смертной казни⁵⁶³.

Это означает, что определенные виды поведения, которые не соответствуют принципам ислама, криминализируются законом. Вероотступничество – *иртидад* (араб. إرتداد), богохульство и переход из ислама в другую религию – все это считается серьезными уголовными преступлениями, которые могут караться тюремным заключением, побоями или смертной казнью, т.к., в мусульманской правовой системе, рамках любой мусульманин, ставящий под сомнение истинность ислама или святость Пророка, может быть признан виновным в вероотступничестве. В делах о смертной казни показания женщины считаются лишь половиной от показаний мужчины. Правительство требует, чтобы не-граждане, проживающие на законных основаниях, имели при себе удостоверение личности, в которых указано, являются ли они мусульманами или иноверцами. Для натурализации и получения подданства, не-мусульмане должны принять ислам.

Значение мусульманского паломничества (хаджа)

Приверженность Саудовской Аравии исламу подтверждается великолепным обслуживанием и расширением мест ритуального поклонения, что позволяет большему числу мусульманских паломников совершать хадж. Каждый год средства из годового бюджета выделяются исключительно на эти цели. Министерство паломничества совместно с другими правительствен-

⁵⁶³ 2022 Report on International Religious Freedom: Saudi Arabia // Office of International Religious Freedom. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/saudi-arabia/> (дата обращения: 10.01.2025).

ными учреждениями осуществляет надзор за ежегодной материально-технической подготовкой к *хаджу* и поддерживает проекты в Королевстве и за рубежом, направленные на повышение роли ислама в обществе.

Начиная с короля Абд аль-Азиза, саудовские лидеры руководили рядом текущих проектов, направленных на улучшение качества проживания, медицинского обслуживания и других услуг для паломников. Важным компонентом этой политики стало расширение Священной мечети в Мекке и мечети Пророка в Медине. Во время объединения Саудовской Аравии в 1932 г. Священная мечеть могла вместить 48 тыс. верующих, а мечеть Пророка – 17 тыс., однако, благодаря ряду планов расширения, последний из которых был завершен в 1992 г., вместимость двух священных мечетей увеличилась до более чем одного миллиона и более чем полумиллиона человек соответственно. Под личным руководством короля Фахда были также улучшены инфраструктура и услуги, необходимые для того, чтобы миллионы паломников могли совершать свои религиозные обряды с комфортом и безопасностью⁵⁶⁴.

Хадж (большое паломничество) и *умра* (малое паломничество) имеют особое значение не только для исламского вероучения, но и для внешней политики Саудовской Аравии. Организация паломничества играет важную роль как в экономике, так и в «мягкой силе» королевства.

С одной стороны, ежегодный приток паломников обеспечивает приток финансов. В 2017 г. одно лишь *умра* принесла бюджету КСА более \$4 млрд, а *хадж* – около \$8 млрд, что, по мнению некоторых экспертов и аналитиков, делает эту отрасль вторым по величине источником дохода после экспорта углеводородов⁵⁶⁵.

С другой стороны, «индустрия *хаджа*» предполагает выстраивание сложной логистической системы, охватывающей все части «мусульманского мира». Визы для *хаджа* и *умры* выдаются консульствами Саудовской Аравии,

⁵⁶⁴ Law and Religion in Saudi Arabia // International Center for Law and Religion Studies. URL: <https://www.iclrs.org/blurp/saudi-arabia-country-info/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁶⁵ Аватков, В.А., Религиозный фактор и мусульманское паломничество в российско-саудовских отношениях // Россия и мусульманский мир. 2022. №2 (324). – С. 64–71.

а заявление на её получения подаётся через лицензированные профильным министерством КСА туристические агентства⁵⁶⁶. Таким образом, Эр-Рияд в межгосударственных отношениях, помимо взаимодействия на уровне официальных ведомств, имеет обширные связи в сфере публичной дипломатии, в основе которых лежат религиозные вопросы.

Несмотря на значительную либерализацию визовой политики в рамках программы «Видение: 2030», визы для паломников остаются особой категорией. На основе ряда соглашений ОИС Саудовская Аравия на каждый год устанавливает квоты на посещение Мекки и Медины, предполагающие 1 тыс. паломников на 1 млн всего мусульманского населения страны, но в силу статистических погрешностей и иных факторов саудовское руководство подходит к этому вопросу достаточно гибко. Российская Федерация, будучи страной-наблюдателем ОИС с 2005 г., также имеют свою квоту на *хадж* и *умру* – она определяется через Хадж-Миссию на территории РФ по линии посольств и Министерства *хаджа* и *умры* КСА.

Официально в России есть восемь лицензированных операторов, занимающихся организацией паломничества⁵⁶⁷:

1. «АВН ТУР»;
2. «БУЛГАР-ТУР»;
3. «ДУМ РТ ХАДЖ»;
4. «Марва-Тур»;
5. «Муслим Тур»;
6. «Сафа-Тур»;
7. «Умма Тревел»;
8. ТФ «КАВКАЗ».

⁵⁶⁶ Hajj Visa // Saudia. URL: <https://www.saudia.com/before-flying/travel-information/hajj-and-umrah/hajj-visa> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁶⁷ Хадж операторы // Хадж-Миссия России. URL: <https://hajjmission.ru/operators> (дата обращения: 10.01.2025).

Официальная квота для российских мусульман составляет 20,5 тыс. человек в год, но, как правило, это число, по согласованию с ОИС, изменяется в большую сторону. Например, до введения коронавирусных ограничений в 2019 г. из России в паломничество отправилось 25 тыс. верующих⁵⁶⁸.

«Шиитский вопрос» в Саудовской Аравии

Положение шиитского меньшинства Саудовской Аравии вызывает большой интерес как с точки зрения политического развития и межконфессиональных отношений внутри самого королевства, так и в контексте региональных и международных процессов. Более 93% населения страны, по оценкам Pew Research Centre, являются мусульманами⁵⁶⁹, что, с учётом результатов переписи населения КСА 2022 г., составляет около 29 млн человек от общего показателя в 32,175,224 человека⁵⁷⁰.

Примечательно, что официальная статистика делает акцент на таких показателях, как средний возраст жителей страны (29 лет), коэффициент фертильности (2,8), средний размер семьи внутри (4,8) и за пределами (2,7) королевства, соотношение мужчин (61,2%) и женщин (38,8%), а также саудовцев (58,4%) и не-саудовцев (41,6%), но не приводит никакой информации относительно этнического и религиозного состава населения. В этой связи, для определения численности шиитской общины в Саудовской Аравии приходится полагаться либо на оценки различных организаций, исследовательских коллективов или отдельных экспертов, либо на косвенные показатели и неподтверждённые данные.

Например, согласно одной из самых авторитетных англоязычных энциклопедий – «Британнике», в 2000 г., с учётом всех подданных, не-подданных и трудовых мигрантов, доля суннитов в Саудовской Аравии составляла 84% от

⁵⁶⁸ 25 тысяч российских мусульман совершат хадж в этом году // Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ). URL: <https://dumrf.ru/regions/77/event/15654> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁶⁹ Fahmy D. 5 fact about religion in Saudi Arabia // Pew Research Center. 2018. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/04/12/5-facts-about-religion-in-saudi-arabia/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁷⁰ 2022 تعداد السعودية // Saudi Census. URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal> (дата обращения: 10.01.2025).

общего количества верующих, шиитов – 10%, католиков – 3%, индуистов – 1%, неверующих и представителей прочих вероисповеданий – 2 %⁵⁷¹. В докладе Международной кризисной группы (ICG – International Crisis Group) от 2005 г. под названием «Шиитский вопрос в Саудовской Аравии» приводится менее точная оценка в 10–15%⁵⁷², что в середине 2000-х гг. равнялось бы примерно 2 млн человек. Также имеется и американская версия: по данным отчёта Госдепартамента США о международной свободе вероисповедания за 2022 г. общая численность мусульман в Саудовской Аравии составляет 85–90%, из которых около 10–12% являются шиитами⁵⁷³.

Если же опираться на результаты переписи населения КСА 2022 г., то, с очевидными погрешностями, можно подсчитать соотношение населения провинций, где традиционно проживают шииты, с прочими регионами королевства. Совокупная численность жителей Аш-Шаркийи (5,125,254 человека), Асира (2,024,285 человек), Джазана (1,404,997 человек) и Наджрана (592,300 человек) составляет 9,146,836 человек⁵⁷⁴, или 28,43% от общей численности в 32,175,224 человека. Подобный подход, при учёте устаревших данных по пропорциям конфессионального состава населения королевства, даёт некоторым исследователям возможность предположить, что доля шиитского населения Саудовской Аравии составляет около 20–25% (приблизительно 7,5 млн человек)⁵⁷⁵.

Если говорить об истории суннито-шиитских взаимоотношений в целом, то в их развитии, как указала в одной из своих статей О.С. Чикризова, выделяется шесть этапов: с 632 по 661 гг., с 661 по 1258 гг., с 1258 по 1501 гг.,

⁵⁷¹ Religion of Saudi Arabia // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/place/Saudi-Arabia/Religion> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁷² Middle East Report №45: The Shiite Question in Saudi Arabia. Brussels: ICG, 2005. – P. 5.

⁵⁷³ 2022 Report on International Religious Freedom // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁷⁴ Население по национальной принадлежности = السكان حسب الجنسية // SAUDI CENSUS. URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal/public/1/18/101511?type=TABLE> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁷⁵ Останин-Головня В.Д. Положение шиитского меньшинства Саудовской Аравии на современном этапе // Россия и мусульманский мир. 2024. № 3 (333). – С. 62–73.

с 1501 по 1925 гг., с 1925 по 1979 гг. и с 1979 г. по настоящее время⁵⁷⁶. Наибольшее значение в контексте заявленной темы имеют последние три этапа, т.к. именно они хронологически совпадают с периодами активного распространения ваххабитского учения, а также зарождения, становления и последующего развития саудовской государственности.

Салафитская направленность ваххабитского учения сформировала среди его последователей негативное отношение к шиизму. В своей проповеди М. ибн Абд аль-Ваххаб называл шиитов «рафидитами», т.е. «отвергающими»⁵⁷⁷. Культовые практики шиитских общин, вроде празднования Дня Ашура и поклонения могилам имамов, он причислял к вредным нововведениям (*бид'а*), граничащим с язычеством⁵⁷⁸. Саудиты, в свою очередь, активно использовали богословские концепции М. ибн Абд аль-Ваххаба для обоснования своих политических амбиций и претензий на власть среди племён Аравии. Одним из ярчайших моментов здесь стало нападение недждийских ваххабитов на Кербелу в 1802 г., которое завершилось резнёй и разграблением гробницы одного из самых почитаемых среди шиитов имамов – Хусейна ибн Али⁵⁷⁹.

Не менее ярким эпизодом в истории взаимоотношений ваххабитов и шиитов является разрушение мединского кладбища аль-Баки', где покоились не только родственники самого пророка Мухаммада, но и многие выдающиеся богословы ислама, в том числе и шиитские имамы. Первую попытку сравнить с землёй это культовое место Саудиты предприняли в 1806 г., т.к., согласно учению М. ибн Абд аль-Ваххаба, любое почитание могил является формой идолопоклонничества, а Дир'ийский эмират после захвата Хиджаза стремился всеми возможными способами продемонстрировать, что *хадж* теперь находится под их властью. В 1924 г. Аль Сауд вновь завоевали Хиджаз, вернув

⁵⁷⁶ Чикризова О.С. К вопросу о методологии изучения суннито-шиитских взаимоотношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. – С. 75–78.

⁵⁷⁷ Commins D. The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. London: I.B. Tauris, 2009. – P. 16.

⁵⁷⁸ DeLong-Bas N.J. Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad. Cairo: The American University in Cairo Press, 2005. – P. 89–90

⁵⁷⁹ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 106–107.

себе контроль над Меккой и Мединой. На следующий год Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман, заручившись поддержкой кади Абдаллы ибн Булайхида, распорядился окончательно разрушить кладбище аль-Баки⁵⁸⁰. Дата завершения сноса – 21 апреля 1926 г. – вошла в шиитскую традицию как День скорби и стала одним из центральных эпизодов не только в исторической памяти шиитской общины Саудовской Аравии, но и во всём развитии суннито-шиитских взаимоотношений.

После провозглашения КСА в 1932 г. шииты, проживающие на территории Саудовской Аравии, оказались в положении дискриминируемого меньшинства. Многие представители шиитской общины ещё до объединения Неджда и Хиджаза были вынуждены бежать на территорию Ирака, Ирана, Йемена и Бахрейна, т.к. в середине 1920-х гг. они стали подвергаться систематическим гонениям со стороны наиболее ревностных ваххабитов⁵⁸¹. На определённом этапе религиозный фанатизм ихванов, бывших основой войска Саудитов в процессе объединения земель полуострова, стал представлять прямую угрозу централизованной власти.

Соглашения с Великобританией, в рамках которых Абд аль-Азиз, помимо прочего, обязался прекратить набеги «братьев» на Трансиорданию, Ирак и Кувейт, побудили лидеров движения выдвинуть королю целый список претензий, где одним из пунктов значилось терпимое отношение к «рафидитам» (т.е. шиитам) в Аль-Хасе и Аль-Катифе⁵⁸². Король, в свою очередь, пытался прийти к компромиссу, однако попытки договориться с недовольными вождями провалились. И хотя восстание ихванов 1927–1930 гг. было подавлено, «терпимое отношение» Абд аль-Азиза к шиитам изменилось: за ними сохранялось право на отправление культа в личном порядке, но, при этом, вступал в силу запрет на строительство новых мечетей и учреждение собственных

⁵⁸⁰ Mohammadi A. The Destruction of Jannat al-Baqi': A Case of Wahhabi Iconoclasm // University of Toronto Undergraduate Journal of Middle East Studies. 2015. No. 8. – P. 49.

⁵⁸¹ Кириченко В. Положение шиитского меньшинства в Саудовской Аравии: социальный и политический аспекты // Россия и мусульманский мир. 2015. № 6 (276). – С. 135.

⁵⁸² Armstrong H.C. Lord of Arabia Ibn Saud: The Intimate Study of a King. London: Kegan Paul, 2005. – P. 216.

школ⁵⁸³. В дальнейшем шииты лишились доступа к военной службе, руководящим должностям в государственных структурах и крупных коммерческих предприятиях, что позволяет говорить если не о систематическом угнетении, то, как минимум, о притеснениях шиитского меньшинства со стороны суннитского большинства.

Тем не менее, на протяжении 1930-х – 1960-х гг. «шиитский вопрос» оставался преимущественно внутренней проблемой Саудовской Аравии. Шииты принимали участие в ряде забастовок работников нефтяных предприятий (например, 1944 г. и 1953 г.) и демонстрациях против размещения американских войск на территории королевства (вроде событий 1956 г. в Аз-Захране), но тогда они выходили в одном ряду с недовольными суннитами и в качестве самостоятельной протестной силы фигурировали крайне редко.

В указанный период Эр-Рияд гораздо больше внимания уделял борьбе с оппозиционными политическими движениями по типу насеристов, баасистов, радикальных националистов и республиканистов. Однако уже в 1970-х гг. на фоне начала «исламского пробуждения» и последовавших за ним трансформаций политического ландшафта Ближнего Востока ситуация стала меняться⁵⁸⁴. Иранская революция 1979 г. дала мощный импульс к подъёму шиитского движения во всём регионе, что привело к обострению противоречий с суннитами и, как следствие, усилению влияния исламского фактора на мировую политику. Своеобразные «линии разлома» возникли практически во всех странах Арабского Востока, где имелись шиитские общины: от Ливана, Сирии и Ирака до Йемена, Бахрейна и Саудовской Аравии.

26 ноября – 3 декабря 1979 г. в Аль-Хасе и Аль-Катифе начались массовые протесты шиитов, требовавших обеспечения прав на религиозную свободу и улучшения качества жизни в регионах их компактного проживания⁵⁸⁵.

⁵⁸³ Commins D. The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. London: I.B. Tauris, 2009. – P. 76.

⁵⁸⁴ Останин-Головня В.Д. Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 2. – С. 213.

⁵⁸⁵ Федорченко А.В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос» // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2 (29). – С. 109.

Предлогом стал запрет саудовских властей на публичное празднование Дня Ашура. Первые демонстрации носили преимущественно мирный характер, но после их разгона социальные лозунги недовольных шиитов обрели политический характер, толпа стала вооружаться камнями, палками и, в некоторых случаях, холодным оружием, что вынудило Национальную гвардию КСА применить не только дубинки и электрошокеры, но и огнестрельное оружие. По итогу беспорядков погибло 24 протестующих, было ранено около 100 и арестовано несколько тысяч человек⁵⁸⁶.

Жестокая реакция силовиков во многом была обусловлена тем, что выступления шиитов на востоке королевства происходили на фоне трагических событий 20 ноября – 4 декабря 1979 г. в Мекке, где группа радикальных салафитов захватила Мечеть аль-Харам, взяв в заложники более 6 тыс. паломников. Достаточно быстро выяснилось, что за организацией протестов в Аль-Хасе и Аль-Катифе стояла «Организация за Исламскую революцию на Аравийском полуострове» (ОИРАП) во главе с шиитским шейхом Хассаном ас-Саффаром. После разгона демонстраций лидеры ОИРАП бежали из королевства в Иран и Европу, а в 1980 г. активисты Организации начали издавать в Лондоне «Журнал Исламской революции», в котором публиковались программные тексты, явно вдохновлённые идеями хомейнизма⁵⁸⁷. Для саудовских властей всё это было явным свидетельством если не прямой вовлеченности революционного Ирана, то, как минимум, его заинтересованности в развитии протестного движения среди шиитов королевства, что привело к трансформации внешней политики Эр-Рияда и началу конфронтации с Тегераном.

С 1981 г., иранские паломники стали регулярно проводить политические демонстрации во время хаджа. Чаще всего их лозунги были направлены против Израиля, а также политики США и СССР в отношении стран «исламского мира». Обычно всё заканчивалось разгоном подобных акций и единичными

⁵⁸⁶ Nehme M.G. Saudi Arabia 1950-80: Between Nationalism and Religion // Middle Eastern Studies. 1994. No. 4. – P. 930–943.

⁵⁸⁷ Al-Mdaires F.A. Islamic Extremism in Kuwait: From the Muslim Brotherhood to Al-Qaeda and other Islamic Political Groups. Abingdon: Taylor & Francis, 2010. – P. 200.

арестами, однако 31 июля 1987 г. силы полиции и Национальной гвардии КСА перекрыли маршрут демонстрации, что привело к давке и жестоким столкновениям, в результате которых погибло около 400 человек, среди которых насчитывалось 275 паломников из Ирана, 42 паломника из других стран и 85 саудовских силовиков⁵⁸⁸.

Действия правоохранительных органов Саудовской Аравии в той ситуации были обусловлены тем, что в мае 1987 г. в Восточной провинции королевства возникла военизированная организация под названием «Хизбалла Хиджаза», и в Эр-Рияде опасались, что её члены могут превратить очередную демонстрацию в вооружённое восстание⁵⁸⁹. Во многом опасения были оправданы, т.к. вскоре «Хизбалла Хиджаза» опубликовала заявление с призывом к свержению режима Саудитов, а в дальнейшем использовала события в Мекке для обоснования терактов на нефтяных объектах в Рас аль-Джуайма (августа 1987 г.) и Джубейле (март 1988г.)⁵⁹⁰.

Тем не менее, после завершения Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. и смены руководства Исламской республики в 1989 г. отношения между Эр-Риядом и Тегераном стали постепенно теплеть, что сказалось и на положении шиитского меньшинства Саудовской Аравии. В 1993 г., по окончании «зачистки» наиболее радикальных элементов ОИРАП и «Хизбаллы Хиджаза», король Фахд провел встречу с представителями оппозиции, большинство которых составляли шииты. В обмен на обещание прекратить подрывную деятельность на территории страны монарх обязался ликвидировать некоторые формы явной дискриминации. В частности, из учебников были исключены

⁵⁸⁸ Saudis Report Broad Support for Mecca Policy: Envoy Says Heads of 40 Nations Hail Tough Stand Against Iranian Rioters (1987) // Los Angeles Times. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1987-08-07-mn-1141-story.html> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁸⁹ Matthiesen T. Hizbullah al-Hijaz: A History of the Most Radical Saudi Shi'a Opposition Group // Middle East Journal. 2010. No. 2. – P. 186–188.

⁵⁹⁰ Кириченко В. Положение шиитского меньшинства в Саудовской Аравии: социальный и политический аспекты // Россия и мусульманский мир. 2015. № 6 (276). – С. 138.

уничижительные термины по отношению к шиитам, а некоторые оппозиционные активисты получили амнистию и разрешение вернуться в КСА⁵⁹¹.

Однако вскоре «перемирие» между Саудитами и шиитами было нарушено. 25 июня 1996 г. в Аль-Хубаре террористы направили автоцистерну с 2 тоннами взрывчатки в жилой комплекс, где размешался личный состав ВВС США. В результате теракта погибло 19 американских военных, около 500 человек получили ранения, а ответственность за случившееся Саудовская Аравия возложила на проиранскую «Хизбаллу Хиджаза», что повлекло за собой репрессии и в отношении шиитских активистов умеренного толка⁵⁹².

В любом случае, попытка короля Фахда наладить отношения с шиитами носила, по большому счёту, ситуативный характер, т.к. дискриминация на системном уровне была обусловлена не только внутривосточной ситуацией. Исторический конфликт между ваххабитами и шиитами оставили глубокий след в общественном сознании как суннитского большинства, так шиитского меньшинства, а продолжающаяся, несмотря на периодические попытки нормализации, геополитическая конфронтация Саудовской Аравии и Ирана, превратила межконфессиональные отношения в один из важнейших элементов борьбы двух государств за влияние в регионе.

Реформы короля Абдаллы и стабилизация межконфессиональных отношений

В начале 2000-х гг. Саудовская Аравия и Иран стали проявлять интерес к стабилизации региона, что, в условиях Иракского кризиса и резкого усиления позиций США на Ближнем Востоке, было бы невозможно без очередной разрядки в отношениях между Эр-Риядом и Тегераном. Напрямую «шиитский вопрос» в ирано-саудовском диалоге того периода не поднимался, т.к. про-

⁵⁹¹ Федорченко А.В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос» // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2 (29). – С. 110.

⁵⁹² Matthiesen T. Hizbullah al-Hijaz: A History of the Most Radical Saudi Shi'a Opposition Group // Middle East Journal. 2010. No. 2. – P. 192–193.

блема межконфессиональных отношений могла свести на нет дипломатические успехи ваххабитского королевства и шиитской республики. Тем не менее, саудовское руководство шло на определённые уступки, чтобы продемонстрировать иранским партнёрам и международному сообществу свою открытость и готовность к реформам, что было особенно важно после терактов 11 сентября 2001 г.

Так, 4 августа 2003 г. по инициативе наследного принца Абдаллы был создан Центр национального диалога им. короля Абд аль-Азиза⁵⁹³. Само возникновение Центра, как отметил Г.Г. Косач, внесло «принципиально новые нюансы» в систему власти Саудовской Аравии, т.к. правящая элита, по сути, впервые открыто обратилась к общественному мнению на фоне проводимых реформ⁵⁹⁴. За всё время существования Центра, без учёта мероприятий регионального уровня, с 2003 по 2024 гг. было проведено десять тематических форумов под эгидой «Национальных встреч»⁵⁹⁵:

- 1) Август 2003 г. – Эр-Рияд – национальное единство;
- 2) Декабрь 2003 г. – Мекка – борьба с религиозным фанатизмом и экстремизмом;
- 3) Июнь 2004 г. – Медина – права женщин;
- 4) Декабрь 2004 г. – Дахран (Восточная провинция) – молодёжная политика («молодёжь и образование», «молодёжь и труд», «молодёжь и культура», «молодёжь и национальная идентичность»);
- 5) 2005 г. – Абха (провинция Асир) – «Национальный взгляд на взаимодействие с культурами мира»;
- 6) 2006 г. – Сакака (провинция Аль-Джуф) – «Образование: реальность и пути развития»;

⁵⁹³ В 2023 г. название организации было изменено на «Центр культурной коммуникации им. короля Абд аль-Азиза».

⁵⁹⁴ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: Центр национального диалога в контексте "этапа реформ" // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2010. № 5. – С. 306.

⁵⁹⁵ لقاءات وطنية // مركز الملك عبدالعزيز للتواصل الحضاري URL: <https://www.kaccc.org.sa/ar/Archive/index/67> (дата обращения: 10.01.2025).

- 7) 2008 г. – Бурайда (провинция Аль-Касим) – «Сфера труда и занятости: диалог между обществом и компаниями»;
- 8) 2010 г. – Наджран – «Службы здравоохранения: диалог между обществом и медицинскими учреждениями»;
- 9) 2012 г. – Ат-Таиф – «СМИ: реальность и пути развития»;
- 10) 2015 г. – Табук – «Экстремизм и его влияние на национальное единство».

Эффективность работы Центра и реальная степень «инклюзивности» проведенных им «Национальных встреч», конечно, весьма сомнительны. Многое указывает на то, что данная инициатива, прежде всего, была призвана дать Саудидам, как выразился Г.Г. Косач, «действительно легитимную возможность последовательного движения по пути углубления реформ»⁵⁹⁶. Однако в рамках заявленной темы особый интерес вызывают первые два форума.

К участию в эр-риядском форуме 2003 г. привлекли не только богословов официального ханбалитского мазхаба, но и представителей других правовых школ и течений – маликизма, шиизма, исмаилизма, суфийских тарикатов и даже оппозиционного салафитского движения «Пробуждение» (*«Ас-Сахва ас-Саудия»* или *«Сахва биляд аль-Харамейн»*). Основной темой для обсуждения было преодоление межконфессиональных конфликтов с целью укрепления национального единства в рамках «умеренного исламского дискурса». Одним из ярчайших эпизодов форума стал символический жест одного из лидеров *«Ас-Сахвы»* Салмана аль-Уда, предложившего по окончании мероприятия Хасану ас-Саффару, возглавлявшему на тот момент умеренное «Движение за реформы» (*«Аль-Харака аль-Ислахия»*), подвезти его на своей машине⁵⁹⁷. Тем не менее, практических результатов первая «Национальная встреча» не принесла.

⁵⁹⁶ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: Центр национального диалога в контексте "этапа реформ" // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2010. № 5. – С. 320.

⁵⁹⁷ Lacey, Robert. Inside the Kingdom. New York: Viking, 2009. – P. 271.

На мекканском форуме 2003 г., посвящённом проблеме терроризма и распространения радикального исламизма в Саудовской Аравии, другой шиитский деятель – Хашим Салман – открыто жаловался на продолжение и рост дискриминации шиитов, хотя по итогу все участники подписали заявление с призывами к терпимости, расширению представительности органов власти, а также отказу от *фетв*, вынесенных отдельными лицами «по вопросам, представляющим национальный интерес»⁵⁹⁸. В определённой степени это отразило две основные тенденции политики саудовского руководства по отношению к шиитскому меньшинству в период 2000-х гг. С одной стороны, большинство шиитов по-прежнему не имели доступа к руководящим должностям в государственном аппарате и крупных компаниях, продолжались аресты оппозиционных активистов, а массовые мероприятия в Восточной провинции, Наджране и Асире по-прежнему разгонялись силовыми методами. С другой же стороны, лояльные к власти шииты стали активно привлекаться к участию в деятельности Центра на общесаудовском уровне и начали входить в органы местного самоуправления.

Важно упомянуть, что ещё до запуска формата «Национальных встреч» 30 апреля 2003 г. 450 представителей шиитской общины Саудовской Аравии подали наследному принцу, премьер-министру и главе Национальной гвардии коллективную петицию, известную под названием «Партнёры по Отечеству»⁵⁹⁹. Документ содержал 16 предложений по укреплению национального единства посредством расширения состава старых и создания новых представительных органов власти, реформы образования, пересмотра подходов к профилактике межконфессиональных конфликтов и улучшения положения шиитов. В условиях региональной турбулентности, начавшейся на фоне вторже-

⁵⁹⁸ Second National Meeting: Fighting fanaticism and extremism // The King Abdulaziz Center for National Dialogue. URL: https://web.archive.org/web/20080119202013/http://www.kacnd.org/eng/second_meeting.asp (дата обращения: 10.01.2025).

⁵⁹⁹ نص وثيقة شركاء في الوطن // الجزيرة. URL: <https://www.aljazeera.net/2004/10/03/2-الوطن-نص-وثيقة-شركاء-في-الوطن> (дата обращения: 10.01.2025).

ния США в Ирак, Саудиты стремились максимально стабилизировать внутреннюю ситуацию в королевстве, и поэтому ряд требований петиции был принят во внимание.

Так, после расширения состава Консультативного совета в 2005 г. до 150 человек, пять мест по решению короля было отдано шиитам, в то время как на предыдущих этапах увеличения численности членов совещательного органа (до 60 человек в 1993 г., до 90 – в 1997 г. и до 120 – в 2001 г.) от шиитской общины имелся только 1 представитель⁶⁰⁰. Также в 2005 г. при *Маджлис аш-Шура* был создан Комитет по правам человека, в состав которого вошли 24 члена, включая двух шиитов. Что касается регионального уровня, то на состоявшихся в марте 2005 г. муниципальных выборах шииты впервые получили большинство (11 из 12 мест) в Аль-Катифе и Аль-Хасе, где явка достигла рекордных 75%⁶⁰¹.

Можно сказать, что на фоне разрядки в ирано-саудовских отношениях на рубеже 1990-х – 2000-х гг. среди шиитов КСА оформилось новое умеренное реформаторское движение, готовое к мирной политической борьбе за права, а также к конструктивному сотрудничеству с правящим режимом. Саудиты, в свою очередь, пошли навстречу, увидев в этом возможности для укрепления общесаудовской идентичности и повышения собственного имиджа как внутри государства, так и на международной арене. Лидеры шиитской общины признают, что с приходом к власти короля Абдаллы правительство стало демонстрировать большую открытость и готовность к диалогу. Показательным стала отмена ограничений на публичное празднование Дня Ашура, Каркина и ряда других праздников.

⁶⁰⁰ Sukkar A. Political reform and its impacts on political stability: a case study of the Kingdom of Saudi Arabia during the period from 1990 to 2010 (PhD thesis) // VU Research Repository. 2010. URL: https://vuir.vu.edu.au/17748/3.has-lightboxThumbnailVersion/SUKKAR%20Atif-theses_nosignature.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

⁶⁰¹ الاحتواء // الشبعة في السعودية: من التهميش إلى الاحتواء // CNN Arabic. URL: https://arabic.cnn.com/2007/middle_east/3/8/shiite-saudi/ (дата обращения: 10.01.2025).

При этом, подобная мягкость в «шиитском вопросе» со стороны политического руководства страны стала вызывать недовольство среди консервативных кругов общества, что в значительной степени замедлило дальнейшее продвижение реформ. Тревожным сигналом стала петиция 2006 г., в которой радикальные салафитские богословы Саудовской Аравии и Ирака призвали шиитов во избежание насильственной смерти отказаться от «ошибочной веры» и встать на «правильный путь» ислама⁶⁰².

Следует отметить, что, несмотря на неоднозначный внешнеполитический курс и жестокое подавление протестов 2017–2020 гг., после прихода к власти короля Салмана в Саудовской Аравии начался новый этап реформирования, который, прежде всего, связан с деятельностью наследного принца Мухаммада ибн Салмана. Модернизационный проект «Видение: 2030» был представлен в апреле 2016 г. и со временем обрёл, как выразился Г.Г. Косач, «черты национальной идеи»⁶⁰³. В частности, «Видение: 2030» содержит обширную социальную программу, где вопрос межконфессиональных отношений напрямую не фигурирует, но ряд целей всё-таки предполагает решение наиболее острых проблем. Как минимум, можно выделить такие пункты, как «Продвижение ценностей умеренности и терпимости», «Укрепление национальной идентичности», «Равный доступ к образованию» и т.д.⁶⁰⁴

4 августа 2021 г. в Мекке прошёл форум Всемирной исламской лиги по вопросам межконфессиональных отношений в Ираке, во время которого, как считается, была озвучена новая позиция Саудовской Аравии по «шиитскому вопросу». Генсек ВИЛ Мухаммад ибн Абд аль-Карим аль-Иса, выступая на открытии мероприятия, заявил, что «между суннитами и шиитами нет ничего,

⁶⁰² Beranek O. Divided We Survive: A Landscape of Fragmentation in Saudi Arabia // Middle East Brief. 2009. No. 33. URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/middle-east-briefs/pdfs/1-100/meb33.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶⁰³ Косач Г.Г. Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 3. – С. 104.

⁶⁰⁴ برنامج تنمية القدرات البشرية // رؤية السعودية 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/vision-2030/vrp/human-capacity-development-program/> (дата обращения: 10.01.2025).

кроме братского взаимопонимания, образцового сосуществования, взаимопомощи и дополнения друг друга в искренней любви», а религиозные инстанции обеих общин должны «во имя ценностей религии и отечества» бороться с тем, кто «соскользнул в лабиринт такфиризма, столкновения и противостояния»⁶⁰⁵. Также в качестве сигнала о готовности Саудовской Аравии вернуться к диалогу с умеренной частью шиитских общин Ближнего Востока была воспринята встреча наследного принца Мухаммада ибн Салмана с лидером «Национального движения мудрости» («*Тайяр аль-Хикма аль-Уатаний*») Аммаром аль-Хакимом – одним из ведущих шиитских шейхов Ирака⁶⁰⁶.

Так или иначе, в перспективе создание более терпимой и открытой атмосферы в обществе может положительно сказаться на положении не только шиитской общины, но и иных меньшинств Саудовской Аравии. Однако на текущем этапе о практических результатах социальных реформ «Видения: 2030», из-за отсутствия объективных показателей и достоверных источников, судить достаточно трудно.

3.3. Религиозные институты в политической системе Саудовской Аравии

Как становится видно из изложенного в предыдущих двух параграфов данной главы, религия в Саудовской Аравии выступает одним из важнейших инструментов легитимации власти правящей династии и обоснования важнейших политических решений. При этом доминирующее положение в королевстве занимает ваххабитское учение, являющееся идеологическим фундаментом всей саудовской государственности, начиная с самого её зарождения в середине XVIII в.

⁶⁰⁵ رابطة العالم الإسلامي // ملتقى المرجعيات العراقية URL: <https://www.themwl.org/ar/forum-of-iraqi-references> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶⁰⁶ السعودية.. سبب زيارة عمار الحكيم ولقاء محمد بن سلمان يثير تفاعلا CNN Arabic. URL: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2022/08/19/ammam-alhakeem-visit-saudi-mbs-meeting-social-reactions> (дата обращения: 10.01.2025).

Саудовские богословы, подавляющее большинство которых представляет наиболее консервативный и строгий ханбалитский *мазхаб*, занимают привилегированное положение и оказывают значительное влияние не только на духовную сферу жизни подданных, но и на политические процессы в королевстве. Ещё в 1967 г. король Фейсал провозгласил Коран конституцией страны, подтвердив ведущую роль священной книги в дальнейшем законодательстве Саудовской Аравии. Позже это было закреплено в Основном *низаме* правления 1992 г., и, как верно заметил американский исследователь Адам Йефет, «религиозный истеблишмент – это такая же государственная бюрократия, как и духовный институт»⁶⁰⁷.

Сегодня в Саудовской Аравии функционирует целый ряд религиозных институтов: как внутренних, так и международных; как инкорпорированных в государственную систему, так действующих на общественных началах. По этой причине фокус внимания будет сосредоточен на тех религиозных институтах, которые имеют наибольшее значение для развития политической системы королевства и могут влиять (прямо или косвенно) на современную внешнюю политику Эр-Рияда.

Лига исламского мира и Всемирная ассамблея мусульманской молодёжи

Лига исламского мира (араб. رابطة العالم الإسلامي), которую также именуют Всемирной исламской лигой или Всемирной мусульманской лигой, была основана в 1962 г. и функционирует по сей день как неправительственная организация, хотя финансируется правительством Саудовской Аравии. В отличие от Организации исламского сотрудничества, Лига исламского мира объединяет не государства, а конкретных богословов и религиозных деятелей из разных стран.

⁶⁰⁷ Yefet Adam. The Influence of Religious Institutions on the Domestic and Foreign Policies of the Kingdom of Saudi Arabia // The International Affairs Review. 2016. URL: <https://www.iar-gwu.org/print-archive/khr7amq5jc83svz4yy20m4vxkcp6yx> (дата обращения: 10.01.2025).

Изначально Лига исламского мира, как отмечают некоторые исследователи, создавалась в качестве инструмента противодействия арабским националистам, среди которых наибольшую угрозу в начале 1960-х Саудиты ощущали со стороны насеровского Египта⁶⁰⁸. Осенью 1962 г. в Йемене началась гражданская война, в которую Эр-Рияд и Каир оказались втянуты по разные стороны противостояния, так что подобная точка зрения вполне обоснована. Однако после нормализации египетско-саудовских отношений деятельность Лиги сосредоточилась на продвижение собственной версии «истинного ислама на основе ценностей умеренности и солидарности *уммы*»⁶⁰⁹.

Действующим главой Лиги исламского мира является Мухаммад ибн Абд аль-Карим аль-Исса (род. 1965 г.), который в период 2009–2015 гг. занимал должность министра юстиции КСА. На текущую позицию его кандидатуру избрал лично наследный принц, т.к. аль-Исса считается ведущим мировым экспертом по умеренному исламу и одной из ключевых фигур в борьбе с экстремистской идеологией в Саудовской Аравии.

Шейх Мухаммад ибн Абд аль-Карим последовательно выступает за развитие межконфессионального диалога на международной арене, за что в феврале 2019 г. был удостоен премии «За мир между религиями» от Национального совета по американо-арабским отношениям (NCUSAR – National Council on US-Arab Relations)⁶¹⁰. Также он известен как один из инициаторов разработки Мекканской Хартии, принятой 28 мая 2019 г. на саммите Лиги исламского мира, в котором приняло участие 139 лидеров местных общин разных стран и свыше 1200 видных мусульманских деятелей. Документ является своеобразным «сводом ценностей и принципов» *уммы* XXI в., а текст, в основном

⁶⁰⁸ Хайруллин Т.Р. Современный исламизм в Арабском мире. М.: ЛЕНАНД, 2022. – С. 83–84.

⁶⁰⁹ Muslim World League and World Assembly of Muslim Youth // Pew Research Center. 2010. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2010/09/15/muslim-networks-and-movements-in-western-europe-muslim-world-league-and-world-assembly-of-muslim-youth/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶¹⁰ MWL chief receives World's Religions Peace Award // Arab News. 20.02.2019. URL: <https://www.arab-news.com/node/1455491/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).

сосредоточен на таких аспектах, как содействие борьбе с экстремизмом, религиозное и культурное многообразие, терпимость и открытость миру⁶¹¹. Примечательно, что Мекканская Хартия практически полностью совпадает с тем образом ислама, который власти КСА стали продвигать после возвышения Мухаммада ибн Салмана.

Тем не менее, критики и противники Саудовской Аравии часто обвиняют её в том, что она использует Лигу исламского мира как инструмент пропаганды и контроля над разветвлённой международной сетью различных мусульманских организаций, которые ведут свою деятельность не только среди государств Мусульманского Востока, но и в европейских странах, таких как Франция, Германия и Великобритания. При этом основное внимание этих организаций направлено на продвижение исламского учения, поощрение мусульман к более строгому соблюдению религиозных норм и предоставление информации об исламе заинтересованным не-мусульманам, а также наставление новообращённых.

Особенно острой критике подвергалась **Всемирная ассамблея мусульманской молодёжи** (араб. الندوة العالمية للشباب الإسلامي), которая была создана в 1972 г. со штаб-квартирой в Эр-Рияде. Официально Ассамблея является международной организацией, выступающей за «сохранение идентичности мусульманской молодёжи и преодоление проблем, с которыми она сталкивается в современном обществе», а также занимающейся организацией спортивных мероприятий, развитием скаутского движения, образовательных и стипендиальных программ для привлечения студентов в Саудовской Аравии⁶¹².

Однако критики указывают, что истинной целью Ассамблеи является обращение молодых не-мусульман в ислам, а в ряды организации в период 1980-х – 1990-х гг. проникло множество исламистов, в том числе, из «Братьев-

⁶¹¹ The Charter of Makkah // Muslim World League. URL: <https://www.themwl.org/en/chartermakkah> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶¹² Muslim World League and World Assembly of Muslim Youth // Pew Research Center. 2010. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2010/09/15/muslim-networks-and-movements-in-western-europe-muslim-world-league-and-world-assembly-of-muslim-youth/> (дата обращения: 10.01.2025).

мусульман» и других формирований. Тем не менее, с усилением контроля властей Саудовской Аравии над религиозными институтами в 2000-х гг. данная проблема если не была решена полностью, то, во всяком случае, нивелирована до единичных случаев вербовки в радикальные группировки.

Министерство по делам ислама, призыва и наставления

Министерство по делам ислама, призыва и наставления, которое также иногда именуется просто как Министерство исламских дел КСА, было учреждено в 1993 г. В обязанности Министерства входит религиозное просвещение, контроль над деятельностью *вакфов*, мечетей и отдельных богословов, а также курирование Комплекса им. короля Фахда по печати Священного Корана в Медине⁶¹³. Миссия ведомства сформулирована как «создание новаторской умеренной исламской среды и устойчивого инновационные услуги по её стратегическим направлениям»⁶¹⁴, к которым относятся⁶¹⁵:

1. **«Священный Коран»** – увеличение количества и распространение печатных изданий внутри королевства и за его пределами, а также продвижение и поддержка конкурсов чтецов Корана на местном и международном уровнях.
2. **«Мечети и их архитектура»** – материальное обеспечение мечетей и «усиление их роли в обществе».
3. **«Посредничество и умеренность»** – «возвышение ислама на принципах посредничества и умеренности» и развитие информационно-пропагандистской работы.
4. **«Исламское лидерство»** – распространение ислама за рубежом, сохранение исламской идентичности и «продвижение позитивного образа Королевства и различных его программ».

⁶¹³ وزارة الشؤون الإسلامية والدعوة والإرشاد // التعريف بالوزارة URL: <https://www.moia.gov.sa/AboutMinistry/Pages/AboutMinistry.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶¹⁴ وزارة الشؤون الإسلامية والدعوة والإرشاد // رؤية الوزارة ورسالتها وقيمتها URL: <https://www.moia.gov.sa/AboutMinistry/Pages/Message.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶¹⁵ وزارة الشؤون الإسلامية والدعوة والإرشاد // المحاور الاستراتيجية للوزارة وأهدافه URL: <https://www.moia.gov.sa/AboutMinistry/Pages/Objectives.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

5. **«Цифровая трансформация»** – «предоставление инновационных технических услуг в соответствии с лучшими практиками цифровой трансформации» и повышение уровня кибербезопасности.
6. **«Институциональное совершенство»** – улучшение нормативно-правовой базы, развитие кадровых ресурсов, укрепление стратегического партнёрства, продвижение прозрачности и культуры государственной службы, повышение эффективности расхода финансовых средств.

По открытым данным за 2019 г. Министерство по делам ислама, призыва и наставления реализует, как минимум, в 35 странах проекты, направленные на пропаганду «терпимого и умеренного ислама»⁶¹⁶, что следует расценивать как часть «мягкой силы» современного внешнеполитического курса Саудовской Аравии.

Действующим главой Министерство по делам ислама, призыва и наставления со 2 июня 2018 г. является Абд аль-Латыф ибд Абд аль-Азиз из династии Аль аш-Шейх – рода потомков Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба⁶¹⁷. При этом как сам министр, так и ведомство выступают в поддержку религиозной политики Мухаммада ибн Салмана, который стремится к ограниченной «либерализации» общественной и культурной жизни в королевстве и продвижению «умеренного ислама», позволяющего сочетать прогресс и традицию⁶¹⁸.

Совет старших алимов и Постоянный комитет по исламским исследованиям и изданию фетв

Совет старших алимов (араб. هيئة كبار العلماء) является старейшим и самым крупным религиозным институтом Саудовской Аравии. До 1971 г. он

⁶¹⁶ Labor, Islamic Affairs ministries discuss ways to further develop Saudi nonprofit sector // Arab News. 18.06.2019. URL: <https://www.arabnews.com/node/1512706/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶¹⁷ Sheikh Abdullatif Al-Sheikh appointed Saudi Minister of Islamic Affairs // Al Arabiya. 02.06.2018. URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2018/06/02/Sheikh-Abdulatif-Al-Sheikh-appointed-Saudi-Minister-of-Islamic-Affairs> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶¹⁸ Ашуров М.Д. Религиозные институты в Саудовской Аравии: история, эволюция и особенности развития // Ислам в современном мире. 2024. Т. 20, № 1. – С. 144.

был неофициальным собранием богословов под руководством Великого муфтия КСА, но 29 августа 1972 г. король Фейсал издал указ, согласно которому Совет стал постоянно действующим совещательным органом с эксклюзивными полномочиями по изданию *фетв*⁶¹⁹.

В состав Совета, помимо самого Великого муфтия, входят 20 человек, кандидатуры которых утверждает правящий монарх. Примечательно, что изначально допускались только представители ханбалитского *мазхаба*, что обеспечивало ваххабитам безусловное превосходство в системе религиозных институтов КСА. Однако 14 февраля 2009 г. король Абдалла, в рамках проводимых реформ, о которых говорилось в предыдущем параграфе, расширил состав, издав указ об обязательном включении в состав представителей других суннитских богословско-правовых школ – шафиитского, ханафитского и маликитского *мазхабов*⁶²⁰. Данный шаг был направлен, прежде всего, на усиление контроля со стороны политической власти над религиозными институтами королевства, т.к. в период 1980-х – 1990-х гг. Совет пользовался широкой автономией и открыто выступал против некоторых реформ, касавшихся социально-культурной сферы⁶²¹.

Что касается главы Совета старших *алимов*, то пост, как и в случае с Министерством исламских дел КСА, принадлежит представителю семейства Аль аш-Шейх – Абд аль-Азизу ибн Абдалле (род. в 1940 г.), который с 1999 г. является Верховным муфтием Саудовской Аравии.

Также Верховный муфтий возглавляет **Постоянный комитет по исламским исследованиям и изданию *фетв***, который действует при Совете. В

⁶¹⁹ Standing Committee for Scholarly Research and Issuing Fatwas, (Saudi Arabia) // Islamopedia. URL: <https://web.archive.org/web/20120226104000/http://islamopediaonline.org/websites-institutions/permanent-committee-islamic-research-and-opinion-saudi-Arabia> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶²⁰ Boucek Christopher. Saudi Fatwa Restrictions and the State-Clerical Relationship // Carnegie Endowment. 2010. URL: <https://carnegieendowment.org/2010/10/27/saudi-fatwa-restrictions-and-state-clerical-relationship/6b81> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶²¹ Мамадиев Б.Б. Особенности центров по изданию фетв в Саудовской Аравии // Россия и мусульманский мир. 2020. № 1 (315). – С. 55–68.

2010 г. король Абдалла издал указ, закрепивший за данным институтом prerogative принятия религиозно-правовых постановлений⁶²². Совет старших *алимов* создал новый комитет, связанный с Постоянным комитетом во главе с шейхом Салехом ибн Мухаммадом аль-Лухайданом – одним из самых авторитетных салафитских богословов современности, для надзора за выдачей фетв и предотвращения выдачи фетв неуполномоченными *алимами*. Министерство исламских дел поручило всем имамам и проповедникам соблюдать указ и разъяснять его в своих пятничных проповедях.

В своё время именно Совет старших *алимов* издал *фетву* о низложении короля Сауда в 1964 г., и формально избранию нового правителя и определению его преемника должно предшествовать одобрение кандидатуры богословами⁶²³. Тем не менее, в новейшей истории Саудовской Аравии случались конфликты между политическим руководством королевства и духовным истеблишментом. Например, в 2008 г. король Абдалла издал указ об очередном расширении культового комплекса Мечети аль-Харам⁶²⁴, а Совет выступил с критикой плана, который, по мнению богословов, противоречил нормам «чистого» ислама. Тогда руководства КСА обратилось за фетвой к зарубежным *алимам* и получило от них одобрение в обход Верховного муфтия.

Однако, как показала практика с назначением наследным принцем Мухаммада ибн Салмана, богословский корпус не обладает реальным влиянием на Саудитов, и Совет практически никогда не выступает против самых значимых решений и инициатив правящего монарха. Такое положение закреплено на институциональном уровне, т.к. на современном этапе процесс принятия фетв разделён на два этапа: сначала Совет старших *алимов* разрабатывает

⁶²² Boucek Christopher. Saudi Fatwa Restrictions and the State-Clerical Relationship // Carnegie Endowment. 2010. URL: <https://carnegieendowment.org/2010/10/27/saudi-fatwa-restrictions-and-state-clerical-relationship/6b81> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶²³ Henderson Simon. After King Abdullah: Succession in Saudi Arabia. Washington D.C.: The Washington Institute for Near East Policy, 2009. – P. 9.

⁶²⁴ King 'Abdullah Extension of Masjid al-Haram // Madain Project. 2011. URL: https://web.archive.org/web/20200920043613/https://madainproject.com/king_abdullah_expansion (дата обращения: 10.01.2025).

«проект документа», а затем он направляется на рассмотрение Кабинета министров, который с 2017 г. возглавляет Мухаммад ибн Салман.

Министерство хаджа и умры

Министерство *хаджа и умры* было сформировано в 1945 г. и отвечает за организацию большого и малого паломничества, которое исторически является для Саудовской Аравии не только одной из важнейших статей дохода, но и самым эффективным инструментом продвижения позитивного образа королевства среди мусульман всего мира.

Примечательно, что действующий глава Министерства – Тауфик ибн Фаузан ар-Рабия не относится к семейству Аль аш-Шейх. Ранее он занимал должности министра торговли и промышленности (2011–2016 гг.) и министра здравоохранения (2016–2021 гг.)⁶²⁵. Его назначение на текущий пост в 2021 г. доказывает, что Мухаммад ибн Салман считает Тауфика ибн Фаузана эффективным менеджером, который справился с возложенными на него задачами в период пандемии COVID-19, к тому же, ар-Рабия не попадал под расследование во время антикоррупционной кампании 2017–2019 гг. С учётом значения паломничества для развития «мягкой силы» Саудовской Аравии, министр *хаджа и умры* должен обладать хорошей репутацией и высокими организаторскими навыками.

Основными задачами Министерства *хаджа и умры* КСА являются координация работы различных учреждений, отвечающих за организацию паломничества внутри страны, и агентств («*хадж-операторов*»), действующих по саудовской лицензии за рубежом. Также Министерство отвечает за разработку, реализацию и контроль коммерческого сектора, обслуживающего паломников на территории Мекки и Медины. Также Министерство отвечает за организацию и проведение ежегодного Симпозиума по Великому *хаджу*, который проводится в Мекке с 1977 г. и является одним из крупнейших мероприятий с

⁶²⁵ Saudi Arabia issues royal decrees, appoints new health and Hajj ministers // Arab News. 15.10.2021. URL: <https://www.arabnews.com/node/1948706/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).

участием учёных, богословов, публичных интеллектуалов, писателей и деятелей культуры со всего «исламского мира»⁶²⁶.

Для достижения стратегических целей и задач программы «Видение: 2030» Министерство *хаджа и умры* запустило несколько стратегических инициатив: 1) создание электронного центра управления для обеспечения контроля над государственными учреждениями, сотрудничающими с министерством, и 2) внедрение электронных браслетов для паломников, которые хранят личные данные и помогают оказывать им необходимую поддержку. В частности, в 2013 г. Министерство запустило интернет-сервис для приёма заявок на паломничество, что заложило основу для создания аналогичной системы предоставления электронных виз нерелигиозным туристам в 2019 г.⁶²⁷

В целом, Министерство *хаджа и умры* является важным инструментом реализации «мягкой силы» Саудовской Аравии и укрепления её позитивного образа среди верующих мусульман, что способствует продвижению имиджа королевства как одного из крупнейших центров силы «исламского мира».

Министерство юстиции и Верховный совет судей

Министерство юстиции КСА было учреждено в 1970 г. по указу короля-реформатора Фейсала (1965–1975 гг.) с целью упорядочивания правовой и судебной системы. С учётом культурно-исторической специфики Саудовской Аравии, данное ведомство следует рассматривать в числе религиозных институтов, т.к. законодательство королевства полностью опирается на мусульманскую школу права.

Ранее ведомство возглавлялось преимущественно представителями династии Аль аш-Шейх, однако с 2015 г. обязанности министра юстиции исполняет Валид ибн Мухаммад ас-Самани – опытный юрист и бывший судья, который так же, как его коллега из Министерства *хаджа и умры*, не относится к

⁶²⁶ The Grand Hajj Conference // Ministry of Hajj and Umrah. URL: <http://www.hajj.gov.sa/english/GrandHajjConference/Pages/aboutconference.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶²⁷ E-service for Umrah expanded // Arab News. 07.01.2013. URL: <https://www.arabnews.com/e-service-umrah-expanded> (дата обращения: 10.01.2025).

потомкам Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба и является одним из самых верных приближённых короля Салмана⁶²⁸.

Согласно формулировкам на официальном сайте, «миссия Министерства юстиции Саудовской Аравии включает защиту прав, укрепление правосудия и его ценностей среди сторон судебного процесса путём повышения эффективности работы судебной системы и предоставляемых ею услуг»⁶²⁹. Также ведомство занимается организацией судебного процесса, надзором за ним в административном и финансовом отношении, а также обеспечивает суды и нотариальные конторы необходимым оборудованием и высококвалифицированными кадровыми ресурсами для оптимизации и ускорения работы. В рамках программы «Видение: 2030» перед Министерством стоит стратегическая цель «продвижение ценностей справедливости и достижения прозрачности правовой системы»⁶³⁰.

Верховный совет судей КСА был сформирован в 1969 г. как высшая религиозная судебная инстанция Саудовской Аравии с целью ограничения влияния Мухаммада ибн Ибрахима Аль аш-Шейха (1893–1969 г.), который в 1960-х гг. сконцентрировал в своих руках полноту духовной власти, одновременно заняв в 1953 г. позиции Верховного муфтия, председателя Управления по *фетвам* и руководителя исламской полиции⁶³¹.

Сегодня Верховный совет контролирует суды низшей инстанции, осуществляет наблюдение за работой и назначением судей, а также предоставляет юридические заключения, консультирует короля и пересматривает приговоры, предусматривающие смертную казнь или телесные наказания. С 2013 г. состав Верховного совета насчитывает 15 человек, включая четырёх представителей апелляционных судов, заместителя министра юстиции, председателя

⁶²⁸ Dr. Walid bin Mohammed Al-Samaani, justice minister and president of the Supreme Judicial Council // Arab News. 15.08.2019. URL: <https://www.arabnews.com/node/1540611/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶²⁹ وزارة العدل // من نحن. URL: <https://www.moj.gov.sa/ar/Ministry/Pages/AboutUs.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶³⁰ Ibid.: <https://www.moj.gov.sa/ar/Ministry/Pages/AboutUs.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶³¹ Ашуров М.Д. Религиозные институты в Саудовской Аравии: история, эволюция и особенности развития // Ислам в современном мире. 2024. Т. 20, № 1. – С. 143.

Бюро расследований и главного прокурора⁶³². Главой Верховного совета судей является действующий министр юстиции, что, по сути, подчиняет ключевой институт *кади* исполнительной, т.е. политической, власти Саудовской Аравии.

***Комитет по поощрению добродетели и удержанию от порока
(исламская полиция)***

Комитет по поощрению добродетели и удержанию от порока был создан ещё в 1940 г. как полунезависимое публичное правоохранительное агентство», по сути, являвшееся исламской «полицией нравов»⁶³³. Однако де-факто сам институт «шариатских патрулей» начал своё существование ещё до провозглашения Королевства Саудовская Аравия в 1932 г.: в 1926 г. король издал указ, согласно которому под началом династии Аль аш-Шейх была сформирована силовая структура, занимавшаяся под предлогом защиты исламских ценностей борьбой с инакомыслием, подавлением политического активизма шиитов и пресечением публичных выступлений против власти Саудитов⁶³⁴.

Тем не менее, с 1960-х гг. политическое руководство королевства последовательно предпринимало шаги по сокращению влияния Комитета по поощрению добродетели и удержанию от порока, т.к. изначально он создавался как противовес движению *ихванов* – племенному ваххабитскому ополчению, которые хоть и сыграло ключевую роль в процессе объединения Аравии, но после его завершения вышло из-под контроля Абд аль-Азиза и стало представлять не только идеологическую, но и прямую военную угрозу новой власти⁶³⁵. С началом правления короля Абдаллы в 2005 г. Комитет уже был полностью

⁶³² King reshuffles Supreme Judiciary Council and Ulema // Arab News. 15.01.2013. URL: <https://www.arab-news.com/king-appoints-new-supreme-court-chief-other-officials> (дата обращения: 10.01.2025)

⁶³³ Commins D. The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. London: I.B. Tauris, 2009. – P. 66.

⁶³⁴ Косач Г.Г. Саудовская Лига общественной морали и государство // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1-1. – С. 302–312.

⁶³⁵ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М.: «Классика плюс», 1999. – С. 308–320.

инкорпорирован в систему государственных институтов. Политическое руководство назначало своих людей на ключевые посты, вследствие чего влияние династии Аль аш-Шейх на «полицию нравов» было весьма ограниченным.

К началу 2010-х гг. в Комитете насчитывалось не более 4 тыс. сотрудников оперативных подразделений («шариатских патрулей»), которым помогали добровольцы, а также 10 тыс. работников административных подразделений⁶³⁶. Деятельность «шариатских патрулей» и волонтеров при них ограничивалась контролем норм поведения в общественных местах, включая ношение хиджаба, сегрегацию между мужчинами и женщинами, посещение молитв, продажу домашних питомцев (особенно, собак), различной атрибутики и детских игрушек, которые могли бы противоречить мусульманской нравственности.

Тем не менее, бюджет Комитета по поощрению добродетели и удержанию от порока, несмотря на весьма ограниченную деятельность, оставался достаточно большим даже по меркам Саудовской Аравии: в 2013 г. он, по оценке американской исследовательницы Луизы Лиф, составил \$390 млн. Однако в 2016 г. Мухаммад ибн Салман при подготовке к дальнейшим реформам начал всячески ограничивать Комитет, начиная с его финансирования и заканчивая и без того неширокими полномочиями. В частности, «исламская полиция» лишилась права задерживать подозреваемых и теперь может лишь передавать сведения о нарушениях в Министерство внутренних дел.

В 2019 г. в одном из ведущих СМИ королевства появилась статья с говорящим названием «Взлет и падение религиозной полиции Саудовской Аравии», где прямо говорилось, что в период «исламского пробуждения» после 1979 г. «религиозная полиция отклонилась от своих первоначальных намерений», и «подпитываемая экстремистской идеологией и обладающая неконтро-

⁶³⁶ Lief Louise. With youth pounding at kingdom's gates, Saudi Arabia begins religious police reform // The Christian Science Monitor. 2013. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Middle-East/2013/0523/With-youth-pounding-at-kingdom-s-gates-Saudi-Arabia-begins-religious-police-reform> (дата обращения: 10.01.2025).

лируемой властью, эта организованная группа благочестивых людей превратилась из друга во врага общества»⁶³⁷. Далее в материале говорится, что исправление ситуации стало возможным лишь благодаря усилиям наследного принца, который «возвращает общество к умеренному исламу»⁶³⁸.

Конечно, статья носит ангажированный характер, но по своей сути и своему содержанию она во многом отражает отношение фактического правителя Саудовской Аравии к излишнему консерватизму в духовной сфере и положению религиозных институтов в политической системе королевства.

Религия и политика при реформах Мухаммада ибн Салмана

После прихода к власти короля Салмана в 2015 г. его сын – Мухаммад крайне быстро занял положение самой крупной политической фигуры в Саудовской Аравии. В публичном пространстве наследный принц позиционирует себя как реформатора, ведущего королевства к «новой эре». Религиозная сфера здесь играет далеко не последнюю роль, т.к. многим сегодня кажется, что рано или поздно Мухаммад ибн Салман может поставить под вопрос исторический договор между династиями Аль Сауд и Аль аш-Шейх, что окончательно сместит чашу весов на сторону политической («светской») власти.

В интервью британскому изданию The Guardian 2017 г. Мухаммад ибн Салман пообещал вернуть Саудовскую Аравию к «умеренному исламу», утверждая, что поворот Эр-Рияда к «радикализации позиции» был спровоцирован Исламской революцией 1979 г. в Иране, что усугублялось желанием США, чтобы региональные партнёры, такие как Саудовская Аравия, использовали религию как механизм противодействия Советскому Союзу в Афганистане и на Ближнем Востоке во время холодной войны⁶³⁹.

⁶³⁷ Bashraheel Aseel. Rise and fall of the Saudi religious police // Arab News. 22.09.2019. URL: <https://www.arab-news.com/node/1558176/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶³⁸ Ibid.: <https://www.arabnews.com/node/1558176/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶³⁹ I will return Saudi Arabia to moderate Islam, says crown prince // The Guardian. 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/24/i-will-return-saudi-arabia-moderate-islam-crown-prince> (дата обращения: 10.01.2025).

Примечательно, что наследный принц повторяет эту мысль при каждом публичном обсуждении вопросов, связанных с внешней политикой КСА, региональными процессами Ближнего Востока или системой международных отношений⁶⁴⁰. В частности, на первой конференции Инвестиционной инициативы Будущего (FII – Future Investment Initiative) 2017 г., которую из-за присутствия крупнейших бизнесменов мира журналисты окрестили «Давосом в пустыне», Мухаммад ибн Салман заявил следующее⁶⁴¹:

«После 1979 г. в Саудовской Аравии и в других странах региона начали распространяться странные представления. Это произошло по многим по многим причинам, никак не связанными с текущими реалиями. Наша страна раньше не была такой, и мы собираемся вернуть её прежний имидж умеренной, веротерпимой, уважающей чужие традиции и другие народы исламской державы... 70% населения Саудовской Аравии – это люди моложе 30 лет, и я заверяю вас: мы не будем возиться с экстремистской идеологией ещё 30 лет. Мы положим ей конец немедленно!».

Речь принца была встречена аплодисментами. Однако интересна она прежде всего тем, что в ней отражены основные приоритеты Мухаммада в сфере преобразования модели взаимодействия политики и религии в королевстве: 1) борьба с экстремизмом, 2) отказ от излишней консервативности и 3) ориентация на молодое поколение, представителем которого он сам и является.

Действительно, с момента возвышения Мухаммада ибн Салмана в Саудовской Аравии произошёл ряд значительных изменений в данной сфере⁶⁴²:

1. были предприняты попытки отделить официальную историю Саудовской Аравии от ваххабизма;

⁶⁴⁰ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М.: Альпина Паблишер, 2021. – С. 155.

⁶⁴¹ Hope Bradley, Scheck Justin. Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. New York: Hachette Books, 2020. – P. 302–303.

⁶⁴² Hoffman Jon. The Evolving Relationship Between Religion and Politics in Saudi Arabia // Arab Center Washington D.C. 2022. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-evolving-relationship-between-religion-and-politics-in-saudi-arabia/> (дата обращения: 10.01.2025).

2. женщины получили право на вождение автотранспорта, на проживание и путешествия без опекуна-мужчины;
3. произошло ограничение полномочий Комитета по поощрению добродетели и удержанию от порока;
4. дано официальное разрешение на посещение общественных развлекательных заведений, таких как кинотеатры и концерты;
5. произведены аресты религиозных деятелей и богословов, обвинённых в пропаганде экстремизма.

И всё это в дополнение к последовательной реализации модернизационной программы «Видение: 2030», которая должна изменить не только отношения между государством и обществом, но и взаимодействие между политикой и религией.

Тем не менее, воспринимать действия Мухаммада ибн Салмана на данном направлении в качестве «либерализации» и, тем более, «секуляризации» было бы слишком наивно. Наследный принц прежде всего стремится к укреплению абсолютной власти и устранению альтернативных центров силы, чтобы закрепить своё личное положение и новую роль молодого поколения саудовцев. В этой связи, текущие процессы в Саудовской Аравии корректнее рассматривать как «перестройку» системы религиозных институтов с целью подчинения их политической власти во главе с правящим монархом.

В идеологическом плане текущие изменения во внутренней и внешней политике, как заметил индийский эксперт Раджа Мохан, опираются на концепцию «аравийского национализма», который «возник на обломках арабского единства исламской солидарности»⁶⁴³. Подтверждением данного утверждения может служить тот факт, что 22 февраля 2022 г. впервые в истории королевства был отмечен «День основания», приуроченный к 99-летию про-

⁶⁴³ Mohan, Raja. Nationalism comes to Saudi Arabia // The Indian Express. 2019. URL: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/saudi-crown-prince-mohammed-bin-salman-visit-nationalism-arabia-5590019/> (дата обращения: 10.01.2025).

возглашения КСА. Хотя, согласно официальной версии праздник – это торжество в честь завоевания Дир'ийского эмирата Мухаммадом ибн Саудом в 1727 г.⁶⁴⁴ Выбор даты и исторического события неслучайны, т.к. традиционно начало саудовской государственности отождествляют с заключением союза с Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом в середине 1740-х гг., а акцент на самостоятельности основателя династии Аль Сауд подчёркивает независимость монархии от ваххабизма.

Однако всё это не означает полного отказа от религии как от идеологического инструмента, а только отказ от религии как единственного и центрального «столпа» легитимации власти Саудитов с целью перейти к более гибкой форме национальной идентичности, которую сегодня открыто пропагандирует и всячески поощряет правящий режим. Поэтому ислам продолжает использоваться внутри страны и за рубежом, а реформы религиозных институтов нужны Мухаммаду ибн Салману для того, чтобы перенаправить освободившиеся ресурсы в соответствии со своими интересами на фоне трансформации внутреннего, регионального и мирового порядка.

* * *

Подводя итоги третьей главе данной работы, прежде всего следует отметить, что на современном этапе Саудовская Аравия представляет собой уникальное сочетание абсолютной монархии и конфессионального государства, где правящий монарх обладает всей полнотой политической власти, в то время как религиозные вопросы остаются в ведении корпуса богословов. Это проявляется в сильном влиянии ислама на все сферы жизни общества, включая правовую систему, основанную на *фикхе* и шариате, и особую роль религиозных институтов в системе государственного управления.

⁶⁴⁴ Saudi Arabia for first time marks its founding, downplaying conservative roots // Reuters. 22.02.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-first-time-marks-its-founding-downplaying-conservative-roots-2022-02-22/> (дата обращения: 10.01.2025).

Социально-политическое развитие Саудовской Аравии представляет собой сложный и многогранный процесс, характеризующийся устойчивым модернизационным проектом, осуществляемым эволюционным путем. Страна сочетает в себе черты теократической монархии и абсолютистского государства, где правящий монарх обладает всей полнотой политической власти, а религиозные вопросы остаются в компетенции богословов. Саудовская Аравия играет ключевую роль в исламском мире, будучи хранительницей двух священных городов — Мекки и Медины.

Консервативные семейные и исламские ценности продолжают оставаться центральными в обществе, однако наблюдаются изменения, связанные с модернизацией и стремлением к большей открытости. Под руководством Мухаммада ибн Салмана, страна проходит через масштабные социальные, экономические и политические реформы, известные под общим названием «Видение: 2030». Эти реформы включают в себя модернизацию правовой системы, усиление роли женщин в общественной жизни, снижение зависимости экономики от нефтяных доходов и стремление привлечь иностранные инвестиции.

Несмотря на значительные успехи в модернизации, Саудовская Аравия сталкивается с рядом вызовов, включая региональную нестабильность, внутренние разногласия среди правящей династии и необходимость балансирования между консервативными ценностями и потребностями современного общества. Влияние личности Мухаммада ибн Салмана на социально-политическое развитие страны остается значительным, и его действия будут продолжать играть ключевую роль в будущем развитии королевства.

Что касается **специфики ислама в Саудовской Аравии**, то большинство ее жителей (свыше 90%) являются приверженцами суннитской ветви ислама. Ваххабизм, являющийся строгой интерпретацией ханбалитского мазхаба, стал основой современного мусульманского традиционализма. Вах-

хабизм опирается на идею возврата к первоначальной чистоте ислама, отвергая любые новшества, которые считаются причиной раскола *уммы* и других социальных проблем.

Отдельно стоит выделить «шиитский вопрос». Его суть заключается в сложном положении шиитского меньшинства в преимущественно суннитской стране. Этот вопрос включает в себя следующие аспекты:

1. *Дискриминация и притеснения*: шииты сталкиваются с систематической дискриминацией и притеснениями, включая ограниченный доступ к государственной службе, военным должностям и крупным коммерческим предприятиям. Им также запрещено строить новые мечети и учреждать собственные школы.
2. *Историческая враждебность*: враждебность между ваххабитами и шиитами уходит корнями в историю. Ваххабиты считают шиизм вредным новшеством и отвергают его практику, такую как празднование Дня Ашура и поклонение могилам имамов.
3. *Политические выступления и протесты*: шииты неоднократно устраивали протесты, требуя улучшения условий жизни и религиозной свободы. Эти протесты часто жестоко подавлялись властями.
4. *Геополитическое измерение*: «шиитский вопрос» также приобретает геополитическое значение, поскольку Саудовская Аравия и Иран находятся в состоянии конфронтации, и межконфессиональные отношения становятся важным элементом их соперничества за влияние в регионе.

Таким образом, «шиитский вопрос» является многослойной проблемой, затрагивающей как внутреннюю политику Саудовской Аравии, так и ее внешнеполитические интересы.

Тем не менее, важную роль в политике Саудовской Аравии играют связи страны с исламом и использование связей с мусульманскими общинами за рубежом законодательства для обеспечения своей политической легитимности.

Вероотступничество, богохульство и переход из ислама в другую религию считаются серьезными уголовными преступлениями, которые могут караться тюремным заключением, побоями или смертной казнью. Саудовская Аравия проводит ежегодные материально-технические подготовки к *хаджу* и управляет проектами, направленными на повышение роли ислама в обществе.

Религиозные институты в политической системе Саудовской Аравии традиционно играют важную роль в формировании внутреннего и внешнего курса. Они способствуют распространению исламских ценностей, борьбе с экстремизмом, укреплению международной репутации королевства и реализации задач саудовской «мягкой силы». Однако в XXI в. наблюдается тенденция к ограничению влияния религиозных институтов и их подчинение политической («светской») власти. Это проявляется в уменьшении полномочий «исламской полиции» и попытках отделения официальной истории Саудовской Аравии от ваххабизма. Такие изменения связаны с желанием правящей элиты во главе с Мухаммадом ибн Салманом усилить свой контроль над страной и избавиться от альтернативных центров силы.

Среди основных изменений в религиозной политике Саудовской Аравии на современном этапе можно выделить следующие аспекты:

- 1) *Отделение официальной истории и «национального мифа» от ваххабизма*: основная задача – уменьшить влияние наиболее консервативных богословов на культурную, духовную и идеологическую сферы.
- 2) *Ограничение полномочий религиозных институтов*: изменения направлены как на снижение влияния религиозных структур на общественную жизнь, так и на оптимизацию финансового сектора, чтобы направить больше ресурсов на реализацию программы «Видение: 2030».
- 3) *Модернизация социальной сферы*: вводятся новые правила, облегчающие жизнь гражданам, такие как разрешение женщинам водить автомобили, жить отдельно от мужчин-опекунов, проводить массовые развлекательные мероприятия и т.д. «Целевая аудитория» – молодёжь, которая составляет большую часть населения.

- 4) *Борьба с экстремизмом*: проводятся меры по борьбе с экстремистской идеологией, включая аресты религиозных деятелей и богословов, обвиненных в пропаганде экстремизма.

Эти изменения свидетельствуют о стремлении властей Саудовской Аравии адаптировать религиозную политику к современным условиям и полностью инкорпорировать религиозные институты в аппарат государственного управления. В целом же, данный курс можно назвать **«секьюритизацией религии»**, т.е. укреплением контроля над деятельностью конфессий, которая является одним из важнейших аспектов реализации интересов на внешнем направлении и обеспечения национальной безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование было посвящено влиянию религиозного фактора на развитие внешней политики Саудовской Аравии в 1979–2019 гг. В его рамках были выявлены ключевые закономерности и особенности влияния религиозного фактора на формирование и развитие внешнеполитического курса Саудовской Аравии в указанный период, а также установлена динамика соотношения традиционных религиозных ценностей с прагматичными государственными интересами королевства.

В контексте современных международных отношений важно понимать специфику использования религиозного фактора в различных исторических периодах: от завершения «холодной войны» до современности. Этот процесс демонстрирует эволюцию целей и методов применения религиозного компонента во внешней политике КСА, при этом сохраняется преемственность основных принципов, базирующихся на особой роли ислама в государственном устройстве страны.

Современный этап развития международных отношений характеризуется значительной трансформацией роли религии, обусловленной глобальными изменениями мирового порядка, такими как усиление межкультурного взаимодействия, рост региональных конфликтов и трансформация системы международных отношений. На Ближнем Востоке религиозный фактор продолжает играть ключевую роль в формировании внешнеполитической стратегии государств, особенно в условиях дестабилизации региона и активизации межконфессиональных противоречий.

Что касается основной части представленной работы, то в первой главе были рассмотрены теоретические подходы к изучению взаимосвязи религии и политики. Проанализированы различные концепции роли религии в современных международных отношениях, особое внимание уделено специфике исламского фактора в мировой политике. Показано, что религия является не

только социокультурным феноменом, но и важным политическим инструментом, влияющим на принятие внешнеполитических решений.

Во второй главе проанализирован процесс формирования и развития внешней политики Саудовской Аравии и ее ключевых направлений. Исследованы особенности формирования внешнеполитических решений в королевстве, роль различных государственных институтов и неформальных структур в этом процессе. Выявлено, что религиозный фактор остается важным элементом легитимации внешнеполитического курса Эр-Рияда.

Третья глава посвящена анализу роли религии в социально-политическом развитии королевства. Рассмотрены особенности функционирования конкретных религиозных институтов в политической системе Саудовской Аравии, их влияние на принятие государственных решений и взаимодействие с органами власти. Особое внимание уделено трансформации роли ислама в политической системе КСА в период после 2015 г.

При решении первой исследовательской задачи был проведен комплексный анализ исторического влияния процесса «религиозного ренессанса» на развитие международных отношений во второй половине XX – начале XIX вв. Было установлено, что исламский фактор стал важным элементом мировой политики, определяющим характер взаимодействия государств Ближнего Востока как между собой, так и с внешними акторами. Особое внимание уделялось феномену «исламского пробуждения», который существенно повлиял как на развитие ключевых направлений внешней политики Саудовской Аравии, так и на формирование новой парадигмы международных отношений в ближневосточном регионе.

В рамках решения второй исследовательской задачи была выявлена историческая специфика международных процессов в «исламском мире». Показано, что после Иранской революции 1979 г. произошло радикальное изменение роли религии в политических процессах Ближнего Востока, где возникла конкуренция между условными «шиитским» и «суннитским» блоками. Особое значение приобрели транснациональные религиозно-политические движения,

которые стали инструментом реализации внешнеполитических целей различных государств.

По результатам выполнения третьей исследовательской задачи был проанализирован процесс формирования концептуальных основ и эволюция ключевых направлений внешней политики Саудовской Аравии. Выявлено, что саудовская внешняя политика развивалась под влиянием трех основных факторов: сохранения монархического строя, обеспечения безопасности государства и укрепления позиций ваххабизма как идеологической основы режима. Были определены шесть основных этапов развития внешнеполитического курса королевства.

В рамках решения четвертой исследовательской задачи был предложен авторский вариант периодизации развития внешней политики Саудовской Аравии в период с 1932 по 2019 гг. Установлена и охарактеризована специфика шести этапов: 1932–1958 гг., 1958–1979 гг., 1979–2001 гг., 2001–2015 гг., 2015–2019 гг. и с 2019 г. по настоящее время.

Выполнение пятой исследовательской задачи позволило определить положение религиозных институтов в политической системе Саудовской Аравии. Были выявлены основные механизмы использования религии как внешнеполитического инструмента КСА, а также основные сферы влияния религиозных институтов на внутривнутриполитическое развитие королевства. Определены ключевые направления реализации религиозно-политического влияния, включая финансирование исламских институтов за рубежом, поддержку религиозных образовательных учреждений и организацию международных исламских форумов.

Теоретический анализ кризиса секуляризма как интеллектуальной парадигмы и политической доктрины во второй половине XX – начале XXI вв. позволил выявить качественные изменения в роли религии в международных отношениях. Секулярная теория оказалась неспособной объяснить радикальные изменения в глобальном политическом ландшафте, что привело к необходи-

мости внедрения новых методологических инструментов, таких как политология религии. Особенно наглядно это проявилось в странах «исламского мира», где религиозный фактор традиционно является основой идентичности и инструментом реализации национальных интересов на международной арене. Религиозные нарративы стали заполнять идеологический вакуум, создавая новые формы легитимации власти и оппозиционной деятельности.

Проведённое исследование феномена «исламского пробуждения» как части более широкого явления «религиозного ренессанса» позволило выделить три основных этапа его развития:

1. 1970–1980-е гг. – актуализация исламского фактора на уровне государственной политики стран Ближнего Востока и обострение суннитско-шиитских противоречий;
2. 1990–2000-е гг. – резкий всплеск исламистского экстремизма и обострение проблемы международного терроризма;
3. 2010–2020-е гг. – оформление «исламизма 2.0» и участие исламистских движений в «цветных революциях» и протестах «арабской весны».

Само понятие «исламский мир» функционирует в трех измерениях: научном, идеологическом и институциональном. Наиболее значимым является институциональный аспект, выраженный в деятельности государств и международных организаций по реализации концепции «исламского мира». Несмотря на отсутствие полной политической консолидации мусульманских стран, их общая религиозная идентичность продолжает влиять на внешнюю политику, формируя особый цивилизационный кластер в системе международных отношений.

Исторический анализ формирования и эволюции внешней политики Саудовской Аравии выявил уникальную динамику сочетания традиционных религиозных оснований с прагматичными государственными интересами. Исследование проведено через призму комплексного подхода, интегрирующего

историко-генетический метод и политико-аксиологический анализ, что позволило определить шесть ключевых этапов развития внешнеполитического курса королевства:

1. 1932–1958 гг. – период становления государства под руководством Абд аль-Азиза ибн Абд ар-Рахмана;
2. 1958–1979 гг. – период «живого сочетания морали и реализма»;
3. 1979–2001 гг. – активизация регионального и религиозного векторов;
4. 2001–2015 гг. – период вынужденной «умеренности»;
5. 2015–2019 гг. – период резкого ужесточения;
6. с 2019 г. – период смягчения в рамках многовекторности.

На каждом этапе происходила адаптация внешнеполитической стратегии к меняющимся условиям при сохранении ключевой роли религиозного фактора. После 2015 г. наблюдается тесная взаимосвязь между внутренними реформами (программа «Видение: 2030») и трансформацией внешнеполитического курса через механизм «секьюритизации религии». Ограничение влияния религиозных институтов позволило перенаправить ресурсы на реализацию модернизационных задач, сохранив ислам как важный элемент легитимации власти и достижения внешнеполитических целей.

Особое внимание в исследовании уделено специфике развития социально-политической системы Саудовской Аравии во второй половине XX – начале XXI вв., что позволило выявить её уникальность как сочетания абсолютной монархии и конфессионального государства. Выявлены ключевые механизмы сохранения баланса элит во власти: правящий монарх обладает полнотой политической власти, а религиозные вопросы остаются в ведении корпуса богословов.

В период после 2015 г. наблюдается значительное ограничение влияния традиционных религиозных институтов на общественную жизнь при сохранении их формального статуса. Этот процесс не является секуляризацией, а представляет собой «секьюритизацию религии» – усиление контроля государ-

ства над религиозными институтами. При этом сохраняются центральные элементы исторического договора между династией Аль Сауд и Аль аш-Шейх, а также активно используются исламские нарративы во внешней политике королевства.

Таким образом, религиозный фактор остается ключевым элементом внешней политики Саудовской Аравии, оказывая существенное влияние на её международную деятельность. Однако современный этап характеризуется значительной трансформацией внутреннего политического и духовно-идеологического пространства королевства. Основные направления этой эволюции включают «омоложение» правящего класса, что проявляется как в социокультурной сфере через либерализацию некоторых аспектов общественной жизни, так и в политике путём консолидации власти вокруг нового поколения лидеров во главе с Мухаммадом ибн Салманом.

Параллельно наблюдается процесс «секьюритизации религии», направленный на усиление контроля над деятельностью религиозных институтов в целях обеспечения национальной безопасности и оптимизации их взаимодействия с государственными структурами. Несмотря на эти изменения, отказ от традиционных векторов внешней политики – регионального лидерства, религиозного авторитета и стратегического партнёрства с США – в ближайшей перспективе маловероятен. Модернизация Саудовской Аравии под руководством Мухаммада ибн Салмана основывается на принципе «умеренности», который он неоднократно подчёркивал в своих публичных выступлениях. Этот подход предполагает постепенную адаптацию к современным глобальным вызовам без кардинального разрыва с историческими корнями государства.

В условиях продолжающейся региональной нестабильности и трансформации мирового порядка основная задача саудовского руководства заключается в поиске деликатного баланса между Традицией и Прогрессом, где роль религии видится как важный, но более инструментальный элемент для достижения национальных интересов. Таким образом, сохранение традиционных

векторов внешней политики будет сочетаться с новыми подходами к управлению религиозным фактором, что позволит королевству эффективнее адаптироваться к меняющимся реалиям международных отношений и внутренних преобразований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Архивные документы:

1. Личный листок ответственного работника НКВД СССР К.А. Хакимова (25 апреля 1924 г.) // Историко-документальный департамент МИД России. — URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/c4c/3cik7628qzrjz5qzem5dxd1sgbbwpbsq/ЛИЧНЫЙ%20ЛИСТОК%20РАБОТНИКА%20НКВД%20СССР%20К.А.ХАКИМОВА%2025%20АПРЕЛЯ%201924%20г..pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Обмен письмами об установлении дипломатических отношений между СССР и Саудовской Аравией (королевством Хиджаза, султанатом Неджда и присоединённых областей) // СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 61–62.
3. Официальное сообщение Абдель Азиза Аль Сауда о принятии титула короля Хиджаза, султана Неджда и присоединённых областей (на арабском языке) 6 января 1926 г. // Историко-документальный департамент МИД России. — URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/2d1/yil0mr09ptxcg9pii122m5gwa70231an/ОФИЦИАЛЬНОЕ%20СООБЩЕНИЕ%20АБДЕЛЬ%20АЗИЗА%20АЛЬ%20САУДА%206%20ЯНВАРЯ%201926%20г..pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
4. Послание дипломатического агента и генерального консула СССР в г.Джидде [К.А.Хакимова] о признании правительством СССР Абдель Азиза Аль Сауда королем Хиджаза, султаном Неджда и присоединённых областей с предложением установить дипломатические отношения (на русском и арабском языках) 16 февраля 1926 г. // Историко-документальный департамент МИД России. — URL:

- [https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/3ed/6zhpxg3czsvpt9ida1hxtqr37wgsirvz/ПОСЛАНИЕ%20ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО%20АГЕНТА%20И%20ГЕНЕРАЛЬНОГО%20КОНСУЛА%20СССР%20В%20Г.ДЖИДДЕ%20\[К.А.ХАКИМОВА\].pdf](https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/3ed/6zhpxg3czsvpt9ida1hxtqr37wgsirvz/ПОСЛАНИЕ%20ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО%20АГЕНТА%20И%20ГЕНЕРАЛЬНОГО%20КОНСУЛА%20СССР%20В%20Г.ДЖИДДЕ%20[К.А.ХАКИМОВА].pdf) (дата обращения: 10.01.2025).
5. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР Г.В. Чичерина королю Хиджаза, султану Неджда и присоединённых областей Ибн Сауду // СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 62–63.
 6. Речь Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина на завтраке в честь принца Фейсала – главы делегации правительства Хиджаза, Неджда и присоединённых областей // Историко-документальный департамент МИД России. – URL: <https://idd.mid.ru/upload/medialibrary/ae6/trhnumw05yq3a5q6t5gs9nzeennuxch3/РЕЧЬ%20ПРЕДСЕДАТЕЛЯ%20ЦИК%20СССР%20М.И.КАЛИНИНА%2029%20МАЯ%201932%20г..pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
 7. Der Augsburger Religionsfriede (25. September 1555) // Deutsche Geschichte in Dokumenten und Bildern (DGDB). – URL: https://ghdi.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=4386&language=german (дата обращения: 10.01.2025).
 8. Elizabeth's Supremacy Act, Restoring Ancient Jurisdiction (1559) // Hanover Historical Texts Project. – URL: <https://history.hanover.edu/texts/engref/er79.html> (дата обращения: 10.01.2025).
 9. James Rives Childs (1893–1987) // The Office of the Historian of the U.S. Department of State. – URL: <https://history.state.gov/departmentshistory/people/childs-james-rives> (дата обращения: 10.01.2025).
 10. Letter from President Nixon to King Faisal of Saudi Arabia (Washington, June 25, 1974) // The Historian of the U.S. Department of State. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve09p2/d114> (дата обращения: 10.01.2025).

11. Memorandum of Conversation Between the King of Saudi Arabia (Abdul Aziz Al Saud) and President Roosevelt, February 14, 1945, Aboard the U.S.S. "Quincy" // The Historian of the U.S. Department of State. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v08/d2> (дата обращения: 10.01.2025).
12. Memorandum of Conversation Between Secretary of State Henry A. Kissinger and Prince Fahd ibn Abd al-Aziz Al Saud, June 6, 1974, The Oval Office, The White House // Gerald R. Ford Presidential Library. – URL: https://www.fordlibrarymuseum.gov/sites/default/files/pdf_documents/library/document/0314/1552718.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
13. Multinational Corporations and US Foreign Policy: Hearings before the Subcommittee on Multinational Corporations of the Committee of Foreign Relations, United States Senate, Ninety-Third Congress (Part 7). – Washington D.C.: US Government Printing Office, 1974. – 595 p.
14. President Roosevelt to the Lend-Lease Administrator Stettinius (February 18, 1943) // The Historian of the U.S. Department of State. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1943v04/d893> (дата обращения: 10.01.2025).
15. The Eisenhower Doctrine, 1957 // The Office of the Historian of the U.S. Department of State. – URL: <https://history.state.gov/milestones/1953-1960/eisenhower-doctrine> (дата обращения: 10.01.2025).

Официальные документы международных организаций:

16. Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 10.01.2025).
17. Международный пакт о гражданских и политических правах // Организация Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

18. Arab Charter on Human Rights Tunis May 2004 (Excerpts) // Office of the UN High Commissioner for Human Rights. – URL: https://www2.ohchr.org/english/law/compilation_democracy/arabcharter.htm (дата обращения: 10.01.2025).
19. Charter of the United Nations and Statute of the International Court of Justice // UN Treaty Collection. – URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
20. Final Communiqué of the Third Extraordinary Session of the Islamic Summit Conference «Meeting the Challenges of the 21st Century, Solidarity in Action» // Organization of Islamic Cooperation. – URL: <https://ww1.oic-oci.org/ex-summit/english/fc-exsumm-en.htm> (дата обращения: 10.01.2025).
21. Joint Statement on the Formation of the Islamic Military Alliance // Saudi Ministry of Foreign Affairs. – URL: <https://embasies.mofa.gov.sa/sites/usa/EN/PublicAffairs/Statements/Pages/Joint-Statement-on-the-Formation-of-the-Islamic-Military-Alliance.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).
22. Kuala Lumpur Declaration on International Terrorism // Organization of Islamic Cooperation. – URL: https://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/11_extraordinary/declaration.htm (дата обращения: 10.01.2025).
23. Makkah al-Mukarramah Declaration, 5–7 Dhul Quidah 1426H (7–8 December 2005) // Organization of Islamic Cooperation. – URL: <https://ww1.oic-oci.org/ex-summit/english/Makka-dec-en.htm> (дата обращения: 10.01.2025).
24. Ten-year Programme of Action to Meet the Challenges Facing the Muslim Ummah in the 21st Century // Organization of Islamic Cooperation. – URL: <https://ww1.oic-oci.org/ex-summit/english/10-years-plan.htm#:~:text=has%20been%20developed%2C%20which%20reviews%20the%20most%20prominent%20challenges> (дата обращения: 10.01.2025).

25. The Cairo Declaration and the Universality of Human Rights // International Humanist and Ethical Union (IHEU). – URL: <https://web.archive.org/web/20081031135736/http://www.iheu.org/node/3162> (дата обращения: 10.01.2025).
26. The Charter of Makkah // Muslim World League. – URL: <https://www.themwl.org/en/chartermakkah> (дата обращения: 10.01.2025).
27. مجلس التعاون لدول الخليج العربية // العمل العسكري المشترك: البدايات والأهداف. – URL: <https://www.gcc-sg.org/ar-sa/CooperationAndAchievements/Achievements/Pages/main.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).
28. منظمة التعاون الإسلامي // ميثاق منظمة التعاون الإسلامي. – URL: https://www.oic-oci.org/upload/pages/conventions/ar/oic_charter_5893427_ar.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
29. منظمة التعاون الإسلامي // إعلان القاهرة لمنظمة التعاون الإسلامي لحقوق الإنسان. – URL: https://www.oic-oci.org/upload/pages/conventions/ar/oic_cairo_declaration_256723_ar.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
30. جامعة الدول العربية // الميثاق العربي لحقوق الإنسان. – URL: <http://www.lasportal.org/ar/legalnetwork/Documents/الميثاق%20العربي%20لحقوق%20الإنسان.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
31. مجلس التعاون لدول الخليج العربية // النظام الأساسي لمجلس التعاون. – URL: <https://gcc-sg.org/ar-sa/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).
32. مجلس التعاون لدول الخليج العربية // المنطلقات والأهداف. – URL: <https://www.gcc-sg.org/ar-sa/AboutGCC/Pages/StartingPointsAndGoals.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).
33. منظمة التعاون الإسلامي // البيان الختامي لمؤتمر القمة الإسلامي الثالث. – URL: https://ww1.oic-oci.org/arabic/conf/is/3/3rd-summit.htm#_البيان_الختامي (дата обращения: 10.01.2025).
34. منظمة التعاون الإسلامي // قرار 3/4 س (ق أ) بشأن التضامن الإسلامي. – URL: https://ww1.oic-oci.org/arabic/conf/is/3/3rd-summit.htm#_قرار_3/4_س (дата обращения: 10.01.2025).

35. الرؤية الإستراتيجية // IMCTC. – URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/Vision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).
36. الدول الداعمة // IMCTC. – URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/SupportCountries/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).
37. الإستراتيجية الأهداف // IMCTC. – URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/goals/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).
38. رابطة العالم الإسلامي // ملتقى المرجعيات العراقية. – URL: <https://www.themwl.org/ar/forum-of-iraqi-references> (дата обращения: 10.01.2025).

Межгосударственные договоры и соглашения:

39. Договор о дружбе и торговле между Союзом ССР и Йеменом // СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 69–72.
40. Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1511905/ (дата обращения: 10.01.2025).
41. Эр-Риядская декларация Международной конференции по борьбе с терроризмом // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1719597/ (дата обращения: 10.01.2025).
42. The Abraham Accords Declaration // U.S. Department of State. – URL: <https://www.state.gov/the-abraham-accords/> (дата обращения: 10.01.2025).
43. The Treaty of Alliance Between His Majesty, in Respect of the United Kingdom, and His Majesty, the King of Egypt (1936) // Foreign, Commonwealth & Development Office UK. – URL: <https://web.archive.org/web/20120924110414/http://www.fco.gov.uk/re-sources/en/pdf/treaties/TS1/1937/6> (дата обращения: 10.01.2025).

44. Treaty Between Great Britain and Hedjaz // Advocate of Peace through Justice. – 1927. – Vol. 89, No. 11. – P. 631–633.
45. Treaty of Islamic friendship and Arab brotherhood (Treaty of Taif) // UN Peacemaker. – URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/SA%20YE_340520_Treaty%20of%20Islamic%20friendship%20and%20Arab%20brotherhood%20%28Treaty%20of%20Taif%29.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

Законодательные акты и нормативные документы:

46. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Конституция РФ. – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/de40175ab12d04d68f792b5b742a18fc/ (дата обращения: 10.01.2025).
47. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Конституция РФ. – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 10.01.2025).
48. Constitution of the Islamic Republic of Iran 1979 // World Intellectual Property Organization (WIPO). – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/7697> (дата обращения: 10.01.2025).
49. Saudi announcement severing ties with Afghanistan's Taliban // The Independent. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/text-of-saudi-announcement-severing-ties-with-afghanistan-s-taliban-9195281.html> (дата обращения: 10.01.2025).
50. النظام الأساسي للحكم // النظام الأساسي للحكم. – URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/16b97fcb-4833-4f66-8531-a9a700f161b6/1> (дата обращения: 10.01.2025).

51. وزارة الشؤون الإسلامية والدعوة والإرشاد // رؤية الوزارة ورسالتها وقيمتها. – URL: <https://www.moia.gov.sa/AboutMinistry/Pages/Message.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).
52. وزارة الشؤون الإسلامية والدعوة والإرشاد // المحاور الاستراتيجية للوزارة وأهدافه. – URL: <https://www.moia.gov.sa/AboutMinistry/Pages/Objectives.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).
53. رؤية السعودية 2030 // برنامج تنمية القدرات البشرية. – URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/vision-2030/vrp/human-capacity-development-program/> (дата обращения: 10.01.2025).

Мемуары, интервью и публичные выступления:

54. Al-Naimi, Ali. Out of the Desert: My Journey from Nomadic Bedouin to the Heart of Global Oil / Ali Al-Naimi. – London: Portfolio Penguin, 2016. – 317 p.
55. Biden, Joe. Why I'm going to Saudi Arabia // The Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/07/09/joe-biden-saudi-arabia-israel-visit/> (дата обращения: 10.01.2025).
56. Davutoglu, Ahmet. Zero Problems in New Era / Ahmet Davutoglu // Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/zero-problems-in-a-new-era.en.mfa> (дата обращения: 10.01.2025).
57. Eddy, William. F.D.R. meets Ibn Saud / William Eddy. – New York: American Friends of the Middle East, 1954. – 45 p.
58. Frontline's "The Crown Prince of Saudi Arabia" and the murder of Jamal Khashoggi // PBS. – URL: <https://www.pbs.org/newshour/classroom/daily-videos/2019/10/frontlines-the-crown-prince-of-saudi-arabia-and-the-murder-of-jamal-khashoggi> (дата обращения: 10.01.2025).
59. George W. Bush: 9/11 Address to the Nation // American Rhetoric. – URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbush911addresstothena-tion.htm> (дата обращения: 10.01.2025).

- 60.HARDtalk: HRH Princess Basma bint Saud bin Abd Al-Aziz al Saud // BBC.
– URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/b012t5nd> (дата обращения: 10.01.2025).
- 61.I will return Saudi Arabia to moderate Islam, says crown prince // The Guardian. – 2017. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/24/i-will-return-saudi-arabia-moderate-islam-crown-prince> (дата обращения: 10.01.2025).
- 62.Jungers, F. American perspectives of Aramco, the Saudi-Arabian oil-producing company, 1930s to 1980s: oral history transcript / F. Jungers. – Los Angeles: University of California Press, 1995. – 712 p.
- 63.Jungers, F. The Caravan Goes On: How Aramco and Saudi Arabia Grew Up Together / F. Jungers. – Medina: Medina Publishing, 2013. – 240 p.
- 64.Leadership Messages // Saudi Vision 2030. – URL: <https://www.vision2030.gov.sa/en/leadership-messages> (дата обращения: 10.01.2025).
- 65.Preface by the Shaykh Al-Azhar Muhammad Sayyid Tantawi // The Amman Message. – URL: <https://ammanmessage.com/preface/> (дата обращения: 10.01.2025).
- 66.Rives Childs, James. Foreign Service Farewell: My Years in the Near East / James Rives Childs. – Charlottesville: University Press of Virginia, 1969. – 139 p.
- 67.The Interview with King Abdullah II of Jordan on the current state of U.S.-Arab relations // NBC News. – 08.12.2004. – URL: <https://www.nbcnews.com/id/wbna6679774> (дата обращения: 10.01.2025).
- 68.The President's Speech in Cairo: A New Beginning // The White House (President Barack Obama). – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/issues/foreign-policy/presidents-speech-cairo-a-new-beginning> (дата обращения: 10.01.2025).
- 69.رسالة عمان // The Amman Message. – URL: <https://ammanmessage.com/رسالة-عمان/?lang=ar> (дата обращения: 10.01.2025).

70. URL: – الجزيرة. // نص وثيقة (شركاء في الوطن).
<https://www.aljazeera.net/2004/10/03/2-نص-وثيقة-شركاء-في-الوطن> (дата обращения: 10.01.2025).
71. دار العلم للملايين: بيروت – شبه الجزيرة العربية في عهد الملك عبد العزيز. خير الدين الزركلي. 1992. – 1460 ص.

Отчёты, аналитика и статистические данные:

72. Complete 9/11 Commission Report // National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. – URL: <https://govinfo.library.unt.edu/911/report/911Report.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
73. Iran's Proxy War in Yemen: The Information Warfare Landscape // NATO StratCom COE. – URL: https://stratcomcoe.org/cuploads/pfiles/web_stratcom_coe_iran_proxy_war_against_yemen_13-02-2020.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
74. King 'Abdullah Extension of Masjid al-Haram // Madain Project. – 2011. – URL: https://web.archive.org/web/20200920043613/https://madainproject.com/king_abdullah_expansion (дата обращения: 10.01.2025).
75. Members of the Shura Council according to the Specialized Committees of the Council for the 4th year of the 8th term // The Shura Council. – URL: <https://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/shuraen/internet/committees> (дата обращения: 10.01.2025).
76. Middle East Report №45: The Shiite Question in Saudi Arabia. – Brussels: ICG, 2005. – 20 p.
77. Saudi Arabia: Appalling death sentence against Shi'a cleric must be quashed // Amnesty International. – 15.10.2014. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2014/10/saudi-arabia-appalling-death-sentence-against-shi-cleric-must-be-quashed/> (дата обращения: 10.01.2025).

78. Saudi Arabia: Political, Economic & Social Development – May 2017 Report // Ministry of Foreign Affairs. – URL: https://www.saudiembassy.net/sites/default/files/WhitePaper_Development_May2017.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
79. Second National Meeting: Fighting fanaticism and extremism // The King Abdulaziz Center for National Dialogue. – URL: https://web.archive.org/web/20080119202013/http://www.kacnd.org/eng/second_meeting.asp (дата обращения: 10.01.2025).
80. The Grand Hajj Conference // Ministry of Hajj and Umrah. – URL: <http://www.haj.gov.sa/english/GrandHajjConference/Pages/aboutconference.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).
81. The Future of the Global Muslim Population (2011) // The Pew Research Center. – URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/the-future-of-the-global-muslim-population/> (дата обращения: 10.01.2025).
82. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050 (2015) // The Pew Research Center. – URL: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (дата обращения: 10.01.2025).
83. 2022 Report on International Religious Freedom // U.S. Department of State. – URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/> (дата обращения: 10.01.2025).
84. 2022 Report on International Religious Freedom: Saudi Arabia // Office of International Religious Freedom. – URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/saudi-arabia/> (дата обращения: 10.01.2025).
85. 2022 تعداد السعودية // Saudi Census. – URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal> (дата обращения: 10.01.2025).
86. السكان حسب الفئة العمرية // Saudi Census. – URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal/public/1/17/1360?type=DASHBOARD> (дата обращения: 10.01.2025).

- 87.2022 السعودية // Saudi Census. – URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal> (дата обращения: 10.01.2025).
88. القائمة الشاملة لجميع القادة الدينيين والسياسيين الذين وقّعوا وأقرّوا رسالة عمّان ومحاورها الثلاثة. // The Amman Message. – URL: <https://ammanmessage.com/-/القائمة-الشاملة-لجميع/?lang=ar> (дата обращения: 10.01.2025).
89. مركز الملك عبدالعزيز للتواصل الحضاري // لقاءات وطنية. – URL: <https://www.kaccc.org.sa/ar/Archive/index/67> (дата обращения: 10.01.2025).

ЛИТЕРАТУРА

Монографии:

90. Алиева, Б.А. Ислам и наука: К критике концепции соотношения знания и веры / Б.А. Алиева. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1978. – 118 с.
91. Асад, Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность / Т. Асад; пер. с англ. Р. Сафронова, науч. ред. В. Золотухин. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 376 с.
92. Беляев, Е.А. Мусульманское сектантство (Исторические очерки) / Е.А. Беляев. – М.: Издательство восточной литературы, 1957. – 102 с.
93. Беляев, Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье / Е.А. Беляев. – М.: «Наука», 1966. – 283 с.
94. Васильев, А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.) / А.М. Васильев. – М.: «Классика плюс», 1999. – 672 с.
95. Васильев, А.М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера / А.М. Васильев. – М.: «Восточная литература», 2010. – 519 с.
96. Валькова, Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях (1955–1977) / Л.В. Валькова. – М.: «Наука», 1979. – 224 с.
97. Валькова, Л.В. Саудовская Аравия: нефть, ислам, политика (1975–1985) / Л.В. Валькова. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 255 с.

98. Вебер, М. Избранное: Образ общества / М. Вебер; сост. С.Я. Левит. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 767 с.
99. Вебер, М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер; сост. С.Я. Левит. – М.: РОССПЭН, 2006. – 656 с.
100. Гараджа, В.И. Социология религии / В.И. Гараджа. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 348 с.
101. Герасимов, О.Г. Йеменская революция 1962–1975 гг. Проблемы и суждения / О.Г. Герасимов. – М.: «Наука», 1979. – 226 с.
102. Горохов, А.А. Феноменология религии Мирчи Элиаде / А.А. Горохов. – СПб.: Алетейя, 2014. – 160 с.
103. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
104. Долгов, Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир / Б.В. Долгов. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 200 с.
105. Жданов, Н.В. Исламская концепция миропорядка / Н.В. Жданов. – М.: «Международные отношения», 2003. – 563 с.
106. Иванова, И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. / И.И. Иванова. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2019. – 380 с.
107. Игнатенко, А.А. Ислам и политика: сборник статей / А.А. Игнатенко. – М.: Институт религии и политики, 2004. – 256 с.
108. Игнатенко, А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность / А.А. Игнатенко. – М.: «Наука», 1988. – 205 с.
109. Ислам в мировой политике в начале XXI века / под. ред. Л.М. Ефимовой и М.А. Сапроновой. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 345 с.
110. Ислам. Религия, общество, государство / отв. ред. П.А. Грязневич и С.М. Прозоров. – М.: «Наука», 1984. – 232 с.

111. “Исламский фактор” в международных отношениях в Азии (70-е – первая половина 80-х годов) / отв. ред. Л.Р. Полонская. – М.: «Наука», 1987. – 190 с.
112. Калиничева, З.В. Политика и религия / З.В. Калиничева. – Л.: «Знание», 1984. – 32 с.
113. Косач, Г.Г. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений / Г.Г. Косач, Е.С. Мелкумян. – М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2003. – 236 с.
114. Косач, Г.Г. Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования / Г.Г. Косач. – М.: «АСТИ-ИЗДАТ», 2008. – 204 с.
115. Левин, З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока / З.И. Левин. – М.: «Наука», 1988. – 221 с.
116. Ленин, В.И. Социализм и религия; Об отношении рабочей партии к религии / В.И. Ленин. – Ташкент: Узбекистан, 1983. – 28 с.
117. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев. – М.: Академический проект, 2017. – 503 с.
118. Лункин, Р.Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество / Р.Н. Лункин. – М.: ИЕ РАН, 2020. – 504 с.
119. Манучихри, А. Политическая система Ирана / А. Манучихри. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007. – 240 с.
120. Маркс, К. К критике гегелевской философии права / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения / под ред. Е.А. Степанова. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – 698 с.
121. Медведко, Л.И. Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики / Л.И. Медведко, А.В. Германович. – М.: Политиздат, 1988. – 255 с.

122. Мелкумян, Е.С. Арабские монархии Залива в XXI веке. Региональные и глобальные аспекты внешней политики / Е.С. Мелкумян. – М.: ИВ РАН, 2023. – 317 с.
123. Мельник, С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации / С.В. Мельник. – М.: ИНИОН РАН, 2022. – 398 с.
124. Меркулов, К.А. Ислам в мировой политике и международных отношениях / К.А. Меркулов. – М.: «Международные отношения», 1982. – 320 с.
125. Мец, А. Мусульманский Ренессанс / А. Мец; пер. с нем., предисл., библиогр. и указатель Д.Е. Бертельса, отв. ред. В.И. Беляев. – М.: «Наука», 1973. – 473 с.
126. Модестов, С.А. Геополитика ислама / С.А. Модестов. – М.: «Молодая гвардия», 2003. – 190 с.
127. Митрохин, Л.Н. Религия и политика / Л.Н. Митрохин. – М.: «Знание», 1991. – 80 с.
128. Наумкин, В.В. Ближний Восток в поисках утраченного возрождения / В.В. Наумкин, В.А. Кузнецов. – М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2021. – 31 с.
129. Наумкин, В.В. Несостоявшееся партнёрство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами / В.В. Наумкин. – М.: ИВ РАН, 2018. – 456 с.
130. Писманик, М.Г. Личность и религия / М.Г. Писманик. – М.: «Наука», 1976. – 152 с.
131. Писманик, М.Г. Религиоведение / М.Г. Писманик. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 279 с.
132. Платонов, Р.П. Пропаганда атеизма: Организация, содержание, результаты. (Из опыта БССР) / Р.П. Платонов. – М.: Политиздат, 1985. – 160 с.

133. Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 280 с.
134. Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – 431 с.
135. Роган, Ю. Арабы. История. XVI–XXI вв. / Ю. Роган. – М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – 769 с.
136. Самыгин, С.И. Религия и политика / С.И. Самыгин, К.В. Воденко, В.Н. Нечипуренко. – Ростов н/Д: Феникс, 2016. – 286 с.
137. Сенченко, И.П. Королевство Саудовская Аравия. История страны, народа и правящей династии Аль Сауд / И.П. Сенченко. – СПб.: Алетейя, 2022. – 668 с.
138. Современный ислам: проблемы политики и идеологии / под ред. Е.М. Примакова. – М.: ИВ АН СССР, 1985. – 195 с.
139. Сюкияйнен, Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики / Л.Р. Сюкияйнен. – М.: «Наука», 1986. – 254 с.
140. Узланер, Д.А. Конец религии? История теории секуляризации / Д.А. Узланер. – М.: ВШЭ, 2019. – 240 с.
141. Уолд, Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира / Э. Уолд. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 272 с.
142. Фрейзер, Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии / Дж.Дж. Фрейзер; пер. с англ. М.К. Рыклина. – М.: Академический Проект, 2012. – 854 с.
143. Философия религии: учебник для академического бакалавриата / под ред. М.М. Шахнович. – М.: Юрайт, 2020. – 273 с.
144. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас; пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – 144 с.
145. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2021. – 640 с.

146. Хайруллин, Т.Р. Современный исламизм в Арабском мире / Т.Р. Хайруллин. – М.: ЛЕНАНД, 2022. – 224 с.
147. Хобсбаум, Э. Разломанное время и общество в двадцатом веке / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Н. Охотина. – М.: Издательство «АСТ: CORPUS», 2017. – 384 с.
148. Шпенглер, О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер; пер. с нем. И.И. Махианькова. – М.: «АЛЬФА-КНИГА», 2017. – 1085 с.
149. Эвола, Ю. Восстание против современного мира / Ю. Эвола; пер. с итал. В. Ванюшкина и О. Молотов. – М.: Тотенбург, 2016. – 476 с.
150. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения / под ред. В.К. Брушлинский. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. – 827 с.
151. Яковлев, А.И. Фейсал: Король-реформатор / А.И. Яковлев. – М.: Российский центр стратегических и международных исследований, 1999. – 224 стр.
152. Al-Mdaires, F.A. Islamic Extremism in Kuwait: From the Muslim Brotherhood to Al-Qaeda and other Islamic Political Groups / A.F. Al-Mdaires. – Abingdon: Taylor & Francis, 2010. – 304 p.
153. Armstrong, H.C. Lord of Arabia Ibn Saud: The Intimate Study of a King / H.C. Armstrong. – London: Kegan Paul, 2005. – 296 p.
154. Atlas of the World's Religions / Ninian Smart (ed.). – New York: Oxford University Press, 1999. – 240 p.
155. Bull, Hedley. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics / Hedley Bull. – 3rd ed. – New York: PALGRAVE, 2002. – 329 p.
156. Casanova, José. Public Religions in the Modern World / José Casanova. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 340 p.

157. Chubin, Shahram. Iran-Saudi Arabia Relations and Regional Order: Iran and Saudi Arabia in the Balance of Power in the Gulf / Shahram Chubin, Charles Tripp. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 88 p.
158. Commins, D. The Wahhabi Mission and Saudi Arabia / D. Commins. – London: I.B. Tauris, 2009. – 276 p.
159. De Gaury, Gerald. Faisal: King of Saudi Arabia / Gerald De Gaury. – London: Barker, 1966. – 191 p.
160. DeLong-Bas, N.J. Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad / N.J. DeLong-Bas. – Cairo: The American University in Cairo Press, 2005. – 370 p.
161. Dower, John W. Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II / John W. Dower. – New York: W.W. Norton & Co., 1999. – 676 p.
162. Durkheim, Emile. The Elementary Forms of the Religious Life / Emile Durkheim; translated from the French by Joseph Ward Swain. – London: G. Allen & Unwin Ltd, 1964. – 456 p.
163. Echagüe, Ana. 'Strong Foundations'? The Imperative for Reform in Saudi Arabia / Ana Echagüe. – Madrid: FRIDE, 2009. – 36 p.
164. Halliday, Fred. Revolution and Foreign Policy: The Case of South Yemen, 1967–1987 / Fred Halliday. – New York: Cambridge University Press, 1990. – 336 p.
165. Hegghammer, Thomas. Jihad in Saudi Arabia: Violence and Pan-Islamism since 1979 / Thomas Hegghammer. – New York: Cambridge University Press, 2010. – 304 p.
166. Henderson, Simon. After King Abdullah: Succession in Saudi Arabia / Simon Henderson. – Washington D.C.: The Washington Institute for Near East Policy, 2009. – 56 p.
167. Holyoake, George Jacob. The Origin and Nature of Secularism: Showing That Where Freethought Commonly Ends Secularism Begins / George Jacob Holyoake. – London: Ulan Press, 2012. – 146 p.

168. Hope, Bradley. *Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power* / Bradley Hope, Justin Scheck. – New York: Hachette Books, 2020. – 368 p.
169. Irwin, Robert. *For Lust of Knowing: The Orientalists and their Enemies* / Robert Irwin. – London: Penguin, 2006. – 416 p.
170. Kaussler, Bernd. *Proxy War in Yemen* / Bernd Kaussler, Keith A. Grant. – London: Routledge, 2024. – 132 p.
171. Lacey, Robert. *The Kingdom* / Robert Lacey. – London: Hutchinson, 1981. – 630 p.
172. Lacey, Robert. *Inside the Kingdom* / Robert Lacey. – New York: Viking, 2009. – 466 p.
173. Lacroix, Stéphane. *Awakening Islam: The Politics of Religious Dissent in Contemporary Saudi Arabia* / Stéphane Lacroix. – Cambridge: Harvard University Press, 2011. – 384 p.
174. Lapidus, Ira M. *A History of Islamic societies* / Ira M. Lapidus. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 1002 p.
175. Lippman, T.W. *Arabian Knight: Colonel Bill Eddy USMC and the Rise of American Power in the Middle East* / T.W. Lippman. – Chicago: Selwa Press, 2008. – 352 p.
176. Macintyre, Ben. *A Spy Among Friends: Kim Philby and the Great Betrayal* / Ben Macintyre. – New York: Crown, 2015. – 384 p.
177. Mikesell, R.F. *Arabian Oil: America's Stake in the Middle East* / R.F. Mikesell, Chenery H.B. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2011. – 216 p.
178. Mircea, Eliade. *Le sacré et le profane* / Eliade Mircea. – Paris: Gallimard, 1965. – 185 p.
179. Parsons, Talcott. *The System of Modern Societies* / Talcott Parsons. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1971. – 152 p.
180. Phillips, Sarah. *Yemen and the Politics of Permanent Crisis* / Sarah Phillips. – London: Routledge, 2011. – 168 p.

181. Quandt, William B. Saudi Arabia in the 1980s: Foreign Policy, Security, and Oil / William B. Quandt. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1981. – 190 p.
182. Riedel, Bruce. The Search for al-Qaeda: Its Leadership, Ideology and Future / Bruce Riedel. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2010. – 204 p.
183. Said, Edward W. Orientalism / Edward W. Said. – New York: Vintage Books Edition, 1979. – 420 p.
184. Sedgwick, Mark. Muhammad Abduh: A Biography / Mark Sedgwick. – Cairo: The American University in Cairo Press, 2009. – 156 p.
185. Seeberg, Peter. Fragmented loyalties. Nation and Democracy in Lebanon after the Cedar Revolution / Peter Seeberg. – Odense: Centre for Contemporary Middle East Studies University of Southern Denmark, 2007. – 31 p.
186. Singh, R.S.N. Asian strategic and military perspective / R.S.N. Singh. – New Dehli: Lancer, 2005. – 423 p.
187. Stenslie, Stig. Regime Stability in Saudi Arabia: The Challenge of Succession / Stig Stenslie. – London: Routledge, 2012. – 184 p.
188. Suskind, Ron. The One Percent Doctrine: Deep Inside America's Pursuit of Its Enemies Since 9/11 / Ron Suskind. – New York: Simon & Schuster, 2007. – 400 p.
189. Tibi, Bassam. Islam Between Culture and Politics / Bassam Tibi. – New York: PALGRAVE, 2001. – 271 p.
190. Toynbee, Arnold. A Study of History / Arnold Toynbee. – New York: Gramercy, 1989. – 576 p.
191. Wiktorowicz, Quintan. The Management of Islamic Activism: Salafis, the Muslim Brotherhood, and State Power in Jordan / Quintan Wiktorowicz. – New York: State University of New York Press, 2001. – 205 p.
192. Yergin, Daniel. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power / Daniel Yergin. – New York: Free Press, 2008. – 928 p.

193. عبد العزيز حسين / الاسلام في السياسة الخارجية السعودية . عبد العزيز حسين الصويغ . ص 328 – 1992, الرياض – .الصويغ
194. جدة – محمد عمر مدني / العلاقات الدبلوماسية للمملكة العربية السعودية .محمد عمر مدني . ص 260 – 1990, مركز الخليج للابحاث
195. ص 359 – 1928, إسطنبول – .اصول الدين في الكلام . عبد القاهر بن طاهر البغدادي

Статьи:

196. Аватков, В.А., Религиозный фактор и мусульманское паломничество в российско-саудовских отношениях / В.А. Аватков, В.Д. Останин-Головня // Россия и мусульманский мир. – 2022. – №2 (324). – С. 64–71.
197. Аватков, В.А. Идеино-ценностное измерение мировой политики и дихотомия Восток–Запад / В.А. Аватков, В.Д. Останин-Головня // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 115–120.
198. Аватков В.А. Идеино-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: этноконфессиональный фактор и проблема экстремизма / В.А. Аватков, В.Д. Останин-Головня // Вестник Российской нации. – 2022. – № 6 (88). – С. 72–78.
199. Аватков, В.А. Эволюция политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции: сходства и различия / В.А. Аватков, Т.В. Каширина, В.Д. Останин-Головня // Новая и новейшая история. – 2022. – Т. 66, № 6. – С. 167–179.
200. Ашуров, М.Д. Религиозные институты в Саудовской Аравии: история, эволюция и особенности развития / М.Д. Ашуров // Ислам в современном мире. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 135–150.
201. Баженов, В.В. Влияние мировых религий на формирование международных отношений / В.В. Баженов // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2016. – № 6. – С. 46–51.

202. Беренкова, Н.А. Бахрейн и региональная шиитская солидарность / Н.А. Беренкова // Российский совет по международным делам. – 2017. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/> (дата обращения 20.03.2025).
203. Боришполец, К.П. Религиозный фактор в международных отношениях: амальгама ценностей, интересов и политических приоритетов / К.П. Боришполец // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 3. – С. 63–67.
204. ван дер Веер, П. Политическая религия в XXI веке / П. ван дер Веер // Ислам в современном мире. – 2010. – № 3–4 (19–20). – С. 49–59.
205. Гранин, Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? / Ю.Д. Гранин // Свободная мысль. – 2013. – № 1 (1637). – С. 51–64.
206. Дербенев, А.С. Саудовская Аравия в жерновах политической турбулентности / А.С. Дербенев // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 3 (13). – С. 273–285.
207. Забияко, А.П. Религия / А.П. Забияко, А.Н. Красников, Е.С. Элбакян // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 872–874.
208. Ермаков, Д.В. Ибн Ханбал и начало ханбалитства / Д.В. Ермаков // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1984. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – С. 175–189.
209. Игнатенко, А.А. Самоопределение исламского мира / А.А. Игнатенко // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 7–20.
210. Комлева, В.В. Роль религиозных институтов в международном гуманитарном сотрудничестве / В.В. Комлева // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры. – Минск: ООО «Позитив-центр», 2018. – С. 19–28.

211. Коргун, В.Г. Исламская контрреволюция в Афганистане / В.Г. Коргун // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. – 1985. – Вып. 3, ч. I. – С. 190–201.
212. Косач, Г.Г. Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика / Г.Г. Косач // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 97–108.
213. Косач, Г.Г. Саудовская Аравия: социально-экономическая трансформация / Г.Г. Косач // Труды Института востоковедения РАН. – 2019. – № 26. – С. 585–600.
214. Косач, Г.Г. Саудовская Аравия: Центр национального диалога в контексте "этапа реформ" / Г.Г. Косач // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2010. – № 5. – С. 303–324.
215. Косач, Г.Г. Саудовская внешняя политика: к вопросу о национальной интерпретации курса страны / Г.Г. Косач, Е.С. Мелкумян // Ближний Восток и современность. – 2002. – №16. – С. 67–114.
216. Косач, Г.Г. Саудовская Лига общественной морали и государство / Г.Г. Косач // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 1-1. – С. 302–312.
217. Крылов, Д.С. Незападные модели демократии на Арабском Востоке: идейно-ценностный аспект / Д.С. Крылов, В.Д. Останин-Головня // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 1 (117). – С. 289–319.
218. Кудряшова, И.В. Как изучать взаимодействие религии и политики? / И.В. Кудряшова // Политическая наука. – 2013. – № 2. – С. 9–24.
219. Кириченко, В. Положение шиитского меньшинства в Саудовской Аравии: социальный и политический аспекты / В. Кириченко // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 6 (276). – С. 134–147.
220. Мазур, С.О. Феномен «религиозного возрождения» глобализирующихся обществ в ракурсе социально-философских исследований / С.О. Мазур // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2016. – Вып. 15. – С. 203–209.

221. Мамадиев, Б.Б. Особенности центров по изданию фетв в Саудовской Аравии / Б.Б. Мамадиев // Россия и мусульманский мир. – 2020. – № 1 (315). – С. 55–68.
222. Мелкумян, Е.С. Роль Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в обеспечении региональной безопасности / Е.С. Мелкумян // Ближний Восток: Проблемы региональной безопасности (сборник статей). – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – С. 51–66.
223. Мелкумян, Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: история, ключевые достижения и перспективы развития / Е.С. Мелкумян // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2019. – № 1. – С. 108–137.
224. Митрофанова, А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» / А.В. Митрофанова // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 109–119.
225. Наумкин, В.В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти / В.В. Наумкин // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 6. – С. 42–59.
226. Останин-Головня, В.Д. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях на современном этапе / В.Д. Останин-Головня // Геоэкономика энергетики. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 53–66.
227. Останин-Головня, В.Д. Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» / В.Д. Останин-Головня // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 209–221.
228. Останин-Головня, В.Д. Структура, задачи и основные направления деятельности национальной гвардии Саудовской Аравии / В.Д. Останин-Головня, Е.Н. Стукалов // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2020. – №2 (4). – С. 29–32.

229. Останин-Головня, В.Д. Положение шиитского меньшинства Саудовской Аравии на современном этапе / В.Д. Останин-Головня // Россия и мусульманский мир. – 2024. – № 3 (333). – С. 62–73.
230. Останин-Головня, В.Д. Энергетический фактор в развитии внешней политики Саудовской Аравии на современном этапе / В.Д. Останин-Головня, В.И. Афанасьев // Геоэкономика энергетики. – 2024. – №2 (26). – С. 38–51.
231. Примаков, Е.М. «Исламский бум»: проблемы и уроки / Е.М. Примаков // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. – 1985. – Вып. 3, ч. I. – С. 12–22.
232. Пуховая, Е.Д. «Шиитский полумесяц» как современный геополитический феномен: виртуальная или реальная угроза? (по материалам канала «Ал-Джазира») / Е.Д. Пуховая // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2013. – № 4. – С. 82–90.
233. Саватеев, А.Д. Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии / А.Д. Саватеев, Т.Р. Хайруллин // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 165–180.
234. Сухов, А.Д. Марксистская трактовка религии / А.Д. Сухов // Философия и общество. – 2014. – № 3 (75). – С. 49–66.
235. Узланер, Д.А. Религия и политика: неразрывный симбиоз? / Д.А. Узланер // Россия в глобальной политике. – 2019. – № 1. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (дата обращения: 10.01.2025).
236. Федорченко А.В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос» / А.В. Федорченко // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 107–112.
237. Чикризова, О.С. К вопросу о методологии изучения суннито-шиитских взаимоотношений / О.С. Чикризова // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 74–82.

238. Чикризова, О.С. Религиозный фактор в мировой политике международных отношениях / О.С. Чикризова, Ю.В. Лашхия // Россия и мусульманский мир. – 2022. – № 1 (323). – С. 109–120.
239. Чичаев, Д.С. Религиозный фактор на Ближнем Востоке: возможные сценарии развития / Д.С. Чичаев // Человеческий капитал. – 2022. – № 5–1 (161). – С. 28–33.
240. Шамаров, П.В. Модель трансатлантического миротворчества НАТО / П.В. Шамаров // Обозреватель-Observer. – 2019. – № 11 (358). – С. 27–38.
241. Яблоков, И.Н. Культ религиозный / И.Н. Яблоков // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 560–561.
242. Яковлев, А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму / А.И. Яковлев // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. – С. 4–38.
243. Яковлев, А.И. Ислам и капиталистическая модернизация Саудовской Аравии / А.И. Яковлев // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. – 1985. – Вып. 3, ч. I. – С. 128–134.
244. Яковлев, А.И. Исламский фактор в политике Саудидов в 90-е годы XX в. / А.И. Яковлев // Ближний Восток: Проблемы региональной безопасности (сборник статей). – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – С. 67–71.
245. Яковлев, А.И. Цивилизационное измерение мировой политики: проблемы и возможности / А.И. Яковлев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 6–29.
246. Bärsch, C.-E. Der Kampf zwischen Gott und dem Bösen - Carl Schmitts Begriff des Politischen aus der Perspektive der Religionspolitologie / C.-E. Bärsch // Soziologie als Krisenwissenschaft: Festschrift zum 65. Geburtstag

- von Dankwart Danckwerts / Hans Uske et al. – Münster: LIT Verlag, 1998. – S. 333–352.
247. Berger, Peter L. The Desecularization of the World: A Global Overview / Peter L. Berger // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Peter L. Berger (ed.). – Michigan: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1999. – 143 p.
248. Beranek, O. Divided We Survive: A Landscape of Fragmentation in Saudi Arabia / O. Beranek // Middle East Brief. – 2009. – No. 33. – URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/middle-east-briefs/pdfs/1-100/meb33.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
249. Boucek, Christopher. Saudi Fatwa Restrictions and the State-Clerical Relationship / Christopher Boucek // Carnegie Endowment. – 2010. – URL: <https://carnegieendowment.org/2010/10/27/saudi-fatwa-restrictions-and-state-clerical-relationship/6b81> (дата обращения: 10.01.2025).
250. Casanova, José. Rethinking Secularization: A Global Comparative Perspective / José Casanova // Religion, globalization and culture / Beyer P., Beaman L. (eds.). – Leiden: Brill, 2007. – P. 101–120.
251. Cheema, Z.I. CDHRI and International Human Rights Framework / Z.I. Cheema, B. Munir, A.N. Khan // Pakistan Social Sciences Review. – 2020. – Vol. 4, No. 2. – P. 895–905.
252. Dobbelaere, Karel. Secularization: A Multi-Dimensional Concept / Karel Dobbelaere // Current Sociology. – 1981. – Vol. 29. – P. 1–213.
253. Donnelly, Jack. Cultural Relativism and Universal Human Rights / Jack Donnelly // Human Rights Quarterly. – 1984. – Vol. 6, No. 4. – P. 400–419.
254. Gramer, R. How the Bottom Fell Out of the U.S.-Saudi Alliance / R. Gramer // Foreign Policy. – 2020. – URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/23/saudi-arabia-trump-congress-breaking-point-relationship-oil-geopolitics/> (дата обращения: 10.01.2025).
255. Hoffman, Jon. The Evolving Relationship Between Religion and Politics in Saudi Arabia / Jon Hoffman // Arab Center Washington D.C. – 2022.

- URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-evolving-relationship-between-religion-and-politics-in-saudi-arabia/> (дата обращения: 10.01.2025).
256. Jeffrey, A. Globalization and Islamic Resurgence / A. Jeffrey, Jr. Shad // *Comparative Civilizations Review*. – 1988. – Vol. 19, No. 19. – P. 67–78.
257. Lapidus, Ira M. Hierarchies and Networks: A Comparison of Chinese and Islamic Societies / Ira M. Lapidus // *Conflict and Control in Late Imperial China* / F. Wakeman Jr., C. Grant (eds.). – Los Angeles: University of California Press, 1975. – P. 26–42.
258. Lewis, Bernard. The Question of Orientalism / Bernard Lewis // *The New York Review of Books*. – 1982. – URL: <https://archive.org/details/LewisBernardTheQuestionOfOrientalism/mode/1up> (дата обращения: 10.01.2025).
259. Lief, Louise. With youth pounding at kingdom's gates, Saudi Arabia begins religious police reform / Louise Lief // *The Christian Science Monitor*. – 2013. – URL: <https://www.csmonitor.com/World/Middle-East/2013/0523/With-youth-pounding-at-kingdom-s-gates-Saudi-Arabia-begins-religious-police-reform> (дата обращения: 10.01.2025).
260. Matthiesen, T. Hizbullah al-Hijaz: A History of the Most Radical Saudi Shi'a Opposition Group / T. Matthiesen // *Middle East Journal*. – 2010. – No. 2. – P. 179–197.
261. Mohammadi, A. The Destruction of Jannat al-Baqi': A Case of Wahhabi Iconoclasm / A. Mohammadi // *University of Toronto Undergraduate Journal of Middle East Studies*. – 2015. – No. 8. – P. 47–56.
262. Mohan, Raja. Nationalism comes to Saudi Arabia / Raja Mohan // *The Indian Express*. – 2019. – URL: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/saudi-crown-prince-mohammed-bin-salman-visit-nationalism-arabia-5590019/> (дата обращения: 10.01.2025).
263. Nehme, M.G. Saudi Arabia 1950-80: Between Nationalism and Religion / M.G. Nehme // *Middle Eastern Studies*. – 1994. – No. 4. – P. 930–943.

264. Ochsenwald, William. Saudi Arabia and The Islamic Revival / William Ochsenwald // International Journal of Middle East Studies. – 1981. – Vol. 13, No. 3. – P. 271–286.
265. Patel, Faiza. The Islamophobic Administration / Faiza Patel, Rachel Levinson-Waldman // Brennan Center for Justice. – 2017. – URL: <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/islamophobic-administration> (дата обращения: 10.01.2025).
266. Ramani, Samuel. The Qatar Blockade Is Over, but the Gulf Crisis Lives On // Foreign Policy. – 2021. – URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/27/qatar-blockade-gcc-divisions-turkey-libya-palestine/> (дата обращения: 10.01.2025).
267. Robertson, Roland. Globalization Theory and Civilization Analysis / Roland Robertson // Comparative Civilizations Review. – 1987. – Vol. 17, No. 17. – P. 20–30.
268. Silverfarb, Daniel. The Anglo-Najd treaty of December 1915 / Daniel Silverfarb // Middle Eastern Studies. – 1980. – Vol. 16, No. 3. – P. 167–177.
269. Tschannen, Olivier. La genèse de l'approche moderne de la sécularisation: une analyse en histoire de la sociologie / Olivier Tschannen // Social Compass. – 1992. – Vol. 39, No. 2. – P. 291–308.
270. Yefet, Adam. The Influence of Religious Institutions on the Domestic and Foreign Policies of the Kingdom of Saudi Arabia / Adam Yefet // The International Affairs Review. – 2016. – URL: <https://www.iar-gwu.org/print-archive/khr7amq5jc83svz4yy20m4vxkcp6yx> (дата обращения: 10.01.2025).
271. Ziebertz, H.-G. A post-secular society? / H.-G. Ziebertz, U. Riegel // International journal of practical theology. – 2010. – Vol. 13, No. 2. – P. 293–308.
272. نزار / المرتكزات الأساسية لسياسة المملكة العربية السعودية الخارجية. نزار بن عبيد مدني // مجلة الدبلوماسية. – 1981. – № 1. – ص. 67–72.

273. أ.د. علي جمعة // مفهوم الأمة الواحدة .علي جمعة – 2015. – URL: <https://web.archive.org/web/20200610091111/https://ns2.heloolserver.com/index.php/المكتبة/مقالات/عقيدتي/item/1462-مفهوم-الأمة-الواحدة> (дата обращения: 10.01.2025).

Диссертации и авторефераты:

274. Аватков, В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.04 / В.А. Аватков. – Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2020. – 387 с.
275. Ас-Самак, А.И. Фейсал и внешняя политика Королевства Саудовская Аравия: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. / А.И. Ас-Самак. – Москва: ИВ РАН, 2014. – 221 с.
276. Демченко, Д.А. Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива: автореф. дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Д.А. Демченко. – Пятигорск: ПГУ, 2020. – 26 с.
277. Sukkar, A. Political reform and its impacts on political stability: a case study of the Kingdom of Saudi Arabia during the period from 1990 to 2010 (PhD thesis) / A. Sukkar // VU Research Repository. – 2010. – URL: https://vuir.vu.edu.au/17748/3.haslightboxThumbnailVersion/SUK-KAR%20Atif-theses_nosignature.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

СМИ И ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

278. Беленькая, М.Б. Красные паши саудовского короля. Взлеты и падения отношений Москвы и Эр-Рияда / М.Б. Беленькая // Коммерсантъ. – 11.10.2019. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4119995> (дата обращения: 10.01.2025).

279. Генпрокурор Саудовской Аравии: убийство Хашогги было умышленным // Вести. – 25.10.2018. – URL: <https://www.vesti.ru/article/1447394> (дата обращения: 10.01.2025).
280. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // ФСБ РФ. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 10.01.2025).
281. МИД Саудовской Аравии: исламская военная коалиция не привязана к суннитам или шиитам // ТАСС. – 15.12.2015. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2530334> (дата обращения: 10.01.2025).
282. Назир Тюрякулов. Биография // “Nazir Turekulov” International Charitable Foundation. – Алма-Ата, 2023. – URL: <https://fnt.kz/biografiya> (дата обращения: 10.01.2025).
283. Патрушев назвал военные конфликты в мире следствием авантюры других стран // ТАСС. – 24.04.2019. – URL: <https://tass.ru/politika/6369202> (дата обращения: 10.01.2025).
284. Убийца Садата выпущен на свободу // BBC. – 09.09.2003. – URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3147000/3147800.stm (дата обращения: 10.01.2025).
285. Хадж операторы // Хадж-Миссия России. – URL: <https://hajjmission.ru/operators> (дата обращения: 10.01.2025).
286. Штаб-квартира Центра по борьбе с экстремистской идеологией будет находиться в Эр-Рияде // ТАСС. – 21.05.2017. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4269098> (дата обращения: 10.01.2025).
287. 25 тысяч российских мусульман совершат хадж в этом году // Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ). – URL: <https://dumrf.ru/regions/77/event/15654> (дата обращения: 10.01.2025).

288. About ICCT: Key Partners // International Centre for Counter-Terrorism (ICCT). – URL: <https://www.icct.nl/about> (дата обращения: 10.01.2025).
289. American Political Science Association (ASPA): Religion and Politics (Section 11). – Washington, D.C., 2023. – URL: <https://apsanet.org/section11> (дата обращения: 10.01.2025).
290. Baker, Peter. Trump Softens Tone on Islam but Calls for Purge of ‘Foot Soldiers of Evil’ / Peter Baker // The New York Times. – 21.05.2017. – URL: https://www.nytimes.com/2017/05/21/world/middleeast/trump-saudi-arabia-islam-speech.html?_r=0 (дата обращения: 10.01.2025).
291. Bashraheel, Aseel. Rise and fall of the Saudi religious police / Aseel Bashraheel // Arab News. – 22.09.2019. – URL: <https://www.arab-news.com/node/1558176/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).
292. CFI Defends Freedom of Expression at the U.N. Human Rights Council // Center for Inquiry (CFI). – 17.09.2008. – URL: https://centerfor-inquiry.org/press_releases/cfi_defends_freedom_of_expression_at_the_un_human_rights_council/ (дата обращения: 10.01.2025).
293. CIA honors Saudi Crown Prince for efforts against terrorism // Al Arabiya. – 10.02.2017. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2017/02/10/CIA-awards-Saudi-Crown-Prince-for-efforts-against-terrorism-> (дата обращения: 10.01.2025).
294. David, Javier E. US-Saudi Arabia seal weapons deal worth nearly \$110 billion immediately, \$350 billion over 10 years // CNBC. – 22.05.2017. – URL: <https://www.cnbc.com/2017/05/20/us-saudi-arabia-seal-weapons-deal-worth-nearly-110-billion-as-trump-begins-visit.html> (дата обращения: 10.01.2025).
295. Dr. Walid bin Mohammed Al-Samaani, justice minister and president of the Supreme Judicial Council // Arab News. – 15.08.2019. – URL: <https://www.arabnews.com/node/1540611/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).

296. Economic and Social Revolution in Saudi Arabia - September 2023 // New Zealand Foreign Affairs & Trade. – URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/mfat-market-reports/economic-and-social-revolution-in-saudi-arabia-september-2023> (дата обращения: 10.01.2025).
297. Egypt's Muslim Brotherhood Welcomes Idea of U.S. Contacts // Haaretz. – 30.06.2011. – URL: <https://www.haaretz.com/2011-06-30/ty-article/egypts-muslim-brotherhood-welcomes-idea-of-u-s-contacts/0000017fdb3e-db5a-a57f-db7ef91d0000> (дата обращения: 10.01.2025).
298. E-service for Umrah expanded // Arab News. – 07.01.2013. – URL: <https://www.arabnews.com/e-service-umrah-expanded> (дата обращения: 10.01.2025).
299. Fahmy, D. 5 fact about religion in Saudi Arabia / D. Fahmy // Pew Research Center. – 2018. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/04/12/5-facts-about-religion-in-saudi-arabia/> (дата обращения: 10.01.2025).
300. Government // The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia. – URL: <https://www.saudiembassy.net/government/?id=Skunk-3593-6229-42-4733> (дата обращения: 10.01.2025).
301. H. Saint John Philby // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/biography/H-Saint-John-Philby> (дата обращения: 10.01.2025).
302. Hajj Visa // Saudia. – URL: <https://www.saudia.com/before-flying/travel-information/hajj-and-umrah/hajj-visa> (дата обращения: 10.01.2025).
303. Impact // International Center on Nonviolent Conflict (ICNC). – Washington, D.C., 2023. – URL: <https://www.nonviolent-conflict.org/impact/> (дата обращения: 10.01.2025).
304. Inglehart–Welzel Cultural Map: Findings and Insights // World Values Survey. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 10.01.2025).

305. Inside the Saudi town that's been under siege for three months by its own government // The Independent. – 04.08.2017. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/saudi-arabia-siege-town-own-citizens-government-kingdom-military-government-awamiyah-qatif-a7877676.html> (дата обращения: 10.01.2025).
306. Iran and Saudi Arabia take their rivalry to Lebanon // The Economist. – 16.10.2017. – URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2017/11/16/iran-and-saudi-arabia-take-their-rivalry-to-lebanon> (дата обращения: 10.01.2025).
307. John C. Danforth Center on Religion and Politics: About the Center. – St. Louis, 2023. – URL: <https://rap.wustl.edu/about/about-the-center/> (дата обращения: 10.01.2025).
308. King reshuffles Supreme Judiciary Council and Ulema // Arab News. – 15.01.2013. – URL: <https://www.arabnews.com/king-appoints-new-supreme-court-chief-other-officials> (дата обращения: 10.01.2025).
309. Labor, Islamic Affairs ministries discuss ways to further develop Saudi nonprofit sector // Arab News. – 18.06.2019. – URL: <https://www.arabnews.com/node/1512706/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).
310. Law and Religion in Saudi Arabia // International Center for Law and Religion Studies. – URL: <https://www.iclrs.org/blurb/saudi-arabia-country-info/> (дата обращения: 10.01.2025).
311. Lords Spiritual // The Church of England in Parliament. – London, 2023. – URL: <https://churchinparliament.org/about-the-lords-spiritual/> (дата обращения: 10.01.2025).
312. Mathias, Christopher. Muslim Brotherhood Terror Designation Will Lead to 'Witch-Hunt,' Rights Groups Say / Christopher Mathias // The Huffington Post. – 24.02.2017. – URL: https://www.huffpost.com/entry/muslim-brotherhood-terror-designation-letter_n_58b03effe4b0780bac28758b (дата обращения: 10.01.2025).

313. Muslim World League and World Assembly of Muslim Youth // Pew Research Center. – 2010. – URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2010/09/15/muslim-networks-and-movements-in-western-europe-muslim-world-league-and-world-assembly-of-muslim-youth/> (дата обращения: 10.01.2025).
314. MWL chief receives World's Religions Peace Award // Arab News. – 20.02.2019. – URL: <https://www.arabnews.com/node/1455491/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).
315. Nasr, Vali. When the Shiites Rise / Vali Nasr // Foreign Affairs. – 29.08.2006. – URL: <http://www.mafhoum.com/press9/282S26.htm> (дата обращения: 10.01.2025).
316. NGOs Urge Sec. Kerry to Act in Case of Sheikh Nimr al-Nimr // Americans for Democracy & Human Rights in Bahrain. – 19.11.2015. – URL: <https://www.adhrb.org/2015/11/ngos-urge-sec-kerry-to-act-in-case-of-sheikh-nimr-al-nimr/> (дата обращения: 10.01.2025).
317. Obama's chilly reception in Saudi Arabia hints at mutual distrust // The Guardian. – 20.04.2016. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/apr/20/barack-obama-saudi-arabia-visit-king-salman-relationship> (дата обращения: 10.01.2025).
318. Our history: Driven by the curiosity to explore // Saudi Aramco. – URL: <https://www.aramco.com/en/about-us/our-history#transformation> (дата обращения: 10.01.2025).
319. Politics and Religion Journal: About the Journal. – Belgrade, 2023. – URL: <http://politicsandreligionjournal.com/index.php/prj/about> (дата обращения: 10.01.2025).
320. Pipes, Daniel. Lion's Den: Islamism 2.0 – an even greater threat / Daniel Pipes // The Jerusalem Post. – 24.11.2009. – URL: <https://www.jpost.com/opinion/lions-den-islamism-20-an-even-greater-threat> (дата обращения: 10.01.2025).

321. Qatar news agency claims it was hacked after Emir quoted saying ties with Israel 'good' // The Times of Israel. – 24.05.2017. – URL: <https://www.timesofisrael.com/qatar-news-agency-claims-it-was-hacked-after-emir-says-ties-with-israel-good/> (дата обращения: 10.01.2025).
322. Qatari emir condemns 'unjust blockade' in UNGA speech // Al Jazeera. – 19.09.2017. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/9/19/qatari-emir-condemns-unjust-blockade-in-unga-speech> (дата обращения: 10.01.2025).
323. Religion of Saudi Arabia // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/place/Saudi-Arabia/Religion> (дата обращения: 10.01.2025).
324. Riyadh summit discusses ways of rooting out terrorism // Al Jazeera. – 21.05.2017. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/5/21/riyadh-summit-discusses-ways-of-rooting-out-terrorism> (дата обращения: 10.01.2025).
325. Saad Hariri: Lebanon PM 'suspends' resignation // BBC. – 22.11.2017. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-42079999> (дата обращения: 10.01.2025).
326. Saudi-led Coalition // Armed Conflict Location & Event Data (ACLED). – 2023. – URL: <https://acleddata.com/yemen-conflict-observatory/actor-profiles/saudi-led-coalition/> (дата обращения: 10.01.2025).
327. Saudi Arabia Country Report 2024 // BTI. – URL: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/SAU> (дата обращения: 10.01.2025).
328. Saudi Arabia for first time marks its founding, downplaying conservative roots // Reuters. – 22.02.2022. – URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-first-time-marks-its-founding-downplaying-conservative-roots-2022-02-22/> (дата обращения: 10.01.2025).
329. Saudi Arabia 'has declared war' on Lebanon, says Hezbollah leader // The Washington Times. – 10.11.2017. – URL: <https://www.washington-times.com/news/2017/nov/10/saudi-arabia-has-declared-war-lebanon-says-hezbollah/> (дата обращения: 10.01.2025).

330. Saudi Arabia issues royal decrees, appoints new health and Hajj ministers // Arab News. – 15.10.2021. – URL: <https://www.arab-news.com/node/1948706/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).
331. Saudis Report Broad Support for Mecca Policy: Envoy Says Heads of 40 Nations Hail Tough Stand Against Iranian Rioters (1987) // Los Angeles Times. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1987-08-07-mn-1141-story.html> (дата обращения: 10.01.2025).
332. Saudi arrests 100 Shi'ite protesters – rights group // Reuters. – 23.03.2011. – URL: <https://www.reuters.com/article/2011/03/23/oukwd-uk-saudi-arrests-idAFTRE72M24G20110323/> (дата обращения: 10.01.2025).
333. Saudi, Emirati Leaders Decline Calls with Biden During Ukraine Crisis // The Wall Street Journal. – 08.03.2022. – URL: <https://www.wsj.com/articles/saudi-emirati-leaders-decline-calls-with-biden-during-ukraine-crisis-11646779430> (дата обращения: 10.01.2025).
334. Saudi ends blockade but Qatar gives up little // The Independent. – 05.01.2021. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/qatar-saudi-arabia-gulf-arab-b1782751.html> (дата обращения: 10.01.2025).
335. Saudi justice minister inaugurates book on legal precedents // Arab News. – 05.01.2018. – URL: <https://www.arab-news.com/node/1219391/saudi-arabia> (дата обращения: 10.01.2025).
336. September 2001 // The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia, Washington, D.C. – 2023. – URL: <https://www.saudiembassy.net/archive/200109> (дата обращения: 10.01.2025).
337. Sheikh Abdullatif Al-Sheikh appointed Saudi Minister of Islamic Affairs // Al Arabiya. – 02.06.2018. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2018/06/02/Sheikh-Abdulatif-Al-Sheikh-appointed-Saudi-Minister-of-Islamic-Affairs> (дата обращения: 10.01.2025).

338. Standing Committee for Scholarly Research and Issuing Fatwas, (Saudi Arabia) // Islamopedia. – URL: <https://web.archive.org/web/20120226104000/http://islamopediaonline.org/websites-institutions/permanent-committee-islamic-research-and-opinion-saudi-Arabia> (дата обращения: 10.01.2025).
339. Stolberg, S.G. Shy U.S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution / S.G. Stolberg // The New York Times. – 16.02.2011. – URL: https://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&pagewanted=all (дата обращения: 10.01.2025).
340. The Historic Meeting between Saudi King Abdulaziz, US President Roosevelt // Asharq Al-Awsat. – 14.02.2022. – URL: <https://english.aawsat.com/home/article/3474531/historic-meeting-between-saudi-king-abdulaziz-us-president-roosevelt> (дата обращения: 10.01.2025).
341. Trump lands in Israel: What to watch // CNN. – 22.05.2017. – URL: <https://edition.cnn.com/2017/05/22/politics/trump-israel-what-to-watch/> (дата обращения: 10.01.2025).
342. Turkish police suspect Saudi journalist Khashoggi was killed at consulate // Middle East Eye. – 08.10.2018. – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkish-police-suspect-saudi-journalist-khashoggi-was-killed-consulate> (дата обращения: 10.01.2025).
343. Vision 2030 // Digital Government Authority. – URL: <https://www.my.gov.sa/wps/portal/snp/content/sauidivision/?lang=en> (дата обращения: 10.01.2025).
344. WHAT IS NATO? Basic Points: A Political and Military Alliance. – Brussels, 2023. – URL: <https://www.nato.int/nato-welcome/index.html> (дата обращения: 10.01.2025).
345. Wintour, Patrick. Gulf plunged into diplomatic crisis as countries cut ties with Qatar // The Guardian. – 05.06.2017. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jun/05/saudi-arabia-and-bahrain-break-diplomatic-ties-with-qatar-over-terrorism> (дата обращения: 10.01.2025).

346. Young prince in a hurry // The Economist. – 09.01.2016. – URL: <https://www.economist.com/briefing/2016/01/09/young-prince-in-a-hurry> (дата обращения: 10.01.2025).
347. // أمين عام مجلس التعاون لـ«الشرق الأوسط»: دخول القوات الخليجية للبحرين ليس بدعة Asharq Al-Awsat. – 16.03.2011. – URL: <https://archive.aawsat.com/details.asp?section=4&article=612744&issueno=11796#.XGq-hJMzb3Q> (дата обращения: 10.01.2025).
348. // خادم الحرمين يحذّر من الأطماع الخارجية.. وهولاند: أمن الخليج من أمن فرنسا Asharq Al-Awsat. – 05.05.2015. – URL: <https://aawsat.com/home/article/353301/-الخارجية-الأطماع-يحدّر-من-الخارجية-أمن-الخليج-من-أمن-فرنسا> (дата обращения: 10.01.2025).
349. // خطاب استقالة سعد الحريري Al Arabiya. – 04.10.2017. – URL: <https://www.alarabiya.net/2017/11/04/خطاب-استقالة-سعد-الحريري> (дата обращения: 10.01.2025).
350. // السعودية.. سبب زيارة عمار الحكيم ولقاء محمد بن سلمان يثير تفاعلا CNN Arabic. – 19.08.2022. – URL: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2022/08/19/ammар-alhakeem-visit-saudi-mbs-meeting-social-reactions> (дата обращения: 10.01.2025).
351. // الشيعية في السعودية: من التهميش إلى الاحتواء CNN Arabic. – URL: https://arabic.cnn.com/2007/middle_east/3/8/shiite-saudi/ (дата обращения: 10.01.2025).
352. // السعودية.. سبب زيارة عمار الحكيم ولقاء محمد بن سلمان يثير تفاعلا CNN Arabic. – URL: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2022/08/19/ammар-alhakeem-visit-saudi-mbs-meeting-social-reactions> (дата обращения: 10.01.2025).
353. – 2023. – URL: <https://www.oic-oci.org/states/?lan=ar> (дата обращения: 10.01.2025).
354. // IMCTC. – 2023. – URL: <https://www.imctc.org/ar/Media-Center/Events/Pages/default.aspx#> (дата обращения: 10.01.2025).

355. – URL: <https://www.moia.gov.sa/AboutMinistry/Pages/AboutMinistry.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).
356. – URL: <https://www.moj.gov.sa/ar/Ministry/Pages/AboutUs.aspx> (дата обращения: 10.01.2025).